

C1.207416

under the same
laminar structure

3204.

THE
THE
25
C7
HSE
H3
I
HINN
90 DE
B76H
50 I
9 BO
E

OT

Прет
ет
И
гел
об

ADICV

А. 593. Из библиотеки Выйскаго училища.

Г. Малета

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ

ИСТОРИЮ ДАТСКУЮ,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

содержащая въ себѣ достопамятно-
сти иконословія и стихотворенія
древнихъ сѣверныхъ народовъ.

перевелъ

съ Французскаго языка на Россійскій

Адъюнктъ

Федоръ Моисенко.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ, 1785 года.

издѣвѣніемъ Императорской Академіи
Наукъ.

Родные книги

Шифр

Инв.

65958

Облѣстка

И. П. А. А. А. А.

ВВЕДЕНИЕ

В

ИСТОРИЯ ДАТСКУ

ВВЕДЕНИЕ

СОСТАВЛЕНА ПО СЛОВАМ ДАТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПЕРЕКЛАДЫВАЮЩАЯСЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕКЛАДЧИКА

ПЕРЕКЛАД

И. П. А. А. А. А.

А. А. А. А.

ОБЩЕСТВО

1914/16

Государственная библиотека
им. А. Г. Барятинского
г. Омск

Омск

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Не знаю, находится ли между множества-
вомъ важныхъ предмѣтовъ, которые ист-
торія представляетъ разсужденію, какій
достойнѣйшій нашего вниманія, какъ раз-
личныя вѣры, которыя знамениты были въ
мірѣ семъ.

На семъ то явленіи, если я смѣю та-
кимъ образомъ сказать, люди истинно
представлены такими, каковы они въ са-
момъ дѣлѣ бывають, и тутъ то они от-
личаются, выразительнѣйшими чертами;
сверхъ того при семъ то они показываютъ
извнѣ всѣ ихъ слабости, страсти и нужды
въ сердцѣ, а свойства, дарованія и не-
совершенства въ разумѣ.

Единое ученіе вѣрѣ показываетъ намъ
все то, что въ состояніи здѣлать пред-
разсужденія, дабы понизить наше есте-
ство, и все то, что могутъ мудрыя пра-
вила, дабы насъ возвысить превыше насъ са-
михъ. Если наше сердце подобно пучинѣ;
то они вывели наружу то, что въ немъ
скрывается; и они единыя дали нашему
сердцу всѣ тѣ виды, какіе оно принятъ
можетъ. Они торжествуютъ надъ тѣмъ,
что почитали наисущественнѣйшимъ на-
шему естеству. Человѣкъ дѣлается по
ихъ произволенію скотомъ или ангеломъ.

Но шутъ не вся еще польза сего ученія; безъ онаго не можно быть глубокому познанію народовъ. Кому не извѣстно ихъ участіе во нравахъ и въ законахъ? Они, такъ сказать, будучи смѣшаны въ сиспимъ разныхъ народовъ, вникали во все то, что они думали, и во все то, что они дѣлали. Тутъ они возбуждали и подкрѣпляли самодержавное правленіе; а тамъ они его обуздавали: разумъ болѣе, нежели единого народнаго правленія былъ собственный ихъ; часто завоеватели покорили единственно ихъ оружіями, и они почти всегда были душею полиптики или ея десницами.

Вѣра полагаетъ столь великія пружины во движеніе; она заставляетъ говорить столь не обинуемая выгоды, что если она не рождена сходственнымъ съ умоначерпаніемъ того народа, который ея принялъ; то она ему дастъ сходственное съ ея умоначерпаніемъ; къ сему потребно то, что бы единая изъ сихъ двухъ силъ, торжествуя надъ другою, соединила ея съ собою, дабы отъ того здѣлаться приращенною: они суть двѣ рѣки, которыя вмѣстѣ соединившись составляютъ общій ручей гораздо быстрѣйшій, который все влечетъ съ собою.

Но въ семъ множествѣ вѣрѣ не всѣ они равномѣрно достойны нашихъ разысканій.

У нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ находятся вѣры безъ воображеній, обряды безъ предмѣта, которыя имъ однажды страхъ предписалъ, и которыя у нихъ пребываютъ по механическому обыкновенію. Единый взоръ усмеленный на такія вѣры въ состояніи привести насъ къ постиженію всѣхъ сходствъ.

Для тѣхъ, которые думаютъ о предмѣтахъ болѣе относительныхъ къ имъ самимъ, надлежитъ, чтобы они не представляли себя на мѣстѣ какого Семовѣда или Алгонкинца; но можетъ ли для нихъ равнодушнымъ представиться то, чтобы знать вѣры, которыя составляли долгое время судьбину сея части свѣта, которую они имѣютъ предъ ихъ очами?

Я не говорю здѣсь ни мало, какъ то видятъ, объ откровеніи, что причины верховнаго приказанія предписали намъ законъ, чтобы безпрестанно учиться.

Двѣ главнѣйшія вѣры раздѣляли между собою чрезъ долгое время владѣніе тѣхъ самихъ странъ, коихъ христіанская вѣра нынѣ счастіе составляетъ. Могли ли бы мы знать всѣ тѣ обязательства, которыми мы ей должны, если бы мы не вѣдали того, отъ какихъ она насъ правилъ и мнѣній освободила?

Я то довольно знаю, koliko старались объ описаніи одной изъ сихъ двухъ вѣръ.

Сколькимъ книгамъ иконословіе Греческое и Римское было предлогомъ! Нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ разсужденіи малыхъ божествъ, почитаемыхъ токмо въ какомъ городкѣ, или названныхъ мимоходомъ какимъ либо древнимъ; а нѣкоторыя принадлежатъ еще къ маловажнѣйшимъ обстоятельствомъ, къ равнодушнѣйшимъ достопамятностямъ обряда, какій оно предписываетъ. Можетъ быть съ основаніемъ скажутъ, что у насъ не достаесть еще такихъ книги, въ коей бы старались открытъ разумъ, и замѣтить то участіе, какое оно имѣло въ благонравіи и политикѣ.

Однако же сія вѣра никогда далѣе не распространяла ея власти въ Европѣ, какъ токмо во Греціи и въ Италіи. И какимъ бы образомъ она пустила глубокіе корни у народовъ покоренныхъ, которые ненавидѣли боговъ Римскихъ, во первыхъ какъ боговъ чужестранныхъ, а во вторыхъ какъ боговъ ихъ обладателей? И такъ сія столь знаменитая вѣра, которыя главнѣйшія правила у насъ учатъ самые отроки, заключена была въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, между тѣмъ какъ большая часть Галлій, Британіи, Германіи и Скандинавіи съ наидревнѣйшихъ временъ послѣдовали другой.

Она была Кельтская вѣра (*), которую Европейцы съ основаніемъ могутъ называть вѣрою ихъ отцовъ; да и самая Ипалія приняла въ нея нѣдро больше, нежели единый побѣдительный народъ, который исповѣдовалъ оную. Сей бы по вѣрѣ вѣроятно они еще послѣдовали, если бы они всегда оставлены были имъ самимъ и ихъ мраку. Сія по вѣра сноситъ, и внушаетъ, если я смѣю такъ сказать, нашъ воздухъ, нашу природу и наши нѣжды; ибо кто можетъ отвращаться, чтобы въ ложныхъ вѣрахъ не было тысячи вещей относительныхъ къ симъ различнымъ предметамъ? На конецъ она есть такая вѣра, надъ которою Христіанская торжествуя по долгимъ

(*) Мало въ томъ важности, что ученые называютъ сію вѣру во Франціи Гальскою, въ Англіи Британскою, въ Нѣмецкой землѣ Германскою и проч. Теперь вездѣ признаются въ томъ, что она была таже самая во всѣхъ сихъ странахъ, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи правилъ принятыхъ за основаніе. Какъ я объ ней здѣсь разсуждаю по тому, что она въ семъ общаго имѣетъ; то я и употребляю названіе *Кельтская*, какбы всѣмъ наисвойственнѣйшее всѣмъ вообще, не вдаваясь во всѣ споры, къ коимъ сіе слово подало поводъ, и кои по моему мнѣнію происходятъ отъ того, что другъ друга не разумѣютъ.

сраженіямъ , не могла еще совершенно испребить всѣхъ слѣдовъ оныя.

И такъ можетъ быть позволено будетъ спросить, для чего всѣ глаза устремлены на идолослуженіе Грековъ и Римлянъ между тѣмъ, когда находится споль мало особъ, даже и между учеными людьми, которые бы имѣли какое свѣденіе о вѣрѣ, о которой я говорю? Дали ли сіе преимущество естественному превосходству правилъ и служенія сихъ знающихъ народовъ, по которому она здѣлалась предметомъ разысканій, удовлетворительнымъ самимъ собою? Но въ самомъ дѣлѣ, что значить сіе неопредѣлимое смѣшеніе мнѣній и обрядовъ, взятыхъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ не было ничего связнаго и ничего слѣдственнаго, и гдѣ между противурѣчіями и мраками едва проникали нѣкоторые лучи разума и остроты? Что была сія грубая вѣра, которая вся упражнялась въ суевѣрныхъ обрядахъ, будучи ведома слѣпымъ страхомъ безъ твердаго правила, безъ намѣренія къ добру челоѣколюбія, и безъ разумныхъ утѣшеній едва останавливая руку въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оспаляла и еще весьма часто ввергала сердце во всѣ его слабости? Могъ ли кто опасаться того, чтобы найти у дикихъ народовъ понятія вѣры паче противныя челоѣчеству?

Но можетъ быть училися иконословію Греческому единственно для того, чтобы открыть начало различныхъ обыкновеній, которыя господствуютъ еще въ наши дни въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ не лзя запереться въ томъ, чтобы часто не было нужно на него обращать нашъ взоръ, когда мы захотимъ изяснить нѣкоторыя особенности нашихъ нравовъ, чему гораздо легче найти причину, нежели основаніе.

Но ученіе Кельтскія вѣры не довело ли къ откровеніямъ такого же рода, и можетъ быть еще къ гораздо важнѣйшимъ. Одно колѣно послѣдуетъ тому, которое ему предшествовало: сыны получаютъ въ наслѣдство мнѣнія ихъ отцовъ, и какую бы переменѣну время ни могло произвести, однако же во нравахъ какого народа находятся всегда разныя вещи, которыя происходятъ отъ мнѣній ихъ основателей. Сіи основатели нашихъ народовъ суть Кельты, и слѣдствіе сего сочиненія можетъ быть покажетъ, что ихъ мнѣнія, хотя и позабышыя, остаются всегда въ нѣкоторыхъ ими произведенныхъ дѣйствіяхъ. Не должно ли къ сему, на примѣръ, причислить удивленіе къ упражненію въ ружьи, которое доведено у насъ даже до глупости, такъ что Европейцы чрезъ цѣлыя столѣтія будучи дураками по системѣ, и свирѣ-

пыми по чести, между собою сражались съ толикою ревностію безъ другаго какого намѣренія, кромѣ охоты ко сраженію? Не отъ того ли происходитъ такъ же и то, что женскій полъ будучи почитаемъ и уславиваемъ долгое время былъ судіею знаменитыхъ дѣяній, предмѣтомъ и наградою великихъ подвиговъ, и что оный наслаждается еще и теперь многими преимуществами, которыя въ прочемъ вездѣ сохранилъ себѣ сильнѣйшій полъ? Не можно ли изъяснить чрезъ сію Кельтскую вѣру, какимъ образомъ правосудіе всея Европы могло допустить, къ вѣчному удивленію потомства, судебныя сраженія и пытки чрезъ стихіи; какимъ образомъ еще въ наши дни народъ одураченъ властію волшебниковъ, колдуновъ, разныхъ духовъ, скрывающихся подъ землею, въ водѣ и проч.? На конецъ не найдутъ ли въ сихъ благочестивыхъ мнѣніяхъ источника чудеснаго, которое наши отцы употребляли въ ихъ любовныхъ приключеніяхъ, систимы чудесъ неизвѣстной древнимъ, и мало до сихъ поръ открытой, въ которой видятъ карликовъ и великановъ, волшебницъ и духовъ движущихъ всѣ пружины согласно съ нѣкоторымъ умоначертаніемъ, которое они всегда сохраняютъ?

И такъ какія же могутъ быть причины, которыя заставили столь постоянно

пре-

презирать ученіе Кельтскія вѣры? Я думаю, что оное съ начала можно найти въ томъ мѣстѣ, которое обыкновенно имѣли вообще о Кельтскихъ народахъ, а особливо о Германцахъ и Скандинавахъ. Оныхъ заключаютъ безъ различія подъ именемъ варваровъ, и думаютъ, что сіе слово однажды произреченное, вмѣщаетъ въ себѣ все то, что объ нихъ можно сказать. Ничто не можетъ быть способнѣе къ увольненію себя отъ такого ученія, которое считаютъ мало пріятнымъ; но напротивъ того ничего нѣтъ меньше удовлетворительнаго для разума. Если бы приняли сіе знаменованіе во всей строгости; то бы было не справедливо, что бы отворачивать свой взоръ безпрестанно отъ такого народа, коего подвиги и наставленія занимаютъ столь значное мѣсто въ исторіи. Но должно ли въ самомъ дѣлѣ представлять себѣ его шайкою дикихъ, одаренныхъ едва человѣческимъ видомъ, истребляющею и опустошающею безъ намѣренія, и по дикому побужденію, лишенною всего познанія о вѣрѣ и благоустроеніи, добродѣтели и благопристойности? Такое ли понятіе даетъ намъ объ нихъ *Тацитъ*, который родившись и будучи воспитанъ въ древнемъ Римѣ, завидуетъ однако въ столь многихъ вещахъ древней Германіи? Я не могу заперестать, что бы они не удалены были весьма отъ то-

го, дабы имѣть сію вѣжливость, сіи знанія и сей вкусъ, которыя насъ заставляють искать съ жадностію, даже часто ребяческою, всѣхъ остатковъ того, что называютъ древностію по превосходству; но согласуясь въ цѣнѣ сихъ вещей, должно ли быть чувствительнымъ до какого степеня, что бы не хотѣть знать другаго порядка древностей, которыя назовутъ варварскими, если желаютъ, на которыя наши права, наши законы, и наши правленія беспрестанно приводятъ намъ на мысль?

Ученіе Кельпскія вѣры не токмо показалось полемъ лишеннымъ цвѣтовъ и плодовъ; но еще почитали оное наполненнымъ затрудненіями всякаго рода. Сія вѣра запрещала, какъ то уже извѣстно, ея послѣдователямъ объявлять всенародно ея тайны описывая оныя, и невѣжеству или лѣность, которыя предписали сіе запрещеніе, съ лишкомъ удостовѣрены были въ соблюденіи онаго. И такъ думали, что въ семъ разысканіи не было больше спутниковъ, кромѣ тѣхъ слабыхъ лучей, которые находятся разсѣянными въ Греческихъ и Римскихъ сочиненіяхъ, и съ тѣхъ поръ естественно слѣдуетъ то, что имъ наскучили. Въ самомъ дѣлѣ не упоминая ничего о затрудненіи, что бы соединить сіи различныя черпты, и ихъ согласить испра-

вляя оныя одни другими, не знаютъ ли того, что нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, въ разсужденіи бы чего люди меньше старались къ учиненію себѣ правосудія, какъ въ разсужденіи различныхъ вѣрѣ, которыя ихъ раздѣляютъ? И какое удовольствованіе найдутъ человеки любящій истинну въ такомъ чтеніи, гдѣ невѣжество и пристрастія изображаются сами собою при каждой рѣчи? Коль ни хорошо имя Греческихъ и Римскихъ писателей; однако же оно не можетъ удовлетворить тѣмъ изъ ихъ чипателей, которые ищутъ исправныхъ познаній: сверхъ того въ нихъ встрѣчаются разные примѣры, которые производятъ истинное противъ ихъ подозрѣніе. Тѣ народы, кои считаютъ себя вѣжливейшими и искуснейшими, часто о чужестранныхъ имѣютъ ложнейшія и несправедливѣйшія мнѣнія. Они будучи ослѣплены ихъ успѣхами, и совсѣмъ занявшись сами собою, легко себя удостоверяютъ въ томъ, что они суть единый источникъ, изъ котораго можно почерпнуть воображеніе о добромъ и изрядномъ. Отъ того происходитъ сія привычка, чтобы все приписывать себѣ, своимъ нравамъ и своимъ обыкновеніямъ, которыя нѣкогда отличали Грековъ и Римлянъ, и которая заставила ихъ найти *Меркурія, Марса, Плутона*, ихъ божества и ихъ правила у такихъ народовъ, которые часто о томъ ничего не слыхали.

Но

Но, хотя бы и не имѣли сихъ причинъ къ недовѣренію презрительнымъ и скорымъ извѣстіямъ, оставленнымъ древними обѣихъ сосѣдяхъ варварахъ, хотя бы то не многое, что они сказали, и было исправно; однако было ли тамъ что важное для Кельтской вѣры? Нѣкоторыя слова о наружномъ образѣ какія вѣры могутъ ли показать разумъ оныя? Открываютъ ли они сію цѣпь часто скрытую, которая соединяетъ между собою различныя ученія, правила и обряды? могутъ ли они дать намъ понятіе о чувствованіяхъ разсѣваемыхъ ею въ душахъ, и обѣ участіи, какое она въ состояніи была взять надъ ея послѣдователями? Вѣрно мы ничего о семъ не узнаемъ въ *Кесарѣ*, *Стравонѣ* и *Тацитѣ*, и тогда какимъ образомъ можно удовлетворить чинателямъ, которые почитаютъ въ ученіи токмо то, что приносятъ истинный свѣтъ разуму?

Въ самомъ дѣлѣ не можно ли отъ кого другаго, кромѣ изъ самихъ устъ тѣхъ, которые содержатъ какую вѣру, имѣть обѣй ей хорошее свѣденіе. Всякій толкователь не вѣренъ въ подобномъ случаѣ; иногда онъ обвиняетъ и поноситъ то, что онъ толкуетъ, и что осмѣливается онъ извѣщать то, чего и самъ не разумѣетъ; въ самомъ дѣлѣ можно отдать отчетъ въ нѣкоторыхъ простыхъ и ясныхъ пра-

правилахъ; но въбра особливо чрезъ производимыя ею чувствованія оказываетъ ея свойство; а сіи чувствованія какимъ образомъ можеть имѣть всякій, который ею ни мало не оживляется? И такъ дабы изъ темноты сію Кельтскую въру, столько же нынѣ мало извѣстную, сколько она прежде была разширенною, неотмѣнно надлежитъ какимъ либо образомъ воскресить сихъ древнихъ Богословскихъ стихотворцовъ, нашихъ отцовъ, съ ними совѣтоваться, и слушать въ ужасъ ихъ мрачныхъ лѣсовъ, когда они будутъ читать сіи таинственныя и священные пѣсни, въ которыхъ они заключали всю систему ихъ въры и ихъ благонравія. Ни что у насъ тогда не утаится изъ того, что намъ знать о томъ нужно будетъ; сіи наставленія распространявъ надежный свѣтъ въ разумъ, большій или меньшій жаръ, слогъ ихъ разговоровъ, однимъ словомъ, все будетъ способствовать къ тому, что бы вывести изъ нихъ смыслъ, и что бы насъ поставили на мѣстѣ ихъ сочинителей, дабы войти въ ихъ разумъ и въ ихъ чувствованія.

Но къ чему чинить безполезныя желанія? Въмѣсто сихъ стихотвореній найдемъ мы вездѣ единыя соболѣзнованія объ ихъ потерѣ. Изъ всѣхъ сихъ стиховъ древнихъ Друидовъ, для изученія которыхъ юноше-

юношество двадцать лѣтъ употребляло, нѣтъ у насъ даже и никакой выписки, или хотя слабаго начертанія; время и ложная ревность не больше ихъ пощадили въ Испаніи, какъ и во Франціи, въ Нѣмецкой землѣ, какъ и въ Англіи. Я въ семъ признаюсь; но не должно ли искать сихъ достопамятностей въ земляхъ, обращенныхъ гораздо позже къ вѣрѣ? Если пѣсни, о которыхъ я говорю, были написаны; то они не лучше ли сохранены въ Сѣверѣ нежели въ такихъ земляхъ, въ которыхъ надлежало имъ бороться чрезъ пять или еще и больше шести столѣтій противъ времени и суевѣрія? Здѣсь представляется не догадка, но исторія того, что произошло въ самомъ дѣлѣ. Мы въ самомъ дѣйствіи имѣемъ нѣкоторыя изъ сихъ пѣсенъ, о которыхъ столь часто сожалѣли, и пространную выписку изъ многихъ другихъ. Сія выписка здѣланная извѣстнымъ чловекомъ, и съ помощію источниковъ, писанная на такомъ языкѣ, который не вразумителенъ, сохраненная во многихъ рукописяхъ, которыя представляютъ знаки несомнѣнныя древности; сія выписка, говорю я, есть книга называемая Еддою, достопамятность изъ всѣхъ единая во своемъ родѣ, особливая чрезъ содержимыя въ ней вещи, и столь способная къ распространенію свѣта надъ исторіею мнѣній

нѣй и нравовъ, что надлежитъ удивлять-
ся тому, что она до сихъ поръ не боль-
ше была извѣстна, какъ токмо въ пре-
дѣлахъ Скандинавіи.

Въ самомъ дѣлѣ въ семъ сочиненіи вла-
дѣтельствуемъ темнота; но сія темнота
не совсѣмъ непроницательна, и крипика,
вспомогаемая нѣсколько углубленнымъ уче-
ніемъ мнѣній и нравовъ другихъ Кельт-
скихъ народовъ, можетъ въ немъ распро-
странить ясность такъ, что отъ насъ ни-
чего важнаго не укроется. Съ начала наинуж-
нѣйшимъ къ уразумѣнію онаго покажется
то, чего однако не всегда наблюдали, что
бы войти въ намѣренія сочинителя сего
собранія, и преселились посреда того на-
рода, для котораго онъ писалъ.

Съ начала легко можно подуматъ,
что Едда писанная въ Исландіи въ пер-
вый разъ спустя малое время послѣ того,
когда идолопоклонническая вѣра въ ней бы-
ла уничтожена, должна была служить къ
другому употребленію, нежели токмо къ
тому, дабы знать едва пришедшія въ заб-
веніе правила вѣры. И такъ я думаю, что
читая рачительно сіе сочиненіе, не лѣзя въ
томъ обмануться. Едда была токмо на-
ставленіемъ въ стихотворствѣ къ упо-
требленію молодымъ Исландцамъ, которые
назначали себя къ тому, что бы бытъ

Скальдами или стихотворцами. Въ семъ искусствѣ, равно какъ и въ другихъ, тѣ, кои отличали себя первые, приобретають, смотря сколь они здѣлаются спарыми, право быть точно подражаемыми, а иногда такъ же и въ томъ, что токмо наисамопроизвольнѣйшимъ быть можетъ. Сѣверные народы привыкнувъ видѣть *Одина* и *Фриггу*, *духовъ* и *волшебницъ* въ стихотвореніи, хотѣли еще найти въ ономъ ихъ имена, ихъ видѣть дѣлающихъ, и слышать говорящихъ согласно съ тѣмъ мнѣніемъ, какое они однажды приняли объ ихъ умоначертаніяхъ и ихъ должно-стяхъ. По дѣйствию сего то обыкновенія столь многіе стихотворцы не осмѣливаются еще и въ наши дни лишитъ своихъ стиховъ тѣхъ украшеній, какія они заимствуютъ отъ древней басни, и что въ укорность разума, вкуса и самая вѣры, часто видѣли изъ нихъ смѣшивающихъ Евангеліе и иконословіе, заставляющихъ говорить ложныхъ боговъ и ангеловъ, нимфъ и Апостоловъ. Если наши Исландцы не вдалились въ сіи чрезвычайности; то они по крайней мѣрѣ дѣлали стихи въ томъ вкусѣ, который можно назвать древнимъ; и меня еще увѣряють, что и самыя тѣ, которые нынѣ дѣлаются въ Исландіи, часто различныя тому слѣды сохраняють. И какъ стихотвореніе, безпре-

стан-

спасно дѣлало нужнымъ познаніе Кельпскаго иконословія, что легко могло прийти на мысль какому любителю сея науки, что бы сочинить какой родъ словаря образнымъ выраженіямъ, употребляемымъ древними Скальдами, и которыми новые старались украсить ихъ стихи столько же, какъ и наши нынѣшніе Латинскіе стихотворцы ихъ воспѣнками. *Виргилія* и *Орація*. Сей словарь не иначе могъ быть полезнымъ, какъ токмо если въ немъ соединяли съ образнымъ выраженіемъ шу басню, которая причиною была онаго. И такъ когда читали въ словарь, что земля стихотворчески называлась *плѣомъ великана* *Имера*, что послѣдній день были *сумерки боговъ*, стихотвореніе *налипокъ Одина*, великаны сыны льда и проч. то естественно надлежало желать познанія начала сихъ образныхъ выраженій. И такъ для вразумленія оныхъ писалъ сочинитель *Едды*, и я не удивляюсь тому, что сія книга показалаcя произведеніемъ сумозброднымъ и невразумительнымъ для *тѣхъ*, которые не знали ея намѣреній.

Теперь уже будетъ понятно и то, для чего сіе сочиненіе раздѣлено на двѣ главнѣйшія части. Первая есть сіе краткое наставленіе въ иконословіи, которому надлежало учипсья, дабы въ состояніи

быть, что бы разумѣть древнихъ скальдовъ, чувствовать силу образовъ, приписей, и ссылокъ, которыми ихъ стихи наполнены были. Сіе по собственно называютъ Еддою. Вторая часть есть стихотворческая, заключающая въ себѣ объясненную роспись словамъ, которыя стихотворцы найчаще употребляютъ, сочиненіе о древнихъ языкъ и правописаніи, и изъясненіе составленія различныхъ родовъ стиховъ. Отъ того и происходитъ, что сія часть названа Скальда или стихотворческая. Она довольно обширна, и полагаетъ вдругъ, что уже было чрезвычайное число стихотворцовъ у сихъ народовъ, и что сочинитель имѣлъ въ семъ родѣ весьма обширное знаніе. Я признаюсь, что не безъ удивленія находятъ сочиненіе о стихотвореніи столь полное между тѣми малыми достопамятностями, которыя для насъ остались отъ древней Скандинавіи, то есть, у сихъ Готтовъ и Норманновъ, которые погрузили Европу въ невѣжество, и которыхъ многіе народы имѣютъ столь справедливыя причины обвинять въ люто-сти и варварствѣ. Можно ли было подумать, что бы надлежало приписать такимъ людямъ толико опредѣленный вкусъ къ такому искусству, которое кажется требующимъ чувствительныхъ душъ, просвѣщенныхъ разумовъ, живыхъ и блестя-

спящихъ воображеній ; къ такому искуству , которое почтутъ при первомъ видѣ однимъ изъ наибольшихъ произведеній роскоши и вѣжливости.

Я думалъ найти въ страсти благопріятной древнихъ *Скандинавовъ*, въ маломъ ихъ употребленіи писанія, а особливо въ ихъ благочестивой сиспемѣ, причины той любви, какую они имѣли ко стихотворенію. Новыя разыскиванія, учиненныя мною съ того времени, представили мнѣ еще тѣ же самые выводы , и я надѣюсь, что чтеніе *Едды* разсѣетъ всѣ сомнѣнія, которыя могутъ родиться въ началѣ новости и малыя вѣроятности тѣхъ дѣлъ, о которыхъ я говорилъ.

Теперь мнѣ остается въ малыхъ словахъ объявить объ исторіи сея книги , и отдать отчетъ въ собственномъ моемъ трудѣ. Я уже упомянулъ, что было двѣ *Едды*. Первая и древнѣйшая приведена въ порядокъ *Се-мундомъ Сигфуссомъ*, прозваннымъ *ученымъ*, родившимся въ Исландіи около 1057 года. Сей писатель учился въ Нѣмецкой землѣ, а особливо въ *Кельнѣ* съ его землякомъ *Аромъ* равномѣрно прозваннымъ *Фродомъ* или *ученымъ*, который себя отличилъ, равно какъ и онъ ,

своею любовію къ свободнымъ наукамъ (*). Семундъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые осмѣлились написать благочестивыя древнія стихотворенія, которыя многіе люди знали еще наизустъ въ сіе время. Кажется, что онъ токмо соединилъ въ одномъ сочиненіи тѣ изъ сихъ стихотвореній, которыя ему показались наиспособнѣйшими къ доставленію изобильнѣйшія жатвы стихотворческихъ выраженій и образовъ. Еще не разрѣшено то, что бы сіе собраніе, которое, какъ то думаютъ, было весьма жатно, нынѣ совсѣмъ утерялось; но не вступая въ сіе разсужденіе, довольно будетъ сказать то, что три изъ составляющихъ оное сочиненій, и можетъ быть еще важнѣйшія, до насъ дошли. Оныя обстоятельныѣ показаны будутъ въ самой сей книгѣ.

Какъ по видимому сіе первое собраніе состояло во многихъ книгахъ, и было во многихъ мѣстахъ темно, а сверхъ того и мало

СПО

(*) См. *Arii frode schedæ seu libellus de Islandia*, edita ab And. Bassen Havn. 1733, in præfat. Сей аръ Фродъ есть древнѣйшій изъ всѣхъ сѣверныхъ историковъ, отъ которыхъ мы нынѣ имѣемъ какое либо сочиненіе. Онъ писалъ много исторій, которыя потерялись; а то, что до насъ дошло, касается до поселенія Норвежцовъ въ Исландіи.

СПО-

способно къ употребленію; то молодые стихотворцы должны были желать того, что бы кто выбралъ изъ приготовленныхъ въ немъ предлоговъ, вразумительное наставленіе въ стихотворческомъ иконословіи. Спустя около ста двадцати лѣтъ другій Исландскій ученый принялъ на себя сей трудъ. Онъ былъ *Снорро Стурлесонъ*, родившійся въ 1179 году отъ одного изъ знаменитѣйшихъ поколѣній его страны, въ которой онъ два раза отправлялъ должность перваго судіи, по тому что онъ былъ *верховнымъ судіею* Исландскимъ въ 1215 и 1222 годахъ. Онъ такъ же былъ повѣреннымъ во многихъ важныхъ дѣлахъ при Короляхъ Норвежскихъ, которые безпрестанно старались покорить сей островъ, служившій убѣжищемъ ихъ недовольныхъ подданныхъ. *Снорро* не будучи ограниченъ достоинствомъ ученаго чловѣка, не имѣлъ ихъ обыкновенно довольно спокойной кончины. Одна сторона, противъ которой онъ себя объявилъ непріателемъ, умертвила его во время ночи, когда онъ вступалъ на 62 годъ его вѣка, то есть въ 1241 годъ (*). Его то

Х Х 4

со-

(*) См. *Peringskiold. in praefat. ad Heimskringla. saga* &c. Съ тѣхъ поръ какъ я пишу сіе, дали мнѣ знать, что вторая часть *Едды* назы-

сочиненіямъ , а особливо его лѣтописи о
Короляхъ сѣверныхъ одолжены мы по-
чти всѣмъ тѣмъ , что мы того имѣ-
емъ разумаго , связнаго и надежна-
го въ древней исторіи сихъ обширныхъ
спранъ. Въ семъ сочиненіи находится
много ясности, порядокъ , простой слогъ,
видъ истинны, и хорошій смыслъ , по ко-
торымъ надлежитъ поставитъ сего писа-
теля между наилучшими сего вѣка невѣ-
жества и худаго вкуса. Онъ былъ такъ
же и стихотворецъ , и его стихи часто
служили прелестію тѣхъ дворовъ , къ ко-
торымъ онъ былъ отправленъ. Безъ со-
мнѣнія его любовь къ сей наукѣ вперила
въ

васть Королей Норвежскихъ , которые
жили даже до 1270 года, и которые та-
кимъ образомъ пережили съ лишкомъ Сно-
рро около тридцати лѣтъ: изъ чего хотѣ-
ли заключить, что она была писана позд-
нѣйшимъ сочинителемъ. Однако какъ
преданіе и общее согласіе приписуютъ
оную Сноррону; то можетъ быть доволь-
но шокмо будетъ того, что бы сказать,
что какій новѣйшій сочинитель за нѣ-
сколько лѣтъ прибавилъ дополненіе отъ
себя къ сочиненію Сноррона въ видѣ про-
долженія. Въ прочемъ какое бы мнѣніе
ни приняли; то однако самое дѣло не
весьма важно: ибо первая часть Едды од-

въ него мысль, что бы издать новую *Едду* гораздо полезнѣйшую для молодыхъ стихотворцовъ, нежели какова была *Селундова*. И такъ онъ вознамѣрился выписать все то, что было наиважнѣйшаго въ древнемъ иконословіи, здѣлать изъ нея краткую систему, въ которой бы однако находились всѣ басни, могущія быть основаніемъ выраженіямъ приведеннымъ въ стихотворческомъ словарѣ. Онъ далъ себѣ сокращенію образъ разговора, либо для того, что онъ въ томъ послѣдовалъ древнимъ сѣвернымъ стихотворцамъ, которые почти всегда выбирали сей родъ сочиненія наистественнѣйшаго изъ всѣхъ; либо по тому, что было какое древнее преданіе разговора подобнаго тому, который составляетъ предмѣтъ *Едды*.

Сіе слово *Едда* часто приводило въ упражненіе тонкую проникаемость словопроизводителей. Наивѣроятнѣйшее въ ихъ догадкахъ есть то, что оно происходитъ отъ одного знаменованія на древнемъ Готтскомъ языкѣ означающаго *прабабушку*. Въ образномъ слогѣ сихъ древнихъ стихотворцовъ

)(5

сіе

на токмо для насъ нужна; и съ насъ довольно того, что сочинитель сея части, кто бы онъ ни былъ, сохранилъ вѣрно древнія благочестивыя преданія сѣверныхъ народовъ.

сіе знаменованіе безъ сомнѣнія кажется быть способнымъ къ означенію древняго ученія. Предъ Еддою находится предисловіе (*) больше или меньше длинное въ различныхъ подлинникахъ; но равномѣрное, бесполезное и смѣшное. Нѣкоторые особы приписываютъ оное *Сноррону*, и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть онъ писалъ одну токмо часть онаго, которая въ себѣ содержитъ тѣ же самыя дѣла, какъ и начало его лѣтописанія; но остальное безъ сомнѣнія прибавлено какимъ ученикомъ, и по его незнанію; по чему онаго и не находится въ рукописи сохраненной въ *Улсалѣ*, одной изъ древнѣйшихъ.

Я совсѣмъ не переводилъ сего предисловія, наполненнаго глупостями: а токмо скажу то, что въ немъ доходятъ даже до созданія свѣта и до потопа, что ошшуда обращаются къ Имперіи Ассіріанъ, и на конецъ достигнувъ до Трои, о которой рассказываютъ странная обстоятельства, находятъ въ Ирояхъ сего знаменитаго города предковъ *Одина* и другихъ свѣрныхъ Государей. Извѣстно, что у всѣхъ западныхъ народовъ было въ обыкновеніи съ древнѣйшихъ временъ то, что они хотѣли вывесити ихъ происхожденіе отъ
Троянъ

(*) См. *Verel. ad Heruas. Saga* p. 5.

Троянѣ (*). Слухъ объ осадѣ Трои не токмо распространился въ сосѣднихъ странахъ, но онѣ такъ же дошелъ и къ Кельтскимъ народамъ: Германцы и Франки вѣроятно сохранили преданія объ оной въ ихъ историческихъ пѣсняхъ, по тому что ихъ первые писатели выводили уже отъ нихъ начало ихъ народа. Безъ сомнѣнія сія же самая причина заставила выдумать путешествіе *Антенора* въ землю *Генетовъ*, и которая привела *Енея* въ Италію, что бы тамъ создать *Римъ*.

Сей разговоръ, который, какъ то положено, одинъ Король Шведскій имѣетъ при дворѣ боговъ, составляетъ первую и важнѣйшую часть *Едды*. Въ оной предложены главнѣйшія правила богословія Кельтовъ, не по преданію ихъ философовъ, которое различіе важно, но по ихъ скальдамъ или стихотворцамъ. Читая оную со вниманіемъ, можно въ ней открыть сквозь сельскую простоту слога больше искусства и порядка, нежели какъ бы то ожидали, и примѣтивъ то, что цѣлое составляетъ нѣкоторую связную и порядочную вещь, чего, по моему мнѣнію, не

(*) *Тимагенъ*, приведенный *Амміаномъ Маркеллиномъ*, упоминаетъ уже о происхожденіи Кельтовъ отъ Троянъ.

можно сказать ни о какой книгѣ Греческаго или Римскаго иконословія. Сію по единую часть *Едды* старался я перевести съ точностію, и изъяснить примѣчаніями. Вторая, которая равномѣрно есть разговоръ, но между другими лицами, состоитъ въ повѣствованіи различныхъ происшествій, которыя случились между богами. Между сими баснями. изъ которыхъ ни единая не заключаетъ въ себѣ никакого важнаго предмѣта въ разсужденіи Кельтскія вѣры, хотя они и всѣ взяты изъ сего источника, объявилъ я токмо о тѣхъ, которыя мнѣ показались остроумными, или способными къ начертанію нравовъ. Но я и объ нихъ далъ токмо общее понятіе. Я прошу тѣхъ, которые можетъ быть станутъ о томъ сожалѣть, что то, о чемъ я умолчалъ, ничего имъ не покажетъ, и что въ вещахъ лишенныхъ пользы по крайней мѣрѣ приятности должны служить въ мѣсто извиненія.

Что касается до стихотворческаго сочиненія, оканчивающаго *Едду*; то уже знаютъ что все то, что я объ немъ могу сказать, ограничиваться будетъ нѣкоторыми примѣчаніями, и нѣкоторыми примѣрами выбранными въ маломъ числѣ страницъ, которыя могутъ быть переведенными. Три сочиненія, которыя для насъ
оста-

остались отъ древнія *Едды Семунда*, заслуживаютъ великое вниманіе, какъ чрезъ ихъ древность, такъ и чрезъ содержимыя въ нихъ вещи. Одно называемое *Волусла* или произреченія пророчицы, кажется быть подлинникомъ, которому *Едда* служилъ объясненіемъ. Во второмъ называемомъ *верховное слово* находятся правила благонравія, которыя почитаютъ данными самимъ *Одиномъ*. Третіе есть глава *Руническая*, или краткое наставленіе въ древнемъ волшебствѣ, а особливо въ очародѣніяхъ производимыхъ посредствомъ руническихъ буквъ. Въ слѣдствіи *Едды* найдутъ подробности въ разсужденіи сихъ трехъ сочиненій. Трудно бы для меня было то, что бы прежде здѣлать себя вразумительнымъ.

Нѣкоторыя особы утверждали, что всѣ басни находящіяся въ *Еддѣ* были плодомъ выдумки ея сочинителя; и мнѣ кажется, что сіе же мнѣніе имѣлъ и славный *Гуелъ*. Не лзя извинить сего ученаго челоѣка, что онъ принялъ столь рѣшительный голосъ говоря о такомъ предмѣтѣ, который онъ столь же мало разумѣлъ, какъ и сѣверныя древности. Все то, что имъ о томъ сказано, наполнено неисправностями (*), не упоминая уже ни о чемъ большемъ.

(*) См. *L. Origine des romans. p. 116.* Наипаче приводитъ насъ въ удивленіе то, что онъ

ше. Полагають то, что *Снорронъ* изобрѣлъ басни *Едды*, значить поже, что бы доказать въ томъ, что не читали нисей книги, ни другихъ исторій сѣвера, Нѣмецкой земли и Англіи, и не знаютъ того, что всѣ древнія записки, какія мы имѣемъ о сихъ странахъ, что позднѣйшіе писатели Греческіе и Латинскіе изъ шестаго столѣтія, что руническія достопамятности, преданіе, народныя суевѣрія, имена дней, и многія еще и теперь употребительныя рѣчи, единогласно насъ удостовѣриваютъ, что вся сія часть Европы обожала *Одина* и боговъ *Едды* во все время предшествовавшее христіанской вѣрѣ.

Однако если нужно отвѣчать на возраженіе, которое уже довольно предупредяетъ самое чтеніе *Едды* и прибавленные мною къ ней примѣчанія; то надлежитъ тихо обратишь свой взоръ на нѣкоторыя оставшіяся стихотворенія сихъ древнихъ сѣ-

утверждаетъ, яко бы самъ видѣлъ въ Даніи древнія исторіи сея страны, писанныя на камняхъ Руническими буквами. Другій писатель *Г. Деландъ* въ его исторіи философіи, увѣряетъ что тамъ находясь тайнства древнія вѣры. Такимъ образомъ можно полагаться на то, что говорятъ о какой странѣ въ отдаленной землѣ.

сѣверныхъ скальдовъ, которыя я перевелъ на французскій языкъ и которыя находясь при концѣ сея книги. Въ нихъ вездѣ найдешь тоже самое иконословіе, которое предложено въ Еддѣ, хотя сочинители сихъ стихотвореній въ разныя времена, и въ разныхъ мѣстахъ, нежели въ какихъ жили *Семундъ и Снорронъ*.

Испровергнувъ сіи сомнѣнія не остается больше никакихъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ имѣть въ разсужденіи исправности сихъ различныхъ переводовъ. Я потѣхъ признаюся въ томъ, что я токмо весьма несовершенно разумѣю потѣхъ языкъ, на которомъ писана Едда. Сей языкъ въ разсужденіи нынѣшняго Датскаго и Шведскаго есть такій же, какъ и языкъ *Вилле Гардуина* или *Сира де Жонвилла* въ разсужденіи нынѣшняго французскаго (*). Сего ради я бы находился въ затрудненіи, если бы не подавали мнѣ вспомо-

(*) Какъ многимъ Россіанамъ не извѣстны упомянутые писатели; то для нихъ примѣромъ служить можетъ потѣхъ языкъ, на которомъ писана *Русская правда*, изданная г. Профессоромъ *Шлегеромъ*, которую едва ли теперь какой Россіанинъ совершенно разумѣть можетъ. Перев.

вспоможенія переводы *Едды* на Датскій и на Шведскій языки, учеными, которые знали древній Исландскій языкъ. Я не токмо могъ свѣряться съ сими переводами; но еще сравнивая употребленные въ нихъ выраженія съ тѣми, которые соотвѣтствовали подлиннику, въ состояніи былъ почти всегда узнать дѣйствительность оныхъ, и по сему то я въ томъ могу быть удостовѣреннымъ, что я совершенно понялъ смыслъ моего подлинника. Въ тѣхъ мѣстахъ, при которыхъ я имѣлъ причину подозрѣвать, что сіи путеводители не были довольно вѣрны, старался я говорить съ такими людьми, которые съ многого времени особливо упражнялись въ *Еддѣ* и въ томъ языкѣ, на которомъ писана сія книга. Наипаче мнѣ нужна была такая помощь, дабы перевести исправно два остатка древнія *Едды* называемые *высокое слово* *Одина* и *глава Руническая*; но въ сей части моего труда я былъ особливо пособляемъ. Сею выгодною я одолженъ г. *Ерихсену*, рожденному въ Исландіи, который соединяетъ съ весьма обширнымъ знаніемъ древностей его отечества, привѣтливость и учтивство, которыя не всегда встрѣчаются съ ученостію. Онъ меня привелъ въ состояніе издать переводъ обоимъ вышеупомянутымъ
сочи-

сочиненіямъ гораздо исправнѣйшій, нежели какій находится въ *Еддѣ Резеніуса*.

Я много такъ же одолженъ сему послѣднему, и справедливость требуетъ, что бы я въ томъ всенародно признался. *И. П. Резеніусъ* Профессоръ и судія Копенгагенскій около конца прошедшаго столѣтія, былъ человѣкъ ученый и трудолюбивый, который многими сочиненіями извѣстилъ его ревность ко славѣ наукъ и его отечества. Онъ былъ первый издатель *Едды*, и нѣкоторымъ образомъ можно сказать, что единый шокмо и до сего еще времени. Сіе изданіе въ четверть листа вышло въ *Копенгагенѣ* съ надписью Королю Фридеріку III. въ 1665 годѣ. Оно заключаетъ подлинникъ *Едды*, переводъ Латинскій здѣланный однимъ ученымъ духовнымъ Исландскимъ именемъ *Магномъ Ольсеномъ* или *Олаивичемъ*, и продолжаемый *Торфеемъ*, переводъ Датскій Исторіографа *Стефанія Олая* и различныя выраженія выбранныя изъ рукописей.

Что касается до подлинника, то *Резеніусъ* приложилъ наивеличайшее стараніе, что бы его здѣлать исправнымъ и вѣрнымъ. Онъ сравнивалъ многія рукописи, изъ коихъ большая часть еще и теперь въ книгохранилищахъ Короля и верховнаго училища; но та рукопись, которую онъ наипаче упо-

Х Х Х

пре-

треблялъ, принадлежитъ Королю, и ея почитаютъ наидревнѣйшею изъ всѣхъ, отъ 13 го, или по крайней мѣрѣ отъ 14 го столѣтія, и она еще и теперь въ цѣлости находится. Въ прочемъ въ семъ изданіи нѣтъ ни единого критическаго примѣчанія служащаго къ распространенію какого свѣта надъ содержаніемъ *Едды*. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что бы предисловіе должно было занять мѣсто примѣчаній, по тому что бы оно одно могло составить книгу, столь же великую, какъ и сія; но если исключать малое токмо число страницъ; то все остальное состоятъ въ ученыхъ разсужденіяхъ о *Платонѣ*, въ хорошихъ изданіяхъ *Аристотеля*, *девяти Сивиллъ*, *Иероглифовъ Египетскихъ* и проч.

Рукопись *Едды* сохраняемая въ книгохранилищѣ *Улсальскаго* верховнаго училища, подала за нѣсколько лѣтъ поводъ къ новому изданію сея книги. Сія рукопись, копорую я часто имѣлъ въ рукахъ, кажется быть изъ четырнадцатаго столѣтія. Она довольно изрядно сохранена, чопка, и весьма полна. Хотя она существенно и ни въ чемъ не различается отъ тѣхъ, копорымъ послѣдовалъ *Резеніусъ*; однако же она много мнѣ вспомошествовала ко вразумленію нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ; ибо я ни мало не усомнѣвался въ томъ, дабы не прибавить нѣкоторыхъ словъ

словѣ къ дополненію смысла, или умолчать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя никакого не представляли, если я въ томъ былъ оправдываемъ какою древнею рукописью. Сего ради я прошу тѣхъ, которые захотятъ сравнить мой переводъ съ подлинникомъ, что бы они при семъ весьма оспорожно поступали. Въ самомъ дѣлѣ если они захотятъ обо мнѣ судить по подлиннику *Резеніуса*; то они весьма часто найдутъ меня погрѣшившимъ, по тому что я почти всегда имѣлъ предъ собою рукопись *Улсальскую*, съ которой господинъ *Сотбергъ*, молодой ученый Шведъ довольно обращавшійся въ сихъ дѣлахъ, по благосклонности его, сообщилъ мнѣ весьма исправный списокъ. Какъ подлинникъ сея рукописи нынѣ напечатанъ; то легко будетъ для всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ принять на себя трудъ видѣть то, что я иногда оставлялъ *Резеніуса* единственно для того, дабы слѣдовать сему новому переводителю, когда онъ мнѣ болѣе надежнымъ казался. Господинъ *Герансонъ* Шведъ издалъ оный съ переводомъ Шведскимъ и Лапинскимъ; но онъ трудъ его не далѣе продолжалъ, какъ токмо до первой части *Едды*. Въ началѣ сего сочиненія находится длинное разсужденіе о сѣверныхъ древностяхъ, въ которомъ, по

X X X 2

види-

видимому, воскрешается въ особѣ писателя знаменитый *Рудбекъ*.

Однако надлежитъ признаться, что *Едда*, не взирая на сіи вспоможенія, была извѣстна и приводима малымъ токмо числомъ ученыхъ. Изданіе *Резеніуса*, предполагающее безъ сомнѣнія великое знаніе и упражненіе въ сочинителѣ, представляется подѣ видомъ мало приманчивымъ; въ немъ не находятъ ни примѣчаній въ разсужденіи разныхъ мнѣній другихъ Кельтскихъ народовъ, ниже объясненій въ употребленіяхъ, о которыхъ упоминается. Единая токмо сыновняя ревность къ свѣрымъ древностямъ можетъ побудить къ тому, что бы оную прочитали съ одного конца до другаго. Сверхъ того сія книга здѣлалась весьма рѣдкою, по тому что оной никогда не выходило великое число, и при томъ, большая еще часть пропала во время великаго пожара, испребившаго часть Копенгагена въ 1728 годѣ. Изданіе г. *Герансона* будучи мало извѣстно въ Швеціи, и не совершенно, не могло воспрепятствовать тому, что бы беспрестанно не искали *Едды Резеніуса*: и сея причины довольно для оправданія предпріятія сего новаго изданія.

Оное бы безъ сомнѣнія надлежало поручить не моимъ, но другимъ рукамъ: въ семъ Королевствѣ находятся многіе
уче-

ученые, отъ которыхъ Общество, по видимому, онаго ожидало, и которые бы ожиданію ихъ несравненно болѣе меня удовлетворяли. Я ни мало сего отъ себя не упайвалъ, и я не безъ смѣха предпріалъ и окончалъ сіе сочиненіе подъ рачительнымъ присмотромъ столь многихъ просвѣщенныхъ судей. Но я льстилъ себя шбмъ, что они нѣсколько послаблявъ ихъ строгость по той причинѣ, которая меня побудила къ предпріятію онаго. Какое бы мнѣніе ни имѣли о сихъ басняхъ, и о сихъ стихотвореніяхъ; однако же то всегда останется подлиннымъ, что они приносятъ честь произведшему ихъ народу. Они не лишены ни остроумія, ни воображенія: чужестранцы, которые ихъ прочтутъ, принуждены будутъ развѣсть сіи черныя краски, которыми они за благо могли начертать нашихъ древнихъ *Скандинавовъ*. Ничто не прославляетъ, толико какъ народъ, какъ остроуміа и любовь къ искусствамъ: слабый лучъ, который они заставили просіявать во мракахъ сихъ столбшій, гораздо драгоцѣннѣе для разума, и гораздо полезнѣе для ихъ славы, нежели всѣ сіи кровавые побѣдительные знаки, которые они воздвигаютъ повсюду особливимъ для себя достоинствомъ почитали. Но какимъ бы образомъ ихъ стихотворенія могли произвести сіе дѣйствіе, если бы

въ то время, когда беспрестанно невразумительными оспавались для тѣхъ, которыми бы ихъ показать желали, ни кто бы не принялъ на себя труда перевести ихъ на извѣстный и любимый языкъ во всей Европѣ?

Сіе предпріятіе мною намѣреніе требовало еще и того, что бы я приобщилъ примѣчанія. Я долженъ былъ изъяснить нѣкоторыя шемныя мѣста, и показать употребленіе, которое можно было вывести отъ нѣкоторыхъ другихъ: я бы легко могъ истощить ученость въ сихъ примѣчаніяхъ, выписывая ученые сочиненія *Бартолиновъ, Ворміевъ, Вереліевъ, Аркилевъ, Кейелеровъ, Шитцовъ* и проч.; но я изъ нихъ взялъ токмо то, что мнѣ нужнымъ показалось, не забывая ни мало того, что въ довольно вѣжливыхъ обласпяхъ ученая республики здравый разсудокъ испребилъ сіе тщетное хвастовство въ знаніи, сплетенное безъ выбора и безъ особливаго намѣренія, котораго довольно было нѣкогда дабы заслужить проходящую славу для столь многихъ въ трудолюбіи праздныхъ людей.

Теперь не долженъ я опасаться упреканій сего рода: нынѣ не то время, въ которое бы просили прощенія у читателя представляя ему небольшую книгу. Но оно не то ли, въ которое мнѣ скажутъ: къ чему воскрешать ребяческія басни, и
мнѣ

мнѣнія, которыя время споль справедливо осудило къ забвенію? Къ чему прилагають толико трудовъ для прогнанія тумановъ, покрывающихъ отпочество народовъ? не нужнѣ ли знать своихъ современниковъ, а не варварскіе нравы, кои не имѣють бо- лѣе сходства съ нашими, и коихъ ни ког- да возрожденными не увидятъ? Въ самомъ дѣлѣ часто въ наши времена слышатъ сей языкъ. Большая часть людей будучи огра- ничены въ ихъ намѣреніяхъ и непріятели трудовъ, желаютъ удостовѣрить, что все то излишнее, чего они не знаютъ, и что уже не можно чего либо прибавить къ пріобрѣ- щеннымъ знаніямъ. Но сіе основаніе умень- шается, коль скоро оно перестаетъ уве- личиваться. Та же самая причина, которая заставляеть пренебрегать то, что бы спа- раться о пріобрѣщеніи знанія новыхъ ве- щей, равнобрно заставляеть позабывать и то, что мы уже знаемъ. Меньше упраж- няющійся разумъ сравниваетъ меньше пред- мѣтовъ, и меньше открываетъ ихъ сход- ства. И такъ чрезъ сіе теряеть онъ сію справедливость и сію обширность, кои со- ставляютъ его силы противъ заблужденія. Желая заключить ученія въ предѣлы того, что называютъ нужными истиннами, зна- чить подвергаться опасности, что бы вскорѣ не знать и самихъ сихъ истиннъ. Здѣсь роскошь не можетъ быть съ лиш- комъ

комъ великою, и никогда не бываетъ обоюднымъ знакомъ благоденствія. Чѣмъ больше она производитъ новыхъ разысканій, тѣмъ болѣе она подтверждаетъ и совершаетъ древнія. Съ лишкомъ уже примѣтили худыя дѣйствія сего разума. Экономіи противной ему самому, если кто безразсудно захочетъ оный до того довести. Опрѣзывая вѣтви, которыя скоростъ считатъ безполезными, можно засушить стволъ самаго дерева. Для открытія дѣл новаго порядка спояло бы нѣсколько труда; а дабы онаго избавиться, то лучше старыя совсѣмъ оставляютъ. Вездѣ можемъ мы найти изображеніе собственныхъ нашихъ нравовъ. Въ единой токмо порчѣ естество положило неисчислимое различіе въ его произведеніяхъ: не больше бы стоило какого движенія, что бы приобрести себѣ нѣкоторый новый предметъ; но кажется, что къ тому нѣтъ времени или бодрости. Начерпываютъ нравы того общества, въ которомъ живутъ, или какія части города, что безъ прекословія называется изображеніемъ вѣка, свѣта, человека. Етого бы много было, если бы себя въ томъ удостовѣрили, что нѣтъ другого способа, кромѣ того, который знаютъ.

Однако никогда еще не были столько жадными ко всему тому, что кажется обобщающимъ нѣкоторую новость: но

гдѣ ея наичаще ищутъ? Лѣстятъ себя
тѣмъ, что бы здѣлать новыя смѣшенія
изъ древнихъ мыслей. Слова разсматрива-
ютъ чрезъ увеличивательное стекло: обо-
рачиваютъ книги: кажется, какъ бы пред-
ставлялся строитель думающій соору-
дить городъ, строя попеременно различ-
ныя зданія изъ тѣхъ же самихъ припасовъ.
Если мы истинно желаемъ новыхъ пред-
метовъ; то станемъ дѣлать новыя наблю-
денія. Во благонравіи и въ политикѣ не дру-
гимъ какимъ путемъ можно достигнуть
до истинны. Должно знать языки, книги,
людей каждаго столѣтія, каждыя страны,
и черпать въ истинныхъ источникахъ по-
знаніе народовъ. Сіе знаніе столь изряд-
ное, и столь важное уподобляется жи-
лѣ столь же богатой, сколь и прези-
раемой. Узы, соединяющіе различныя части
Европы ежедневно тѣмъ болѣе стѣсняю-
ся. Мы живемъ по срединѣ Великія Респу-
блики, и намъ не достаеетъ всякаго рода
вспоможенія, дабы знать оную. Однако ка-
кую способность представляетъ намъ сей
языкъ вѣжливый, пріятный, не любящій
ни какія темноты, толико достойный
быть болѣе еще всеобщимъ, равно какъ и
того, что бы однажды быть общимъ хра-
нилищемъ учебныхъ богатствъ всѣхъ наро-
довъ?

Всѣ сіи разсужденія можетъ быть представляють съ малою пользою нынѣ приносимую дань. Но иногда бываетъ утѣшеніемъ то, что бы говорить о томъ, что здѣлашь желали. Слѣдствіе моего труда можетъ быть подастъ мнѣ благопріятнѣйшіе случаи, что бы доказать оживляющую меня ревность.

Е Д Д А,

или

ИКОНОСЛОВІЕ КЕЛЬТСКОЕ.

ВИДѢНІЕ ГИЛЬФА, ОЧАРОВАНІЕ ГАРА.

Нѣкогда жилъ во Швеціи Король, именемъ Гильфъ, который былъ разумный и искусный волшебникъ. Онъ съ удивленіемъ видѣлъ то, что весь его народъ оказывалъ пошлкое почтеніе къ новопришедшимъ изъ Асіи, и онъ не зналъ, надлежало ли приписать ихъ успѣхи естественному знанію, или признавать въ нихъ какую божественную силу. Онъ вознамѣрившись въ томъ увѣришься, предпріялъ ити въ Асгардъ (а) подѣ видѣ

Часть II. А домъ

- (а) (Предпріялъ ити въ Асгардъ). Одинъ и его спутники пришли изъ Асгарда; сіе слово означаетъ пребываніе господей, или боговъ. Много находится знаменованій, трудныхъ къ изъясненію, по тому что не можно найсти смысла онымъ; то, которое въ подлинникѣ здѣсь употребляется, означаетъ много вещей. *As* во всѣхъ отрасляхъ Кельскаго языка значило господина и бога; но въ *Еддѣ* и въ другихъ Исландскихъ сочиненіяхъ означало еще *Асійцевъ*, и не извѣстно, по какому изъ сихъ двухъ знаменованій дано сіе имя *Одину* и его спутникамъ. *Екгардъ* въ его сочиненіи *de origine Germanorum. pag. 41*

домъ старика простаго состоянїя, но Асїйци съ лишкомъ были искусны, дабы не проникнуть его намбрений шакъ, что они его приняли ослѣпивъ ему глаза чародѣянїями. Тогда онъ думалъ видѣть чертоги, коихъ высокая кровля, терявшаяся изъ вида, покрыта была позлащенными щитами, какъ новая кровля. Стихотворецъ *Діодольфъ* говоритъ о семъ слѣдующимъ образомъ:,, (b) боги сдѣлали,, въ нихъ кровлю изъ блестящаго золота, ,,стѣны изъ камней, а основанїями служили,, годы,, *Гильфъ* вошедъ въ сїи чертоги встрѣтилъ одного человѣка бросавшаго вдругъ въ воздухъ семь мечей, которые онъ по томъ хваталъ одинъ послѣ другаго. Когда сей человѣкъ спросилъ у Короля объ его имени; то онъ будучи переряженъ отвѣчалъ, что онъ называется *Ганглеромъ*, и пришелъ съ *Рифилъскихъ* горъ: по томъ онъ спросилъ съ его

утверждалъ, что сїе слово никогда не имѣло сего послѣдняго смысла, что сходствомъ въ произношенїи заставило послѣ того выдумать путешествїе изъ Асїи, и что Одинъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ шокмо изъ Вандали, нынѣшней Померанїи. Можно шакъ же въ сочиненїи видѣть и тѣ причины, на которыхъ онъ основываетъ сїю догадку, которая бы заслуживала бытъ предпочтенїемъ, если бы единоголасное и древнее преданїе не полагало перваго опечества Скандинавовъ во странахъ лежащихъ подлѣ Дуная.

(b) (*Діодольфъ* говоритъ о семъ слѣдующимъ образомъ). *Діодольфъ* былъ древнїй *Скальдъ* весьма знаменитый, который написалъ длинное стихотворенїе объ исторїи болѣе, нежели тридцати Норвежскихъ государей. Здѣсь видно раченїе *Сноррона*, что бы по-

его стороны, кому принадлежали шѣ чертоги, которые онѣ видѣлъ, и другой томѣ часѣ далъ въ ошѣмѣ, что они были ихъ Короля, и что онѣ его шуда введетѣ, дабы ему показать оныя. Ганглерѣ вошедѣ увидѣлъ многія строенія, и великое число людей, находившихся въ разныхъ столовыхъ. Нѣкоторые пили, другіе забавлялись игрою или упражнялись въ борьбѣ. Ганглерѣ видя тамъ многія вещи, которыя ему непостижимыми казались, произрекалъ тихо слѣдующіе стихи; надобно изрядно разсматривать все двери не ходя далѣе; ибо не лѣзя знать того, гдѣ сидятъ непріатели, которые тебѣ сѣти подставляютъ. По томѣ онѣ открылъ три престола, стоявшіе одинѣ выше другаго, и на всякомъ престолѣ сидящаго челоуѣка (с). Какѣ онѣ спросилъ

А 2

ти всегда приводитъ свидѣтельства писателей, на коихъ онѣ основывается, что видно будетѣ во всемѣ семѣ сочиненіи. Онѣ сѣ же самое наблюдалъ и въ его великомѣ лѣтоисчисленіи, въ коемѣ находятѣ при каждомѣ почти происшествіи какой урывокъ древняго историческаго стихотворенія, подтверждающій оное. Сѣ служилѣ къ показанію какѣ обширнаго знанія Сноррона, такѣ и чрезвычайнаго множества находившихся сихъ стиховъ. Теперь неудивительно то, что въ Галліяхъ молодые люди употребляли толико лѣтъ, что бы оныя наизусть выучить.

- (с) (На всякомъ престолѣ сидящаго челоуѣка). Въ рукописи Едды сохранный въ Упсалѣ находится весьма грубое представленіе, какѣ то можно думать, трехъ престоловъ, и сидѣвшихъ на нихъ трехъ особъ. Они носящѣ вѣнцы на ихъ главахъ, и Ганглерѣ съ униженіемъ поклонился въ ихъ

силъ, кто изъ троихъ былъ ихъ Король; то его провожающій опивѣчалъ: потѣ которъ сидитъ на низшемъ престолѣ есть Король, онъ называется *Гаромъ* (т. е. высокимъ); второй есть *Яфнгаръ* (равный высокому); но потѣ, который всѣхъ выше, называется *Тредѣй* (третій) (d). *Гаръ* видя *Ганглера* хотѣлъ знать за какими дѣломъ онъ пришелъ въ *Асгардъ*, прибавивъ къ сему то, что ему дадутъ даромъ ѣсть и пить со другими гостями двора. Но *Ганглеръ* ему опивѣчалъ, что онъ во первыхъ хочетъ знать то, есть ли какой мудрый и искусный человѣкъ въ семъ дворѣ.

присутствіи. Не худо будетъ думать, что уже не надобно было столько къ открытію изряднаго поля для догадокъ ученыхъ; сего ради нашла, что сіе мѣсто ясно полагало пройцу, извѣстную уже, какъ то говорятъ, отъ *Платона*, и отъ многихъ другихъ идолопоклонниковъ. То справедливо, что наидревнѣйшихъ временъ вездѣ искали въ пройномъ числѣ, и если неосмѣнно должно положить то, что людямъ надлежало уже за долгое время предъ Евангеліемъ имѣть нѣкоторое познаніе, о такомъ догматѣ, о которомъ они могли знать по точному откровенію, то нетрудно бы было чрезъ малое шокмо воображеніе найти сему слѣды во множествѣ мѣстѣ.

- (d) (Который всѣхъ выше называется *Тредѣй*). Одинъ ли, или кто другой изъ его двора занималъ престолы? Сіе то нелегко разрѣшить можно. Однако же мнѣ кажется, что при всѣхъ сихъ околичностяхъ *Одинъ*, о которомъ говорится, былъ шокмо государи и завовавшая сѣвера; а не *Одинъ*, отецъ и господинъ боговъ. *Ганглеръ* отправился къ его двору между тѣмъ какъ онъ покаралъ Швецію. И такъ онъ пришелъ въ *Асгардъ* шокмо тѣхъ, которые въ мѣсто его

ИЛИ ИКОНОСЛ. КЕЛЬТСКОЕ.

9

дворѣ. Если ты разумнѣйшій, отвѣчалъ Гаръ, то я опасаясь того, что бы ты вышелъ отсюда здоровымъ и невредимымъ. Однако же останься тамъ въ низу, и предлагай твои вопросы; на семъ сѣдалищѣ будетъ кто нибудь въ состоянтіи тебѣ отвѣчать.

Примѣчанія.

Въ изданіи Резеніуса находится одна басня предъ сею. Я ея не перевелъ, по тому что она мнѣ показалась не имѣющею никакого сообщенія съ прочимъ, что она мало достопамятна и не стоитъ въ Улсальской рукописи. Въ прочемъ Снорронъ самъ показываетъ намъ въ началѣ его лѣтосчисленія, что сей Гильфъ, который управлялъ Швеціею предъ приѣздомъ Одина и его спутниковъ, принужденъ былъ уступить чрезъбесѣственной

А 3

ной

управляли. Данныя имъ имена можетъ быть взяты отъ ихъ достоинства и ихъ должностей. Все сіе въ семъ положеніи будетъ со всѣмъ подвержено чело-вѣческой судьбѣ, и можно себя уволить отъ того, что бы искать при семъ таинства св. Троицы. Я еще и здѣсь повторю, что надлежитъ привыкнуть къ господствующему во всемъ семъ Иконославіи равному смѣшенію между *Одиномъ* завоевателемъ Сѣвера, и *Одиномъ* высшимъ Богомъ, коего имя первый себѣ присвоилъ, и установилъ служеніе ему въ Скандинавіи. *Ювисъ* Король Крита и самодержецъ земли и небесъ, *Зороастръ* основатель служенія Маговъ, и богъ, которому оное отпращивали, *Замолисдъ* верховный жрецъ *Фракіанъ* и верховный Богъ *Фракіанъ*, не меньше между собою смѣшиваемы были, какъ и сіи два *Одина*.

ной власти, которую они противъ его употребляли, и оставить имъ свое королевство. Отъ сего то происходитъ сие положеніе, какъ бы сей Король желалъ самъ собою удосто- вѣриться въ искусствѣ сихъ новопривывшихъ, предлагая имъ разные трудные вопросы. Въ древней Скандинавіи, равно какъ и на восто- кѣ, часто упоминается о сихъ сраже- нійхъ во знаніи между королями и госуда- рями; коего слава всегда оставалась тому, который умѣлъ отвѣчать на всѣ вопросы, и дать хорошую или худую причину каждому явленію. Сіе то называли *знаніемъ* или *му- драстію*, которыя слова съ начала во всѣхъ языкахъ были синонимичными; а послѣ того сдѣлавшіяся столько легкими въ различ- нѣи. Здѣсь нужно будетъ вспомнить то, что мною сказано въ моемъ введеніи въ исторію Датскую о прибытіи Одина въ сѣверъ, дабы хорошо уразумѣть сію главу и слѣдующія.

ПЕРВАЯ БАСНЯ.

Вопросы Ганглера.

Ганглеръ такимъ образомъ началъ его рѣчь: кто такіи древнѣйшіи, или перьвыи изъ боговъ? Гаръ отвѣчаетъ: мы его здѣсь называемъ *Альфадеромъ*, сирѣчь от- цемъ вселенныя; но въ древнемъ *Архардѣ* имѣ- етъ онъ двенадцать именъ (а). Ганглеръ спра- шиваетъ:

(а) (Онъ имѣетъ двенадцать именъ). Сіи двенадцать именъ находящіяся въ Еддѣ; но я предпочелъ объ нихъ здѣсь упомянуть, дабы не утратить грубыми и стран-

живаеѣ: кто таѣй сей богъ? Въ чемъ состоитъ его власть, и что онъ сдѣлалъ для показанія его славы (b)? *Гаръ* отвѣчаеѣ: онъ всегда живееѣ, онъ управляетъ всѣмъ его королевствомъ, и великими дѣлами, равно какъ и малыми. *Яфигаръ* прибавляетъ: онъ сотворилъ небо, землю и воздухъ. *Тредѣй* продолжаетъ: онъ больше еще сдѣлалъ, нежели небо и землю, онъ сотворилъ людей, и имъ далъ душу, которая должна жить, и которая никогда не погибнетъ, даже и тогда, когда тѣло исчезнетъ въ прахъ и въ пепелъ: и всѣ справедливые люди

А 4

дол-

ными произношеніями тѣхъ, которые захошатъ держаться чтенія подлинника. Я ихъ здѣсь привожу ради другихъ съ нѣкоторыми учиненными догматами въ разсужденіи ихъ знаменованія: 1. *Альфадеръ* (отецъ всего), 2. *Геріанъ* (господинъ или паче воинъ), 3. *Никаръ*, (пышный), 4. *Никудеръ* (богъ моря), 5. *Фіолнеръ* (многовѣдущій), 6. *Омъ* (ревущій), 7. *Бифлидъ* (проворный), 8. *Видеръ* (великолѣпный), 9. *Свидеръ* (истребитель), 10. *Свидеръ* (зажигатель), 11. *Оске* (избираѣтель мертвыхъ), 12. *Фанкеръ* (счастливыи). Имя *Альфадеръ* наичаеѣ *Едда* употребляетъ; я оное перевелъ *отцомъ вселенныа*.

- (b) (*Сдѣлалъ для показанія его славы*). Великіе вопросы; но отвѣшые еще достопамятныѣ. Ихъ согласіе съ тѣмъ, чему научаетъ насъ Христіанская вѣра, можетъ заставить думать, что *Снорронъ* хотѣлъ упросить вѣру его опцовъ, приближая ея къ Евангелію, если бы стихотвореніе *Волуспа*, которое неоспоримо принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда и самое ея имя было еще не извѣстно въ сѣверѣ, не заключало того же самаго ученія, и если бы все слѣдствіе *Едды* не полагало

ЕДДА ИСЛАНДЦОВЪ

должны обитать съ нимъ въ одномъ мѣстѣ
называемомъ *древнимъ*, или чертогомъ дру-
жества; но злые люди пойдутъ къ *Гель*,
смерти, и опшуда въ *Нильфегель*, т. е. въ
жилище беззаконниковъ, которое находит-
ся въ низу въ девятомъ свѣтѣ. По томъ
Ганглеръ спросилъ, что *Богъ* дѣлалъ предъ
сотвореніемъ неба и земли? *Гаръ* отвѣчалъ:
онъ былъ тогда съ великанами с). Но чрезъ
что, сказалъ *Ганглеръ*, онъ началъ, или ка-
кое было начало вещей? Сіе то, отвѣчалъ
Гаръ, сказано въ стихотвореніи *Волусль*: „
въ началѣ времени, когда не было ничего,
„ни

его при каждомъ мгновеніи. Но насъ должно совер-
шенно удостовѣрить то, что намъ уже извѣстно
изъ другихъ мѣстъ, что въра *Кельшовъ* въ раз-
сужденіи большія части сихъ предмѣстовъ не раз-
личалась отъ того, что мы здѣсь читаемъ. Я по-
кажу сему ниже разные доказательствъ.

- (с) (Онъ былъ тогда съ великанами). Слово въ подлинникѣ
не легко перевести на Французской языкъ. *Кель-*
ш имѣли великановъ и духовъ многихъ различ-
ныхъ спашей, которыхъ мы теперь различать
не въ состояніи. Тѣ, о коихъ здѣсь говорится, на-
зывались *Римтуссами*, отъ слова *Rim* морозъ и *Thuf*
великанъ или лѣшей. Вскорѣ увидимъ начало
сего названія. Что касается до слова *Thuf*; то
оно можетъ показатъ мимоходомъ согласіе, на-
ходившееся прежде въ мнѣніяхъ всѣхъ, и даже отъ-
даленнѣйшихъ *Кельтскихъ* народовъ, и при томъ
ири малѣйшихъ вещахъ. Галлы, равно какъ и
сѣверные народы, върили *Тусамъ* и давали имъ то
же самое имя. Однако же кажется, что *Гальскіе*
Туссы или лѣше были гораздо въжливѣе, нежели
сѣверные, и сіе удивительно не будетъ. Многіе
отцы церкви говорятъ о тѣхъ чрезвычайныхъ

„ни берега ни моря, ни основанія въ низу; „то тогда не видѣли земли въ низу, а не- „ба въ верху, все состояло въ обширной про- „пасти (d), и ни съ которой стороны не „представлялась зелень. „Афигаръ продол- „жаетъ: много проходило зимъ съ пѣхъ поръ, „когда сдѣланъ былъ Нифльгеймъ (адъ) до „созворенія земли. По срединѣ ада находит- „ся источникъ, изъ котораго текутъ слѣ- „дующія рѣки: скука, непріятельница радости, „обитаище смерти, логибель, лучина, логода, „
А 5 вихрь,

вольностяхъ, какія они брали съ женскимъ по- „ломъ: они ихъ называютъ по Латинѣ *Passi*: „особливо св. Августинъ говоритъ намъ, что столько „много люди его увѣряли, что они искали сообще- „нія съ женщинами, и ихъ улавляли такъ, что над- „лежащъ бывъ неосторожнымъ, дабы тому не „вѣрить *De civit. Dei* L 15. c 23. Безъ сея угро- „зы я старался бы здѣсь найти токмо пѣ- „хипрости, какія любовь находить, дабы при- „крыть пѣ погрѣшности, какія она дѣлаетъ за- „ставляешь.

- (d) (Все состояло въ обширной пропасти). Безъ сомнѣнія „онъ меня не ожидаютъ того, что бы я здѣсь „привелъ все къ сему опшосительныя мѣста изъ „Греческихъ и Латинскихъ писателей. Они „всѣмъ людямъ извѣстны. Все почти древнѣя по- „сѣдованія согласны въ догматъ первенства Хаоса. Создатель „вещество изъ ничего казалось „въ сѣи не столько умствовательныя вѣки непо- „стижимымъ или невозможнымъ дѣломъ. Но од- „нако надлежитъ замѣтить токмо то, что сис- „тема древнихъ Персовъ кажется наилучшею изо- „всѣхъ извѣстныхъ въ томъ, что теперь чинили. „Я нѣсколько разовъ буду имѣть случай повно-

сирѣ, реѣ, мычаніе, проласть. Та которая называется ревущею печешъ подлѣ рѣшетокъ обиталища смерти (е).

При-

рись сіе наблюденіе, которое подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что Персы нѣкогда не разнствовали отъ Кельшовъ.

Не особливо ли то, что всѣ тѣ, которые говорили о вѣрѣ сихъ народовъ, употребили толико трудовъ, дабы угадать то, что они думали о сотвореніи міра, и что они наконецъ заключили, что о томъ ничего подлиннаго знать не можно; между тѣмъ какъ подлинная и къ ихъ намѣренію относящаяся книга, представляла имъ почти всѣ обстоятельства, которыхъ они шокмо желать могли! Я дѣлаю сіе разсужденіе, и даю еще ему большую обширность, читая то, что ученый Аббатъ Баніеръ издалъ о вѣрѣ Галловъ, Германцовъ и сѣверныхъ народовъ.

- (е) (Обиталище смерти). Слово въ подлинникѣ значитъ на Готескомъ языкѣ обиталище беззаконныхъ. Изъ сего описанія ада явствуетъ то, koliko древніе Кельшскіе философы склонны были къ образнымъ выраженіямъ, и весьма вѣроятно то, что всѣ почти басни, которыя мы въ слѣдствіи увидимъ, равномерно заключали въ себѣ нѣкоторую истину, которыя истолкованіе они себѣ предоставляли. Сіе для насъ подтверждено Кесаремъ, и разными другими древними писателями, и не надобно уже имѣть другихъ доказательствъ, кромѣ таинственныхъ и означательныхъ именъ, которыя всегда даваемы были каждой вещи. Въ прочемъ я не дѣлаю здѣсь ни какого разсужденія о сѣмъ адѣ Кельшовъ; по тому что въ слѣдствіи представляюща къ тому естественнѣйшіе случаи.

Примѣчанія

къ первой баснѣ.

Сія басня въ разсужденіи многого весьма достопамятна. Она распространяетъ великій свѣтъ надъ однимъ изъ главнѣйшихъ догматовъ Кельтскія вѣры, и подтверждаетъ особливо то, что сказано Тацитомъ о понятіи Германцовъ о высочайшемъ Богѣ: *Regnatur omnium Deus, caetera subiecta atque parentia. Germ. с. 39.* Германцы и Скандинавы называли въ началѣ сіе божество *Tis, Tuis*, или *Teut*, къ которому слову Галлы прибавили еще *Tad* или *Tat*, которое и нынѣ еще значить отца на Бретонскомъ языкѣ. см. *Rostrenen diction. Celt. p. 712.* Здѣсь такъ же видно, что ему имя отца дано было Скандинавами въ слѣдствіи, и безъ сомнѣнія послѣ временъ Тацита, сіи народы привыкли называть его однимъ приложительнымъ именемъ *God* или *guodan*, т. е. добрый, изъ чего сдѣлали *Одина*, котораго Англо-Саксонцы произносили *Воданъ, Wodan* (говоритъ Павелъ діаконъ *Rei Langobard. l. 1. с. 3*) *quem, adiecta littera Guodan dixere ab universis Germaniae gentibus, ut Deus adoratur.* Смотри о семъ *hist. des celts T. II. pag. 74 et Seqq.*

ВТОРАЯ БАСНЯ

О мірѣ огня и Сюртура.

Тогда Тредій вступившись въ рѣчь сказалъ: однако же предъ всѣми вещами находился

дился мѣръ блестящій, горящій, необитаемый чужестранными, лежавшій въ концѣ земли (а) Сюртуръ черный имѣетъ шамъ его правленіе: въ его десницахъ блещетъ сіяющій мечъ: онъ придетъ при концѣ міра: онъ побѣдитъ всѣхъ боговъ, и ввергнетъ селен-

Примѣчанія.

КО ВТОРОЙ БАСНИ

- (а) (Мѣръ блестящій и проч.) Друиды желали изъяснить, какимъ образомъ мѣръ былъ сотворенъ, равно какъ и то, отъ чего холодно въ сѣверѣ, а тепло въ Югѣ. Сего ради они полагали кучу огня въ полудни, который по видимому всегда шамъ былъ, и который служилъ жилищемъ злымъ духамъ. Изъ сего то вещества сдѣлано солнце. Сей толикій воздухъ или сей огонь имѣлъ еще ту способность, что бы причиною служить конечному созженію сего мѣра, ибо непременно хотѣли, что бы онъ былъ созженъ въ послѣдній день. Что касается до сѣвера; то по какой другой причинѣ было въ немъ холодно, какъ шокмо для того, что въ сей сторонѣ находились ужасныя глыбы льда? Но откуда происходилъ сей ледъ? Нѣтъ ничего простѣйшаго: адъ приготовленный съ начала столѣтій орошенъ былъ сими великими рѣками, коихъ имена видѣли въ прежней басни; сіи большія рѣки удаляясь отъ полудня замерзали, и отъ того то холодъ сѣверныхъ вѣтровъ. Между симъ міромъ огня и симъ міромъ льдовъ находилась большая пропасть, гдѣ шокмо былъ единый воздухъ; шамъ то послѣ поставлена была земля, на которой мы обитаемъ. Если будущъ чипать отрывокъ Санхоніа Ёона, сохраненный Евсевіемъ. De Prop. L. 2 с. 10, то въ немъ найдутъ довольно подобную исторію созданія мѣра.

сетенную въ добычу пламени. Сіе то о семъ
сказано въ *Волусль* : „ Сюртуръ придетъ съ по-
,, лудня наполненный обманчивыми хипростя-
,, ми, движущееся солнце блещетъ, на его мечъ
,, боги превожатся, люди слѣдуютъ толпа-
,, ми по пропамъ смерти, небо разсѣчено : „, но
сказалъ *Ганглеръ*, въ какомъ сотвореніи на-
ходился свѣтъ прежде, нежели находились
на землѣ семіи людей, и прежде, нежели
народы сотворены были? *Гаръ* ему отвѣ-
чалъ : сіи адскія рѣки, о коихъ говорили,
столько удалились отъ ихъ источниковъ,
что несомый ими ядъ отвердѣлъ, какъ соки
въ охолодѣвшей печи. Отъ того сдѣлался
ледъ, который оспановилъ теченіе. Тогда
ядъ въ верху распростершись равномѣрно
замерзъ, и такимъ образомъ произошли
многіе слои ледовитыхъ паровъ одинъ
на друговъ въ обширной пропасти. *Яфигаръ*
продолжалъ тако : симъ способомъ часть
пропасти, находящаяся къ сѣверу, наполне-
на была составомъ замерзшихъ паровъ и
льда; но внутри были токмо вихри вѣтровъ и
бурь. Насупротиву южная часть возвыша-
лась равномѣрно состоя изъ молній и искръ
лешавшихъ изъ міра огня. *Тредій* вступившись
въ рѣчь сказалъ : симъ способомъ свирѣпый и
ледовитый вѣтръ приходилъ со стороны ада
между тѣмъ какъ все то, что лежало ко
пламенному свѣту, было горящимъ и свѣ-
тящимся. Что касается до пропасти, на-
ходившейся между двоими ; то она была
столь легка, какъ воздухъ, если онъ
былъ тихъ : какъ тогда дыханіе теплоты
распространилось на замерзшихъ паряхъ; то
они

они превратились въ капли (b), и изъ сихъ капель сотворенъ человекъ могуществомъ того, который управляетъ. Сей человекъ названъ *Имеромъ*; великаны называютъ его *Ерельмеромъ*, и отъ него то происходятъ всѣ ихъ поколѣнія, какъ то сказано въ *Волусѣ*: „Всѣ пророки происходятъ отъ „*Виттольфа*, разумные отъ *Веллода*, великаны отъ *Имера*., и въ другомъ мѣстѣ : „изъ адскихъ рѣкъ текли капли яда, и въ- „ялъ вътрѣ, отъ чего сотворенъ великанъ ; „отъ него происходитъ все великанское пле- „мя., *Ганглеръ* услышавъ сіе спрашиваетъ, какимъ образомъ племя *Имера* умножилось? И думаете ли вы , что онъ былъ богъ ? *Яфигаръ* отвѣчалъ: мы не думаемъ, что бы онъ былъ богъ ; ибо онъ спольже былъ злобенъ, какъ и все его потомство. Когда онъ спалъ ; то онъ вспотѣлъ, и изъ подъ его лѣвой руки родились мужчина и женщина , и одна изъ его ногъ зародила съ другою сына, отъ котораго произошло поколѣніе вели-

(b) (Они превратились въ капли). На концѣ съ удовольствіемъ открываютъ, что наши философы возчувствовали необходимость, дабы принять дѣйствіе Бога въ созданіи сего міра. Сіе оживошворяющее дыханіе приводитъ на мысль то дыханіе жизни, которое Богъ вдохнулъ въ ноздри перваго человека, по выраженію святаго писанія: бытія гл. 2. ст. 7. Въ прочемъ сомнительно, что бы *Снорронъ* нашелъ въ древнемъ имъ выписываемомъ Иконословіи слова могуществомъ того, который управляетъ: можетъ бы они составляли изъ полъ писанное примѣчаніе, ошибкою вмѣщенное въ подлинникъ.

великановъ, названныхъ по причинѣ ихъ начала, *Беликанами льда* (с)

ТРЕТІЯ ВАСНЯ

О коровѣ кормившей Имара.

Послѣ того Ганглеръ хотѣлъ знать, гдѣ обиталъ великанъ *Имеръ*, и какая была его пища? Гаръ ему отвѣчалъ; коль скоро сей южный вѣтръ растопилъ обледенѣвшіе пары и превратилъ ихъ въ капли; то отъ того сдѣлалась такъ же корова: четыре молошныя рѣки текли изъ ея вымя, и она питала Имера. Корова съ ея стороны кормилась лизавши камни покрытые солью и бѣлымъ льдомъ. Въ первый день, когда она лизала сѣи камни, вышли изъ нихъ къ вечеру волосы человѣческіе; во второй день голова, а въ третій день совершенный человѣкъ, одаренный красотою, силою и могуществомъ. Его называютъ

(с) (*Беликаны льда*). Я бы никогда не кончилъ, если бы захотѣлъ предлагать здѣсь обо всѣхъ древнихъ преданіяхъ, сходственныхъ съ тѣмъ, о чемъ теперь читали. Въ востокѣ общее мнѣніе было то, что Богъ началъ сотвореніемъ весьма сильныхъ благихъ и злыхъ духовъ, которые населяли свѣтъ предшествовавшій предъ симъ чрезъ долгое время. Въ *Гербелотъ* можно видѣть то, что Персіане повѣствуютъ объ ихъ *Дивахъ*, *Нерахъ*, *Перихахъ* и ихъ Королѣ *Еблисъ*. Какъ *Имеръ* созданъ былъ, какъ то видѣли, изъ замершихъ капель; то всѣ произшедшіе отъ сего великаны названы для сего *великанами льда*. Въ прочемъ сѣи великаны суть со всѣмъ различны отъ людей нашего рода, кѣмъ-рѣхъ *Едда* не заснѣвилъ еще родиться.

ваютъ Буромъ; онъ отецъ Бора женившагося на Бейцлѣ дочерѣ великана Балдорна. Изъ сего супружества родились три сына, Одинъ, Виць и Ве. А мы вѣримъ, что сей Одинъ правитъ съ его братьями небомъ и землею, что имя Одинъ есть собственное его имя, и что онъ есть наисильнѣйшій изъ всѣхъ боговъ (а).

При-

(а) Наисильнѣйшій изъ всѣхъ боговъ]. Не бесполезно замѣтить то, что всѣ Кельтскіе народы объявляли объ ихъ происхожденіи съ такими же обстоятельствомъ. Тацитъ говоритъ, что Германцы прославляли въ ихъ стихахъ Бога рожденного отъ земли, именемъ Туйстона (ш. е. сынъ Тиса или Туйса высочайшаго бога). Сей Туйстонъ имѣлъ сына именемъ Манна, коего шрое дѣтей были основателями прехъ главнѣйшихъ Германскихъ народовъ. Скиѣны, по свидѣтельству Иродота кн. 4. гл. 6. и 10, говорили, что Таргитаусъ (добрый Таусъ), основатель ихъ народа, имѣлъ прехъ сыновъ, Лейпксена, Арпоксена и Колаксена. Преданіе взятое отъ Римлянъ упоминало, по свидѣтельству Аппіана Илму, кн. что Киклопъ Полифимъ прижилъ съ Галатеею прехъ сыновъ Кельта, Иллирія и Галла. Сатурнъ отецъ Ювиса, Нептуна и Плутона въро-янно имѣлъ такое же начало, равно какъ и шъ три сына, которые родились по преданію Исіода отъ неба и земли, Колтъ, Вріарей и Гизъ. Столь древнее и столь общее преданіе должно неопытно имѣть основаніемъ какое нибудь весьма дѣйствительное дѣло. Я не опредѣляю купно съ Ключе-роми, что бы сіе дѣло было то, которое священное писаніе передаетъ о Ноѣ и его дѣтяхъ, и я не подтверждаю того, чего не могу знать.

Если бы здѣсь позволено было распространить мое слово; то бы я нашелъ еще здѣсь слѣды другаго преданія, не меньше древняго, весьма распростершагося въ востокъ, и подтвержденнаго нѣкоторымъ образомъ чрезъ бшше, глав. VI. слѣдующими словами. Сынъ

1207416
с
40642
с
днм

Примѣчанія
къ третьей басни.

Сія басня вѣроятно есть токмо иноска-
заніе; но какое право я ни имѣю будучи до-
полнителемъ; однако же я не пріймусь за
ея объясненіе.

Здѣсь надлежитъ учинить весьма важное
примѣчаніе. Могущее существо оживотворило
его дышаніемъ капли, изъ коей произошелъ
первый великанъ. Сіе существо, коего *Едда*
не называетъ, было со всѣмъ отличіемъ отъ
Еддина, родившагося спустя долгое время по
созвореніи *Имера*. И такъ можно догадываться,
что тайная философія Кельтовъ, (ибо
извѣстно, что Друиды отдавали ихъ тайны
токмо постепенно и съ великою оспорож-
ностію) научала, что Богъ всевышній, вѣч-
ный, невидимый, непорочный, котораго они
не смѣли назвать изъ страха и почтенія, у-
становилъ нижнія божества для правленія
симъ свѣтомъ, что сіи то божества должны
были поднасть покушеніямъ неприятельскихъ
силъ и погибнуть съ селенною; что тог-
да Всевышній Богъ всегда пребывающій и
непоколебимый никакимъ перемѣнамъ оста-
вить его покой, дабы сотворить новый
мїръ

Часть II.

В

мїръ

Бога видя, что дочери людей были пригожи, избрали
изъ нихъ себѣ въ жены; и тогда были великаны на зем-
лѣ, когда сыны Бога совокупились со дщерями людей.
Сии то сильные люди были во всякое время славные
великаны и т. . . . Тѣ, кои въ разсужденіи сего
будущъ читають книгу мнимаго пророчества *Еноха*
и *Лактантіа* въ его началѣ потѣшностей, найдущъ
сходства съ ученіемъ *Едди*.

Государственная и научная
библиотека
им. В. Г. Болотова
г. Свердловск

Шифр

Изд.

65058

Область культуры и пропаганды

міръ изъ развалинъ стараго, и открытъ новый періодъ, послѣ котораго опять послѣдуетъ другой; и такъ чрезо всю вѣчность. Такая то была систима Стоиковъ, которые полагали равно какъ и Кельты, что міръ будучи истощенъ пламенемъ возобновится, и что нижніе боги въ то же самое время истребятся. Все сіе подтверждаетъ то, что сей Богъ вышній самаго *Одина*, о которомъ чернь Кельтская даже и понятія не имѣла, представляется въ нашихъ Исландскихъ стихотвореніяхъ по смерти всѣхъ боговъ, дабы воздѣть правосудіе, и установить новыя судьбы. Смотри Исландскую пѣснь приведенную въ древностяхъ *Бартолина*, кн. 2. гл. 14.

ЧЕТВЕРТАЯ БАСНЯ.

Какимъ образомъ сыны Бора сотворили Небо и Землю.

Было ли, продолжалъ *Ганглеръ*, между сими двумя различными поколѣніями какое равенство, или согласіе? *Гаръ* ему отвѣчалъ: со всѣмъ никакого: сыны Бора (а) умерли-
ли

(а) Сыны Бора суть боги; а особливо *Одинъ*, ибо о другихъ его братьяхъ *Велъ* и *Ве* нѣтъ почти со всѣмъ рѣчи. Жрецы Кельтовъ, по ихъ словамъ, происходили отъ сего поколѣнія Бора, въ чемъ они и могли увѣрить, по тому что ихъ должность переходила почти всегда отъ отцовъ къ сынамъ, какъ у *Жидовъ*.

ли великана *Имера*, и изъ его ранъ вышло
 столько крови, что всѣ семьи великановъ
 льда потонули въ оной, выключая токмо
 единого великана, который спасся со всѣми
 его домашними: его называютъ *Бергельме-
 ромъ*. Онъ убѣждалъ сѣвъ на его судно, и
 чрезъ него сохранилось племя великановъ
 льда. Сіе подтверждено слѣдующими сти-
 хами: „За многія зимы прежде того, когда
 „сотворена земля, *Бергельмеръ* былъ уже рож-
 „денъ, и я знаю, что сей разумный вели-
 „канъ спасся сѣвши въ его судно., (b) *Ган-
 глеръ* спросилъ, что тогда сдѣлали сыны
Бора, которыхъ вы почитаете богами? *Гаръ*
 отвѣчалъ: не малое дѣло то, чтобы о семъ
 рассказать: они поволочили пѣло *Имера* въ
 средину пропасти, и сдѣлали изъ него зем-
 лю: вода и море произошли изъ его крови,
 горы изъ его костей, камни изъ зубовъ; а
 изъ полыхъ костей смѣшанныхъ съ кро-
 вью, которая текла изъ его ранъ, создали
 они обширное море, посреди котораго
 утвердили землю (c). По томъ сдѣлавъ не-

(b) (Сей великанъ сѣвши въ его судно). И здѣсь еще
 весьма ясно примѣтны слѣды исторіи попопа.
 То уже знали, что всѣ Асійскіе и даже самые
 Американскіе народы сохранили о томъ нѣкото-
 рое воспоминаніе; но я не думаю, чтобы кто
 примѣтилъ сіе же самое у нашихъ ошцовъ Кель-
 товъ,

(c) (Утвердили землю). Пускай приведутъ себѣ на
 память, что предъ бытіемъ сей сѣвъъ воспламенен-
 ный въ югъ былъ жилищемъ злыхъ духовъ, а въ
 сѣверѣ куча льдовъ происшедшихъ отъ адскихъ
 рѣкъ. По срединѣ находилось пустое простран-

бо изъ его черепа, положили оное на всѣ стороны земли, раздѣлили его на четыре части, и поставили карлика при каждомъ углѣ для его поддержанія. Сіи карлики называются *Востокъ*, *Западъ*, *Югъ* и *Сѣверъ*. Послѣ сего они взяли огни въ южномъ сіяющемъ мѣрѣ, и оны положили въ пропасти въ верху, и въ низу въ небѣ, дабы оны освѣщали землю. Они опредѣлили постоянныя мѣста для всѣхъ огней. Отъ того были дни различные, и годы считаемы. Сего ради сказано въ стихотвореніи *Волусль*: „Прежде того солнце не знало своихъ чер, тоговъ, мѣсяцъ его силъ, а звѣзды мѣста, „ко-

сшво, называемое *пропастью*. Въ сіе то мѣсто боги бросили шло великана. Сія великанская выдумка безъ сомнѣнія съ начала служила прикровомъ какія спашьи ученія Друидовъ; но общество не показываешь себя больше благосклоннымъ къ ученымъ выдумкамъ, и при томъ надлежишь быть весьма отважно, дабы угадывъ смыслъ столь страннаго иносказанія. Какъ бы то ни было, однако же она служила наизобильнѣйшимъ источникомъ выражений и стихотворческихъ видовъ, и древніе Скальды почерпнули отсюда неисчисленное множество оныхъ. Во всякое время почитали весьма выгоднымъ то, дабы можно было заславить считавъ говорящимъ языкъ боговъ посредствомъ сихъ стихотворческихъ выражений, кои избавляющъ отъ выдумки, и прикрывающъ недостатокъ разума. Изъ всѣхъ древнихъ богородскихъ нахожу я то, что шокмо Халдейское съ симъ нѣкоторое сходство имѣетъ. *Берозъ* приведенный въ *Синкмалъ* насъ научаетъ, что сей народъ одинъ изъ древнѣйшихъ на земли, думалъ, что въ началѣ были шокмо вода и пымы, что сія вода и сіи пымы заключали въ себѣ различныхъ чудовищныхъ

„которое имѢ занимать надлежало,, (d). На сие Ганглеръ вскричалъ: по истиннѢ сѣи суиѢ великія дѣла и обширныя предпріятія! ГарѢ продолжая сказалъ: земля естъ круглая, и около ея поставлено глубокое море, коего берега даны были великанамъ для населенія оныхъ. Но гораздо прежде на земли вѢ семъ мѣстѢ, которое равномѣрно удалено ото всѣхъ сторонъ моря, боги построили

Б 3

крѢ-

живошнихъ, коихъ изображенія видны во храмѢ Бела; что одна жена именемъ Оморна была обладательницею всея Селенныя, что Богъ Бель умерщвилъ всѣ сѣи чудовища, испребилъ самую Оморну, и раздѣливъ ея на двое, сотворилъ изъ одной ея части землю, а изъ другія небо: къ сему другое преданіе прибавляетъ, что люди сдѣланы были изъ ея головы, изъ чего Берозъ заключилъ, что по сему то люди одарены разумомъ. Я ни мало не утверждаю того, что бы Халдеи и Кельты признавали всѣ сѣи пустоши, хотя сѣе и не невозможно. Сѣи древніе народы имѣли еще мало понятія, и ихъ воображеніе, сколь бы оно плодотворно ни было, не могло дать своимъ произведеніямъ сего чрезвычайнаго различія, которое оно изъяснило въ слѣдующіе вѣки, прудясь на ограниченномъ основаніи.

- (d) (Звѣзды не знали мѣста и проч.) Вещество солнца и звѣздъ пребывало за долгое время предъ сотвореніемъ сихъ мѣлъ: сѣе вещество было Евиръ, свѣщающийся міръ. Въ сей басни надлежитъ почитать остатки ученія Моисея, по которому твореніе свѣщающагося вещества предшествуетъ творенію солнца и мѣсяца. Общее происхожденіе показывается такъ же и то, что Моисей прибавляетъ въ томъ же самомъ мѣстѢ: и Господь сказалъ, да будутъ свѣтильники въ пространствѣ небесъ, которые бы отличали ночь отъ дня, и служили бы знаками временамъ, днямъ, годамъ и проч. бытія гл. 1. ст. 14.

крѣпость противъ великановъ, (е) которая составляетъ башню свѣта. Къ сему они употребили брови *Имера*, и называли еѣ мѣсто *Мидгардомъ* (жилище средины). Потомъ они бросили его мозгъ въ воздухъ, и изъ него сдѣлали облака, какъ то сказано въ сихъ стихахъ: Изъ мяса *Имера* сотворена земля, моря изъ его лота, горы изъ его костей, травы луговъ изъ волосъ, а небо изъ его головы; но благопріятные боги соорили изъ его бровей городъ *Мидгардъ* для сыновъ людей; а изъ его мозга сдѣланы лагубныя облака.

Примѣчанія НА ЧЕТВЕРТУЮ БАСНЮ.

Я здѣсь еще повтораю, что я не всегда слѣбую раздѣленіямъ *Едды Резе-нѹса*, ни *Едды Улсальской*. Какъ оныя различуютъ во многихъ рукописяхъ; то я считалъ ихъ какъ бы самопроизвольными, и дѣлалъ новыя, когда они мнѣ выгоднѣе быть казались.

ПЯТАЯ

(е) (*Крѣпость противъ великановъ*). Иконословіе *Персовъ* наполнено все чертами сходными съ сею. Всегда великаны или злые духи желаютъ зла людямъ, и имъ причиняютъ оное, когда шокмо могутъ. Ироніе имѣютъ пріятнѣйшаго и знаменитѣйшаго дѣла, какъ шокмо, чтобы съ ними вести войну. Они еще и нынѣ сосланы въ *Каказскіе* или *Имаускіе* горы, съ тѣхъ поръ когда *Тамурасъ* прозванный *Дивбендоиъ* (покорилъ святыихъ) ихъ побѣдилъ и прогналъ. Въ *Магомешанской* вѣрѣ меньше старались уничтожить сѣ древнія и суевѣрныя мифыя, нежели въ *Христіанской*, и городъ *Персидскій* вездѣ еще оныя держитъ.

ПЯТАЯ БАСНЯ

О сотвореніи Аски и Емлы.

Много уже было и того, сказалъ Ганглеръ, чтобы все сіе сдѣлать; но откуда происходятъ люди, которые нынѣ, въ мірѣ обитаютъ? Гаръ отвѣчалъ: Сыны Бора прогуливаясь однажды на берегу нашли два куска плавающего дерева. Они ихъ взяли и сдѣлали изъ нихъ мужчину и женщину. (а) Первый имъ далъ душу и жизнь, второй разумъ и движеніе, претій смиренный взоръ, рѣчь, и сверхъ того одежду и имя. Мужчину

Б 4

чину

Примѣчаше

НА ПЯТУЮ БАСНЮ.

(а) (Сдѣлали изъ нихъ мужчину и проч.). На конецъ приступаемъ мы къ шворенію нашего рода: томъ способъ, которымъ оно предложено, показываеиъ народъ преданной кораблеплаванию, и живущій въ странѣ окруженной морями и озерами. Бартолинъ думаетъ, что сѣверные философы приписуя происхожденіе людей изъ моря, желали удостоверить Скандинавовъ противъ страха, чтобы быть со всѣмъ уничтоженными, когда они погибнутъ въ водахъ, равно какъ и ихъ заставили почивать море ихъ естественною стихіею. Въ самомъ дѣлѣ въ слѣдствіи увидятъ, что великое намѣреніе сихъ воинственныхъ богослововъ состояло въ томъ, дабы воспламенить мужество, и опиятъ у страха всѣ сомнѣнія и прикровы. Аске значитъ на Готтескомъ языкѣ дубъ; а емола, ясень. Пускай другіе ищутъ причину предположенія даннаго симъ двумъ деревьямъ, и сходство, находящееся между двумя полами и сими двумя родами деревъ.

чину называютъ *Аске*, а женщину *Емла*; отъ нихъ то произошелъ человѣческой родъ, коему дали обиталище подлѣ *Мидгарда*. По томъ сыны *Бора* населяютъ по срединѣ міра крѣпость *Асгардъ*, въ коей живутъ боги, и ихъ поколѣнія (b). Тамъ то производятъ многія чудеса на земли и въ воздухахъ. *Гаръ* прибавилъ, тамъ то стоятъ чертоги *Одина* названные ужасомъ народа; когда *Одинъ* сидитъ тамъ на его возвышенномъ престолѣ; то онъ отсюда открываетъ всѣ страны, видитъ дѣянія людей, и разумѣетъ все, что онъ ни видитъ. Супруга его есть *Фригга*, дочь *Фіоргуна*. Отъ сего супружества произошло поколѣніе боговъ. Сіе поколѣніе есть со всѣмъ божественное и оно соорудило древній *Асгардъ*. Сего ради *Одина* должно называть отцемъ Селенныхъ, по тому

(b) (Въ коей живутъ боги). *Асгардъ* значитъ слово отъ слова *дворъ боговъ*. Нѣкоторыя рукописи прибавляютъ, что *Асгардъ* есть *Троя*. Но сіе было конечно примѣчаніе вынесенное на поле, вмѣщенное какимъ пищикомъ въ подлинникъ ошибкою. Боги будучи безпрестанно угрожаемы нападеніями великановъ, построили по срединѣ великія ограды называемой *Мидгардъ* (или жилище *Дедины*) одинъ изъ наикрѣпчайшихъ замковъ. Оный есть *Олимпъ Омира*, равно какъ и великаны суть *Титаны*. Я бы усталъ повторяя то, что *Кельты* равно какъ и *Греки* почерпнули всѣ сїи басни въ общемъ великомъ источникѣ восточныхъ преданій. Но сѣверные народы хранили ихъ съ лишкомъ двѣ тысячи лѣтъ, почти такими же, какими они ихъ получили, вмѣсто того, что они нашли столь благопріятную землю въ *Греціи*, что въ короткое время они спокраи размножились.

тому что онъ есть отецъ боговъ, людей, и всѣхъ вещей произведенныхъ его силою. Земля есть его дочь и его жена. (с) Онъ съ нею прижилъ *Аса - Тора* (или бога Тора) его перво-рожденнаго. Сила и могущество слѣдующъ за симъ богомъ: сего ради онъ торжеству-етъ надо всѣмъ тѣмъ, что шокмо жизнь имѣетъ.

Б 5

ШЕСТАЯ

(с) (*Земля есть его дочь и его жена*). Сія басня доказываетъ, что Кельты называли именемъ *фригга* супругу высочайшаго Бога, и что сія *фригга* въ то же время была земля. Сіе мнѣніе есть весьма древнее, и принято вообще ою всѣхъ Кельтскихъ народовъ. Друиды научали, что высочайшій Богъ *Тейтъ* или *Водинъ* былъ начало дѣйствующее, душа свѣта, которое соединившись съ веществомъ привело оное въ состояніе производить духовъ, или нижнихъ боговъ, человека и другихъ тварей. Сіе по стихотворцы образно выражали говоря, что *Одичъ* женился на *фриггъ* или *френ*, т. е. *госпожѣ* по превосходству. Прочитавъ сіе мѣсто не льзя въ томъ сомнѣваться, чтобы она не была та же самая *богиня*, которой, по свидѣтельству *Тацита*, Германцы посвящали одинъ изъ Датскихъ островъ, и которую они почитали подъ именемъ *Гертусы* (*Erde* значить еще и нынѣ землю на Нѣмецкомъ языкѣ). Въ разсужденіи воздаваемого ей почтенія можно читать то, что о томъ писалъ г. *Пеллутіе* въ III. Том. Ист. Кельт. хотя совокупленіе высочайшаго Бога и вещества произвело сію селенную; однако же Кельты полагаютъ великое различіе между сими двумя началами: высочайшій Богъ былъ безсмертенъ, а вещество его твореніе, и слѣдовательно имѣло начало. Все сіе на древнемъ языкѣ выражалось, какъ то здѣсь читающъ земля есть дочь и жена отца селенныя. На концѣ оны сего таинственнаго супружества родился Богъ *Торъ*; *Аса - Торъ* значить *господинъ Торъ*. Онъ былъ первород-

ШЕСТАЯ БАСНЯ

О Норѣ великанѣ.

Великанѣ Норѣ есть первый, который населялъ страну великановъ. (а) Онѣ имѣлъ одну дочь именемъ *Ночь*, которая черна равно какъ и все его поколѣнїе. Она сперва выдана была за человѣка, называемаго *Наслефара*, съ коимъ она прижила сына *Авдера*. По

ный опѣ высочайшаго Бога, наисильнѣйшее и величайшее изъ всѣхъ нижнихъ божествъ, или существъ родившихся опѣ соединенїя двухъ началъ. Въ томъ не лзя сомнѣваться, чтобы сему богу не препоручено было мешанїе молнїи. Имя данное сему богу значнѣ еще и нынѣ громъ на Сѣверныхъ языкахъ. Когда принявъ былъ Римскїй мѣсядослововъ; то четвергъ, посвященный Ювису, т. е. владѣтелю грома, посвященъ *Тору*. Теперь его называютъ *Thors-dag* (день *Тора*). На концѣ *Адамъ Бременскїй*, писатель одиннадцатаго столѣтїя, путешествовавшїй въ сихъ странахъ, подтверждаетъ, что Скандинавы шакое мнѣнїе объ немъ несли. *Thor cum sceptrо Iouem exprimere videtur etc. hist. Eccles. c. 223.* Безъ сомнѣнїя Ювисъ Галловъ, который имѣлъ, по свидѣтельству *Кесаря*, владѣнїе надъ небесными вещами, былъ *Таранъ*, коего, по словамъ *Лукана*, получаютъ ли тѣ же самые народы: *pharf. L. 1. v. 444.* *Таранъ* значнѣ еще громъ на языкѣ начальномъ *Галлїи*.

Примѣчанїя

НА ШЕСТУЮ БАСНЮ.

(а) (*Страну великановъ.*) Между учеными происходили великіе споры въ разсужденїи сея страны великановъ, о которой безпрестанно упоминается во всѣхъ нашихъ древнихъ сѣверныхъ лѣтоисчисленїяхъ. Мнѣ бы надлежало шокмо дать понятїе

По томъ вышла она за *Опара*, и ихъ дочь была земля. Ся дочь сговорена за *Даглингера*, который былъ изъ племени боговъ. Они произвели вмѣстѣ *день*, которой есть блестящъ и красивъ, какъ и все поколѣніе его отца (b). Тогда отецъ селенныя взялъ *ночь* и *день*, помѣстилъ ихъ въ небѣ, и далъ имъ два коня и двѣ колесницы, дабы они попеременно обѣзжали свѣтъ. Ночь опсправилась первая на ее конѣ называемомъ *Римфиксѣ* (грива льда). Онъ каждое утро начиная свое теченіе орошаетъ землю пѣною, каплющею съ его узды (росою). Конь употребляемый днемъ называется *Скинфаксѣ* (грива свѣтящаяся), и онъ блестящею своею три-

объ ихъ главнѣйшихъ догматахъ, дабы учинить весьма ученое примѣчаніе, которое бы вѣрно наскутило моимъ читателямъ и которые бы, можешь быть, ни мало того не обрѣли, чего они знати хотѣли.

(b) (Какъ и все поколѣніе его отца). Въ семъ иносказательномъ родословіи можно примѣтить, что ночь родила день. Всѣ Кельтскіе народы безъ извѣстія думали то же самое. Старые разсуждальщики принуждены были еще чаще, нежели новые, изъяснять *темное чрезъ темнѣйшее*. Сіе имѣетъ довольноую способность и сходство съ оборотомъ нашего разума, коего любопытство бываетъ весьма жадно; но однако же иногда насыщается какъ словами, такъ и понятіями. И какъ такимъ образомъ ночь была мать дня; то за долгъ почитали то, чтобы предпочесть ей имя имени ея сына, дабы считать время. По сему естественному было то, что употребляя, какъ то и дѣйствительно дѣлали, токмо лунные мѣсяцы, считали гражданскій день отъ захождения солнца, и отъ того времени, въ которое мѣсяцъ показывался на горизонтѣ. Не бесполезно будетъ сказать здѣсь нѣ-

гривою освѣщаетъ воздухъ и землю (с). Ганглеръ тогда спросилъ, какимъ образомъ день управляетъ теченіемъ солнца и мѣсяца. Гаръ отвѣчалъ: Нѣкогда былъ одинъ человекъ, который имѣлъ двухъ дѣтей сколь красивыхъ, столь и пригожихъ, что онъ далъ своему сыну имя (Манъ) мѣсяца; а дочери

что о всеобщности сего употребленія: Галлы наблюдали оное уже во времена Кесаря, который то положительно утверждаетъ, и Германцы тоже самое дѣлали по свидѣтельству Тацита Салическій законъ и постановленія Карла великаго соблюли тѣ же выраженія (см. Antiq. Keysh. p. 197). Приговоры не за весьма долгое время учиненные во Франціи, повелѣвали предстать въ четырнадцатъ ночей, и какъ день считали ведущимъ съ собою ночь; то послѣ того говорили въ 15 дней, что всегда употребляли Кельты и Римляне. Англичане говорятъ еще и нынѣ Seueight вмѣсто Seven-night (семь ночей), ш. е. недѣля, и foruight вмѣсто двухъ недѣль или 14 дней. Въ древнихъ сѣверныхъ исторіяхъ часто говорено было о дѣтяхъ двухъ или трехъ ночей, или двухъ зимъ и двухъ ночей.

(с) (Освѣщаетъ воздухъ и землю). Такая то была физика первыхъ вѣковъ. Въ необходимости, чтобы изъяснить вещи, коихъ причина была темная, люди всѣхъ странъ послѣдовали той же самой дорогѣ; они представляли неизвѣстное во образъ того, что они знали. Въ семъ то неопытно состоявшее первое начало басенъ; мы видимъ при первомъ взглядѣ, что люди не раздающъ дождей и хорошихъ погодъ, не бросающъ молніи и проч. И такъ надлежало вообразить сильнѣйшія существа для произведенія сихъ чудесъ; и какимъ образомъ ихъ представили различными опъ людей или животныхъ? Сии разрѣшенія удовлетворяли вдругъ какъ любопытству, такъ и воображенію, сверхъ того они лег-

чери (Суинна) солнца (d). Но боги будучи раз-
дражены тѣмъ, что онѣ по гордости взявъ
споль великія имена, похитили ихъ на небо,
и дочь заставили возить колесницу солнца,
которую боги соорили изъ огней, исхо-
дившихъ изъ огненнаго міра для освѣщенія
земли. Сверхъ того боги помѣстили подъ
каждымъ конемъ по два мѣха наполненные
воздухомъ, дабы ихъ охолождать; отъ
чего

ки были къ уразумѣнію, и съ разныхъ сторонъ
прогали сердце; по чему имъ надлежало сдѣлать
ихъ счастье, и при томъ еще долговременное. Сѣ
то самое произошло у всѣхъ народовъ въ свѣтѣ.
Тѣ, которые усмотрѣли несправедливость сихъ изъ-
ясненій, не иначе отъ нихъ опрелись, какъ съ собо-
лѣзнованіемъ, и могущъ еще и нынѣ ими забавляясь,
не вѣря онѣмъ. Въ семъ Иконословіи найдущъ боль-
ше, нежели одно доказательство тому, что сѣверные
народы не меньше уступали, какъ и другіе сей
естественной склонности, и надлежитъ призна-
ть сѣ г. фонтенелломъ, что хотя живое и горящее
солнце можетъ дать разумамъ способность приво-
дящую въ совершенство то расположеніе, какое
они имѣютъ къ наипаче себя баснями; однако
же всѣ люди имѣютъ къ сему способности неза-
висящія отъ солнца.

- (d) (Дочери солнца). Слово солнца есть еще и теперь
женскаго рода въ Нѣмецкомъ языкѣ, а мѣсяца му-
жескаго. Сѣ же самое прежде того было во всѣхъ
почти отрасляхъ Готскаго языка. Сѣ мѣсто за-
ключаетъ въ себѣ изъясненіи по старинному спо-
соби всѣхъ небесныхъ явленій. Стихотворцы хс-
стѣли учинить доказательство различнымъ пере-
мѣнамъ мѣсяца, упренному холодку, печенію соли-
ца и проч. Я оставляю для изъясненія какому
толковашелю болѣе меня упражнявшемуся въ аспро-
номіи, имѣютъ ли паче мѣсяца какое сходство
съ тѣмъ изображеніемъ, какое Едда намъ объ нихъ
представляетъ.

чего и происходишь, по силѣ древнѣйшихъ повѣствованій, упренный холодокъ. *Манъ* управляетъ теченіемъ мѣсяца, и его различными стоями. Однажды похитилъ онъ двухъ дѣшей, возвращавшихся отъ источника съ кувшиномъ, висѣвшимъ на палкѣ. Сіи двое дѣшей всегда провожаютъ мѣсяцъ, на которомъ ихъ легко съ земли видѣть можно. Но прервалъ *Ганглеръ*, солнце бѣжитъ чрезвычайно скоро, какъ бы оно кого боялось. Я етому вѣрю, отвѣчалъ *Гаръ*, ибо оно имѣетъ подлѣ себя, двухъ волковъ, которые его сожрать желаютъ. Одинъ преслѣдуетъ солнце, которое его боится, по тому что оно нѣкогда имъ поглощено будетъ. Другій пристаеъ къ мѣсяцу, который отъ него равную же судьбу имѣть будетъ. *Ганглеръ* сказалъ, откуда взялись сіи волки? *Гаръ* отвѣчалъ: къ востоку отъ *Лидгарда* была великанша, которая жила въ лѣсѣ, въ коемъ росли желѣзные деревья. Отъ нея по названу онъ великанши, живущія въ семъ мѣстѣ. Сія старая волшебница есть мать многихъ великановъ, которые имѣютъ видъ дикихъ звѣрей. Отъ нея такъ же родились сіи два волка. Говорятъ, что находится одинъ въ семъ поколѣніи наиспашнѣйшій изъ всѣхъ; сіе чудовище ушучивается мясомъ людей, приближающихся къ ихъ кончинѣ: иногда оно пожираетъ мѣсяцъ (е), и пускаетъ кровь

(е) (Иногда оно пожираетъ мѣсяцъ). Такая по причинѣ зашнѣнїямъ, и на семъ по весьма древнемъ вообра-

кровь на небѣ и въ воздухахъ. Тогда солнце такъ помрачается, какъ то оное описывающіе сіи стихи Волусы : „Подлѣ воспока живеть старая волшебница лѣса съ желѣзными деревьями. Тамъ то она производитъ разныхъ чудовищъ ; одно изъ нихъ садѣлается сильнѣйшимъ изо всѣхъ. Оно то питается жизнію тѣхъ , кои находятся подлѣ ихъ кончины. Нѣкогда оно покрывшись добычами другихъ великановъ , обогришь кровію войско боговъ : въ слѣдующее лѣто свѣтъ солнца помрачится. Падубные вѣтвы будутъ дуть со всѣхъ сторонъ. Разумительна ли сія рѣчь? „

СЕДЬМАЯ БАСНЯ.

О дорогѣ ведущей на небо.

Ганглеръ спросилъ : по какой дорогѣ ходятъ отъ земли на небо? Гаръ отвѣчалъ усмѣ-

женія основано общее обыкновеніе , чтобы дѣлать шумъ для устрашенія чудовища , которое хочетъ пожрать великіе свѣтильники. Когда они столько разовъ угрожаемы были тѣмъ , чтобы быть поглоченнымъ ; то можно ли надѣяться , чтобы они всегда избѣжали? Кельты не теряя никогда изъ ихъ вида будущаго разрушенія сея селенныя , тѣмъ себя не льстили. На концѣ чудовище должно быть счастливымъ въ послѣдній день , какъ то въ слѣдствіи увидятъ. Я ничего не говорю о томъ мѣстѣ , что сіе самое чудовище сосало вещество людей , кои нечувствительны погибали. Сему найдутъ еще слѣды въ предразсужденіяхъ проспаго народа , если только сіе заслуживаетъ какого труда. Лучше будетъ то , чтобы здѣсь замѣтить , koliko мы обязаны спокойствіемъ успѣхамъ наукъ , а особливо ученію естества.

усмѣхаяся: твоей вопросъ безразсуденъ; не сказано ли тебѣ того, что боги сдѣлали мостъ, который простирается отъ земли къ небу? Ты вѣрно его видѣлъ; но можетъ быть ты его называлъ *радугю*. Онъ есть тройныя краски, чрезвычайно твердъ, и построенъ съ большимъ искусствомъ, нежели какое либо твореніе въ свѣтѣ; но хотя онъ и весьма крѣпокъ; однако же онъ будетъ разломанъ, когда духи огненного свѣта переправившись чрезъ великія адскія рѣки, по сему мосту на коняхъ побѣдуть. Ганглеръ тогда сказалъ: мнѣ кажется, что есть какой обманъ въ томъ образѣ, которымъ построенъ сей мостъ, по тому что онъ подверженъ быть изломанымъ, и что боги могутъ все то сдѣлать, что шокмо ни пожелають. Боговъ, отвѣчалъ Гаръ, не должно въ семъ обвинять; мостъ весьма хорошъ; но нѣтъ ничего въ семъ свѣтѣ, чтобы въ состояніи было устоять, когда сіи огненные духи выйдутъ, дабы вести войну (а)? Но, сказалъ Ганглеръ, что сдѣлалъ отецъ селенныя сооротивъ Асгардъ? Гаръ отвѣчалъ: онъ въ

Примѣчанія НА СЕДЬМУЮ БАСНЮ.

- (а) (Когда духи и проч.) То весьма особливо, что столь часто повторяющіяся сіи угрозы. Всѣ Кельты равнобрно думали, что естество беспрестанно находилось въ опасности, и что явные и тайные неприятели дѣлая ему долгое время подлоги и колебавъ на конецъ доведутъ великій день совершеннаго его испроверженія. Сіе печальное мифіе, по моему мифію, взято было съ начала отъ

въ началѣ поставилъ правителей, (б) и имъ приказалъ рѣшить споры, которые произойдутъ между людьми, и распоряжать тѣмъ, что принадлежитъ до правленія небеснаго города. Собраніе сихъ судей происходишь въ долинѣ, называемой *Ида*, находящейся по срединѣ божественныя столицы. Первое ихъ попеченіе было о соорженіи столовой, въ которой находятся ихъ двенадцать престоло-

Часть II.

В

сто-

какого ни будь изъ тѣхъ безпорядковъ, которыми часто нашъ міръ подверженъ, и при которыхъ, такъ сказать, вѣстѣ сражающіяся силы, которыми имъ управляютъ: хотя бы ему надлежало распространить ея и впечатлѣнья съ большею способностію въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ погоды, подверженны нечаяннымъ и чрезвычайнымъ переменамъ, часто представляющъ естество подѣшными или раздраженными видомъ; однако же то извѣстно, что почти не было ни единого народа, который бы не ожидалъ конца свѣта, который бы его не представлялъ по своему образу, или какъ наводненіе, или какъ пожаръ, либо на концѣ подѣшномъ какого иносказанія, какъ на примѣрѣ, сраженіемъ добрыхъ и злыхъ духовъ. Егда употребляетъ вдругъ всѣ сіи способы, столько то сіе ученіе наполняло мысль сѣверныхъ богословскихъ стихотворцовъ.

- (б) (*Онъ поставилъ правителей*). Законодатели Скиѹевъ заставляли почитать самаго Бога какъ сочинителя законовъ, которые они давали ихъ согражданамъ. Не надлежишь думать того, чтобы сіе претребованіе не было когда либо полипическимъ обманомъ. Когда люди достигли до того, что они представляли боговъ какъ покровителей правосудія и вѣрности; то и законы удостовѣрившіе права сихъ добродѣтелей будучи почитаемы выраженіемъ ихъ произволенія, могли легко названы быти ихъ твореніемъ. Почтеніе и

споловъ, (с) сверхъ того престола, который занимаетъ отецъ селенныя. Сія споловая есть величайшая и великолѣпнѣйшая въ свѣтѣ, и въ ней кромѣ золота ни въ нутри, ни съ наружи ничего не видно: ея называютъ *Гладгенль* (жилище радости). Они такъ же построили и другую ради богинь: она есть жилище весьма пріятное и весьма изрядное, которое называютъ *Еингольфъ* (жилище

благодарность, вперяемая столь великимъ благодареніемъ, одобряли сей способъ въ выраженіи, который въ сльдшій худо былъ толкованъ. Извѣстно, что у всѣхъ почти народовъ не былъ съ начала ошаченъ долгъ чинить правосудіе отъ священства. Кельты соблюли сіе обыкновеніе гораздо долѣе, нежели другіе. Всѣ древніе намѣ говорашъ, что всѣ ихъ жрецы были судіи споровъ частныхъ и выгодъ дѣлаго народа, что они присуждали спорное имѣніе, поражали проклятіемъ бунтовщиковъ, и преступниковъ наказывали смертію. Какъ не препетать предъ правителями, которые, говоря съ Еддою, чинили правосудіе именемъ высочайшаго бога? Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству *Кесаря* и *Тацита*, у Германцовъ единые жрецы имѣли право налагать наказанія государя или народа; но именемъ бога оружія, именемъ того бога, который ихъ поставилъ правителями? (см. *Tacit. germ. c. 7 Caesar L. 6*). Отъ того происходишъ то, что сіи народы принявъ христіанство совсѣмъ склонны были къ приписанію Христіанскимъ священникамъ и епископамъ сея чрезвѣщественныя и неопредѣленныя власти, принимашъ при ихъ разрѣшеніяхъ сію вѣру безъ предѣловъ, и оказывашъ ихъ особамъ сіе глупое почтеніе, которыя долгое время были поношеніемъ и ругательствомъ человѣческаго рода.

(с) (Въ которой находятся ихъ двенадцать престоловъ). С.и судіи числомъ были двенадцать. Происходила

лице любви или дружества). На конецъ они соорили домъ, въ коемъ поставили печи, молоты, наковальню, и всѣ другія кузнечныя орудія; послѣ чего они работали надъ металломъ, камнемъ, деревомъ, и составили столь великое количество того металла, который называютъ *золотомъ*, что они изъ него сдѣлали всѣ ихъ вещи, и что и самый уборъ ихъ лошадей состоялъ изъ чистаго золота, отъ чего происходитъ то, что сей вѣкъ называютъ *золотымъ вѣкомъ*.

В 2

(d)

ли сѣ отъ того, что у Кельтовъ находилось двенадцать главнѣйшихъ боговъ, какъ у Грековъ и у Римлянъ? Я сего не рѣшу; но нахожу здѣсь первые слѣды обыкновенія распространившагося при многихъ вещахъ. Одинъ завоеватель сѣвера поставилъ во Швеціи главнѣйшее судилище, состоявшее изъ двенадцати членовъ, которые отправляли долгъ священнослуженія и правленія. Въ томъ не лзя сомнѣваться, чтобы сѣ не было началомъ тому, что въ слѣдствіи назвали сенаторомъ, и чтобы то же самое не было въ Даніи, Норвегіи и въ другихъ земляхъ. Сенаторы прежде того судили знатныхъ тяжбы въ послѣднемъ судѣ; они были, такъ сказать, помощники государя, и ихъ было числомъ двенадцать, какъ по Саксонъ намъ предлагаетъ въ житіи короля Регнера Лодброла. Мы довольныя въ разсужденіи сего достопамятности имѣемъ. Находятъ еще и теперь въ Зеландіи, во Швеціи подлѣ Упсалы, и если я не обманываюсь, то такъ же и въ провинціи Корновалъ, великіе камни числомъ двенадцать, поставленные во кругъ, и одинъ вышій посрединѣ. Такое то было въ сѣи грубыя времена присудственное мѣсто; камни поставленные во кругъ служили сѣдалищемъ сенаторамъ; а средній престоломъ короля. Подобныя же достопамятности находятся и въ Персіи подлѣ Тавриды: часто тамъ встрѣчаютъ великіе круги

(д): онъ то продолжался даже до прибытія женъ вышедшихъ изъ страны великановъ, которыя его испортили. Тогда боги сѣвши на ихъ престолы чинили правосудіе, и разсуждали о томъ, что принадлежало до карликовъ. Сей родъ пварей произошелъ въ песокъ земномъ, какъ черви рождаются въ прутахъ. Въ самомъ дѣлѣ они зародились въ тѣлѣ великана *Имера*, и въ немъ получили они движеніе и жизнь. Въ первыхъ ихъ началахъ были они токъмо черви; но по повелѣнію боговъ получили участіе въ разумъ и въ образъ человека, обитая однако всегда въ землѣ

изъ обдѣланныхъ камней; и преданіе тамошнихъ жителей объявляетъ, что въ сихъ то мѣстахъ *Каси* (великаны) держали совѣщанія, см. *Chardin Voyage de Perse* Т. 3. р. 13. Можетъ быть нѣкоторые слѣды сего древняго обыкновенія находятся при двенадцати Перахъ Франціи, и въ постановленіи двенадцати судей въ Англіи: но это токъмо догадка, которую я оставляю моимъ читателямъ.

(д) (Сей вѣкъ называютъ золотымъ вѣкомъ). Сей золотый вѣкъ Едды не стоитъ того, который описываютъ Греческіе стихотворцы; но можетъ быть онъ напрошивъ того имѣетъ выгоду какія дѣйствительности. Въ томъ не лзя сомнѣваться, чтобы сіе Иконословіе, равно какъ и всѣ Иконословія въ свѣтѣ, не смѣшивало безпрестанно естественныхъ боговъ съ обоготворенными особами, которымъ даны ихъ имена. Люди прославившіеся великими открытіями, или ихъ привязанностію ко служенію богамъ, получили ихъ имена послѣ смерти, и въ слѣдующія времена не спали скорѣе стараться о томъ, чтобы ихъ различить. У нашихъ Скиновъ первые, которые нашли руду золотую, или какого другаго металла, которые умѣли ея обрабатывать, и дѣлали изъ того уборъ, безъ сомнѣнія почишаемы были боже-

лѣ и между камнями. (е) Здѣсь слѣдуетъ странная роспись наиславнѣйшихъ жарликовъ, содержащихъ явѣстихъ Волуслы. Одни, сказано въ семъ стихотвореніи, живутъ въ камняхъ, а другіе въ пескѣ и проч.

В 3

ОСЬ-

спвенными особами. Руда открывая случайно легко могла наградишь то великолѣпіе, о которомъ Едда сохраняетъ здѣсь слабое воспоминовеніе.

- (е) (Обитаютъ между камнями). Сіе мѣсто заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Въ немъ узнается одно изъ дѣйствій сего варварскаго предразсужденія, которое заставляло почитать чрезъ столько лѣтъ искусства и художества упражненіемъ подлыхъ и рабовъ. Опыты наши Кельты, какъ Германцы, такъ и Скандинавы или Галлы, полагая въ прудолюбіи нѣчто волшебное и сверхчеловѣческое, едва себя удостоивали въ томъ, чтобы искусный художникъ могъ быть того же рода, какъ и они, и происходить отъ общаго начала. Надлежитъ признаться, что сіе мнѣніе было довольно глупо; но сіе можетъ быть могло споспѣшествовать къ принятію онаго въ мысли. Можетъ быть находится какій народъ въ сосѣдствѣ какого изъ Кельтскихъ, не столь воинственный, уступавшій силою и станомъ, но проворнѣйшій, и прилѣжавшій къ ручнымъ работамъ, которыми онъ и производилъ съ ними родъ торговли довольно распространенный, дабы служъ не разбѣлся о томъ въ разныхъ мѣстахъ. Все сіе довольно бы сходствовало съ Лапландцами, сколь великими искусниками волшебства, столь малорослыми тѣломъ, миролюбивыми даже до трусости, и любившими прудолюбіе, которое прежде знашимъ могло казаться. Какъ извѣстія объ нихъ переходили чрезъ уста столь многихъ невѣждъ; то они вскорѣ получили всѣ степеніи чудеснаго, къ коимъ они способны были. И такъ карлики вскорѣ дѣлали (какъ то знаютъ всѣ тѣ, которые нѣсколько читали дре-

ОСЬМАЯ БАСНЯ.

О священномъ городѣ или о столицѣ боговъ.

Ганглерь спросилъ: какая есть столица боговъ, или священный городъ? Гаръ отвѣчалъ: подъ дубомъ Идрасиломъ боги каждый день соби-

нѣя любовныя приключенія) отчужденныя вооруженія, надѣ копорыми ни мечи, ни заклинаніе не имѣли никакого дѣйствія: они имѣли пещеры наполненныя сокровищами къ ихъ употребленію; сѣ то, говоря мимоходомъ, служило поводомъ одного изъ правилъ тайнаго ученія, которое можетъ быть токмо вѣшвъ Кельскаго богословія. Какъ карлики были слабы и мало мужественны; то ихъ постигали лукавыми, ухищренными и вѣроломными; такое то начертаніе объ нихъ всегда находишь въ любовныхъ приключеніяхъ. Всѣ сѣ воображенія будучи подкрѣплены временемъ и согласіемъ не могли больше быть оспориваемыми, и стихотворцы должны были найти начало симъ несчастнымъ тварямъ. Сѣ сдѣлалось не выходя изъ шрупа большого великана. Карлики съ начала были токмо возродившіеся въ ономъ черви; по томъ боги дали имъ разумъ и проворство. Чрезъ сѣю выдумку оправдывали презрѣніе, какое къ нимъ имѣли, изъясняли ихъ малость, ихъ прудолобіе, и вкусъ который въ нихъ полагали, чтобы жить въ пещерахъ и въ разсѣлинахъ горъ. Въ прочемъ мнѣніе, что находятся въ землѣ карлики или малые люди, богаше, прудолобивые и злые, не со всѣмъ еще истребилось. Чернь въ томъ и нынѣ увѣрена во многихъ сѣверныхъ земляхъ. Въ Исландіи простишки показывающъ горы и холмы, въ коихъ, по ихъ словамъ, находится кучи малыхъ подземныхъ людей малѣйшаго и пріятнѣйшаго вида.

бираются и чиняшъ правосудіе (а). Но, сказалъ Ганглеръ, что надлежитъ примѣчать о семъ мѣстѣ? Сей дубъ, сказалъ Яфнгаръ, есть наивеличайшій и лучшій изъ всѣхъ деревьевъ: его вѣтви распространяются надо всѣмъ свѣтомъ, и поднимаются выше небесъ: онъ имѣетъ три корня, чрезвычайно одинъ отъ другаго удаленные; одинъ находится у боговъ, другій у великановъ тамъ гдѣ прежде была бездна, третій покрываетъ алъ, и подъ симъ по корнемъ есть источникъ рѣкъ, путь текущихъ: одинъ змій грызетъ сей корень въ низу: подъ корнемъ простирающимся къ великанамъ находится

В 4

дится

Примѣчанія на осьмую басню.

- (а) (Чиняшъ правосудіе). Въ прежней басни видѣли то, что боги собирались въ долину на свободномъ воздухѣ. Здѣсь главное ихъ присутствіе есть подъ дубомъ: въ семъ и боги всегда слѣдовали обыкновеніямъ людей. Кельты долгое время не имѣли другаго мѣста къ собранію, какъ какое дерево, достопамятное его величиною и древностію. Чины *Остѣ-фрискіе* собирались еще въ тринадцатомъ столѣтіи подъ тремя великими дубами подлѣ *Аериха*, и большая часть Нѣмецкихъ князей держали ихъ переговоры подъ деревьями, чему не болѣе прехъ сошъ лѣтъ будетъ. Отвращеніе, какое сѣи люди имѣли къ запертымъ мѣстамъ, страхъ, чтобы находиться въ рукахъ какого вѣроломнаго, сильнѣйшаго нѣ его замкѣ, нежели законы и судіи, и на комедъ сѣе почтеніе столь древнее, которое еще не вездѣ вывелось, какое вѣра вперяла къ деревьямъ, вѣрошно суть причины страннаго обыкновенія, о которомъ здѣсь говоритъ *Едда*.

дился главный ключъ, въ коемъ сокрываются мудрость и благоразуміе: томъ, кто имъ владѣетъ, называется *Мимисъ*; онъ преисполненъ мудростію, по тому что онъ изъ него пьетъ каждое утро. Однажды Ошеръ Селенный будетъ просить, чтобы ему дали стаканъ сея воды для напоенія, но онъ долженъ за то оставитъ въ поручительство одинъ изъ его глазъ, какъ то сказано въ *Волусъ*: „Одинъ, гдѣ ты сокрылъ твой „глазъ? Я знаю, конечно въ прозрачномъ „ключѣ *Мимиса*. Каждое утро *Мимисъ* „льетъ медъ на залогъ полученный отъ „Ошца Селенного. Разумѣете ли вы сіе, „или нѣтъ?“, (b). Третій корень дуба находится въ небѣ, и подъ симъ то корнемъ бьетъ священный ключъ прошедшаго времени. Въ семъ то мѣстѣ боги произрекающъ ихъ приговоры. Каждый день они тамъ собираются на коняхъ проѣзжая на радугѣ, которая есть мостъ боговъ. Имена коней боговъ суть: *Слейпнеръ*, который есть наилучшій изъ всѣхъ, онъ имѣетъ осмь футовъ и принадлежитъ *Одину*. Другіе суть *Гладерю* и проч. конь бога *Валдера* съ нимъ былъ созженъ; что касается до *Тора*, то онъ ходитъ пѣшъ въ

су-

(b) (Разумѣете ли вы сіе, или нѣтъ)? На сіе не иначе можно отвѣчать, какъ чрезъ отрицаніе. Все сіе описаніе вѣрно въ себѣ иносказаніе заключающъ, еднѣмъ видны нѣкошорые лучи; но оные слишкомъ прерывчивы, что лучше въ томъ признайся, что вообще все невразумительно. Одинъ переводчикъ *Едды* почитаетъ сего *Мимиса* за *Миноса*. Я не имѣю больше причинъ тому противурѣчить, сколько онъ вѣритъ.

судилище боговъ, и каждый день въ плавы переправляется чрезъ рѣки, дабы судить подъ дубомъ; ибо мостъ боговъ весь обьятъ пламенемъ. Какъ, прервалъ Ганглеръ, мостъ небесный въ пламени? Гаръ ему сказалъ: то, что ты видишь красное въ радугѣ, есть огонь горющій въ небѣ. Ибо великаны горѣ вошли бы на небо по сему мосту, если бы можно было всѣмъ ходить по оному.

Въ небѣ находятся многіе весьма пріятные города, въ коихъ стоитъ божественное охранительное войско. Подлѣ источника протекающаго подъ дубомъ находится городъ чрезвычайно красивый, гдѣ живутъ три дѣвицы, называемыя (*Урда*) прошедшее, (*Веранда*) настоящее, и (*Скульда*) будущее. Они по располагаютъ возрастами людей, ихъ называютъ *Норнами* (волшебницами или парками): но изъ нихъ находятся еще многія, которыя присутствуютъ при рожденіи каждаго отрока, дабы разрѣшить его судьбу. Иныя изъ нихъ суть божественнаго происхожденія; а другія родились отъ духовъ, или и отъ карловъ, какъ то сказано въ сихъ стихахъ: волшебницы суть разнаго рода; нѣкоторыя происходятъ отъ боговъ, другія отъ духовъ, а нѣкоторыя отъ карловъ. Ганглеръ тогда сказалъ: если волшебницы распредѣляютъ судьбами людей; то они при томъ не наблюдаютъ никакого равенства; иныя суть счастливы и богаты; а другіе живутъ безъ имѣнія и безъ славы; одни достигаютъ до великихъ лѣтъ, а нѣкоторые заблаговременно умираютъ. Гаръ отвѣчалъ: волшебницы отъ хорошаго происхожденія суть хороши, и дають

даютъ хорошія судьбы; но люди, которымъ случается несчастіе, должны оное приписывать злымъ волшебницамъ (с). Ганглеръ продолжаетъ и хочетъ знать что либо болѣе касающееся до дуба. Гаръ ему сказалъ: сіе то мнѣ еще останется тебѣ сказать. На вѣтвяхъ дуба сидитъ орелъ, который многія вещи знаетъ, ласочка беспрестанно перескакиваетъ то вѣрхъ, то вѣ низъ дуба, разнося худыя вѣсти между орломъ и змѣемъ, сокрывающимся подъ корнемъ. Четыре оленя бѣгаютъ чрезъ вѣтви дерева и пожираютъ кору онаго. Вѣ ключѣ, изъ котораго выходятъ

- (с) (Приписывать злымъ волшебницамъ). Здѣсь заключается совершенное умозрѣніе волшебства. Вѣ семѣ мѣстѣ Едды находишься ростокъ того, что древнія любовныя приключенія и народныя суевѣрія открыли и примѣнили къ столь многимъ вещамъ. Всѣ Кельтскія имѣли наибольшее почтеніе къ волшебницамъ, и они оное заслуживали, по тому что судьба каждого челоука находилась вѣ ихъ рукахъ. Любовныя приключенія намъ довольно показали, что изъ нихъ были добрыя и злыя; но они не полагали какого другаго различія между ими. Три главнѣйшія, по свидѣтельству Едды суть настоящее, прошедшее и будущее, котораго обстоятельства не доставало баснѣ Греческихъ Парковъ, и которое не худо выдуманно. Римляне, которые увеличивали небо по мѣрѣ распространяемаго ими владычествованія, присвоивъ сѣи Кельтскія божества, посвящали имъ различныя достопамятности, изъ которыхъ нѣкоторыя опять найдены. Сѣи достопамятности весьма хорошо согласуютъ съ Еддою. Они почти всегда представляютъ прехъ женъ. Чинимыя ими произреченія сдѣлали ихъ весьма знаменитыми. Къ нимъ особливо прибѣгали при рожденіи дѣтей. Вѣ разныхъ

дять адскія рѣки толико находится змѣвъ,
 что ни единый языкъ ихъ сосчиташь не
 можетъ, какъ то сказано въ сихъ стихахъ:
 „Великій дубъ сноситъ больше вещей, не-
 „жели какъ человекъ можетъ думать. Олень
 „поршилъ его въ верху, онъ гнѣшъ на спо-
 „ронахъ; а змѣй грызешъ его въ низу. И
 въ сихъ: „многіе находятся змѣи подъ боль-
 „шимъ дубомъ и проч.,. Сверхъ того го-
 ворятъ, что волшебницы, находящіяся подъ
 дѣбъ ключа *прошедшаго*, черпаютъ изъ него
 воду, кою орошаютъ дубъ опасаясь
 того, чтобы его вътьви не сгнили. или бы
 не засохли. Сія вода есть столь свята, что
 все то, къ чему она ни прикасается, дѣлает-
 ся столь бѣлымъ, какъ кожа обѣмлющая
 внутренность яйца. Въ разсужденіи сего
 находятся весьма древніе стихи, коихъ
 смыслъ въ семъ заключается: „Великій и свя-
 „щенный дубъ орошается бѣлою водою,
 „отъ которой происходитъ роса падающая
 „въ долинахъ, и которая течетъ изъ клю-
 „ча

мѣстахъ находились пещеры, въ коихъ думали
 наслаждаться ихъ присутствіемъ, и слышать ихъ
 говорящихъ. Многія еще мѣста во Франціи но-
 сятъ названіе Tour. aux Fées, ruits aux Fées и
 проч. Саксонъ грамматикъ говоритъ объ одной
 часовнѣ, въ которую король *фридлейфъ* ходилъ
 совѣщаться съ ними о судьбѣ его сына *Олая*, и
 онъ прибавляетъ, что онъ тамъ видѣлъ при си-
 дящія дѣвицы. Бахо S. L. 6. Сіе общее суевѣріе въ
 Европѣ продолжалось почти столь же долго, какъ
 и то, которое заставляло вѣрить колдовствамъ.
 Видно изъ суда *Орлеанской непорочной дѣвицы*, что
 она обвиняема была въ томъ, яко бы она часто

„ча прошедшаго.,, Люди называютъ сѣю росу росой меда, которая служитъ пищею пчеламъ. Сверхъ сего находятся еще два лебедя въ семь ключъ, которые произвели всѣхъ птицъ сего рода.

Д.Е.

ходила совѣщаваться съ волшебницами къ одному дубу, стоявшему въ отдаленномъ мѣстѣ. Сѣи волшебницы были, по моему мнѣнію, въ ихъ началѣ обоготворенныя пророчицы. Жены Кельповъ имѣли особенныя качества, чтобы уважать всѣ суевѣрія, и брать изъ всего предвѣщанія. Тѣ, кои себя отличали въ семь искусствъ, поставлены будущъ въ число богинь. Какъ они предвѣщали судьбу людей, то легко можно было думать, что они ея производили; и такимъ же образомъ безъ сомнѣнія мало по малу оставили все естество на ихъ расположеніе. Сѣя погрѣшность есть весьма древняя. При *Веспасіанѣ* находилась у Германцовъ, до свѣдѣтельству *Тацита*, дѣвица именемъ *Велледа*, полупророчица, которая изъ высокаго башни, въ коей она жила заключенною, отправляла въ дали власть равную или еще и превосходящую ту, какую цари имѣютъ; *Late impregnavat* сказалъ *Тацитъ*. Наизнаменитѣйшіе войны не предпринимали ничего безъ ея совѣта, и посвящали ей часть добычи. См. *Tacit. Histor. L. 4. et 5.* вообще служеніе воздаваемое женщинамъ всегда имѣло въ Европѣ великія выгоды предъ нѣмъ, въ коемъ токмо мужчинѣ брали предвѣщаніе. Благочестивое почтеніе, какое въ ней имѣли къ волшебницамъ, продолжалось гораздо долѣе, нежели всѣ правила Кельтскія вѣры. Волшебницы пережили духовъ и боговъ Кельтскихъ и Римскихъ, и на конецъ будучи отовсюда изгнаны нашли родъ убѣжища въ любящихъ приключеніяхъ.

ДЕВЯТАЯ БАСНЯ

О городахъ, находящихся въ небѣ.

Ганглеръ сказалъ Гару: вы мнѣ рассказываете вещи весьма удивительныя; но какіе суть другіе священные города, которые видны въ небѣ? Гаръ ему сказалъ: въ немѣ видны еще другіе города весьма красивые. Въ одномъ называемомъ *Альфгеймъ* (а) обитаютъ

Примѣчанія

НА ДЕВЯТУЮ БАСНЮ.

- (а) (*Альфгеймъ*) значить на Готтескомъ языкѣ пребываніе духовъ; они суть волшебники; видно, что и изъ нихъ были добрые и злые; ибо не вѣроятно то, чтобы приписали какое хорошее качество шварямъ, которые были чернѣ смолы. Я вездѣ примѣчаю то, что всѣ Кельтскіе народы сихъ духовъ имѣли. Рыцарскія походы наполнены чертами относительными къ сему воображенію. Сіе же самое встрѣчается и у Персовъ. Чернь во многихъ мѣстахъ Нѣмецкія земли равномерно въ томъ себя удостовѣряетъ, что сіи духи ночью ложатся на шѣхъ, кои снятъ на спинѣ, и имъ причиняютъ то прерваніе одышки, которое называютъ Французы *Lochemar*. Сіе такъ же употребляли для изъясненія нѣкоторыхъ сладострастныхъ чувствованій во снѣ обыкновенныхъ, и ошъ того то происходятъ басни о ночныхъ приходахъ и соитіяхъ съ духами, равно какъ и весьма общее мнѣніе, что находились духи и сѣмфы двухъ родовъ, кои не гнушались сообщаться съ людьми. Единою выдумкою столь плодотворною, какъ сія, можно было избѣжать всея нашей физики, и не оставивъ безъ изъясненія ни единого явленія. Къ сему надлежало токмо имѣть добрыхъ и злыхъ духовъ, какъ то здѣсь видятъ. Что касается до злыхъ, то опасались ихъ особливо въ полуден-

таютъ блестящіе духи; но черные духи обипаютъ подъ землею, и весьма различаются отъ другихъ чрезъ ихъ видъ, а особливо чрезъ ихъ дѣянiя. Блестящіе духи болѣе еще сіяютъ, нежели солнце; но черные еще чернѣе смолы. Въ сихъ мѣстахъ находится такъ же городъ не уступающій никакому красотою, и еще другій, коего столпы, столпы и внутренность состоятъ изъ золота, а кровля изъ серебра. Тутъ такъ же виденъ городъ называемый *Гора Небесная*, лежащій на границѣ въ томъ мѣстѣ, въ коемъ мостъ боговъ прикасается къ небу. Великій городъ принадлежащій *Одину* построенъ весь изъ чистаго серебра; въ немъ то находится королевскій престолъ называемый *ужасомъ народовъ*. Когда Опецъ селенный на немъ сидитъ; то онъ можетъ обозрѣть всю

всю

ный часъ; и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почитаютъ еще долгомъ то, чтобы находиться въ сей часъ въ бесѣдѣ при женщинахъ, лежащихъ въ родахъ, опасаясь того, чтобы полуденный духъ на нихъ не напалъ, если онъ ихъ однихъ найдетъ. Сіе суетверіе не меньше было извѣстно во Франціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и оно пришло шуда изъ востока. Свяшій *Василій* совѣтуетъ молиться Богу нѣкоторое время предъ полуднемъ для отвращенія сея опасности, и одно мѣсто псалмовъ *Давида*, кажется быть къ тому относительнымъ. Кельты приносили жертвы въ томъ же самомъ намѣреніи. Нѣкто сказалъ въ шуткахъ, что истинный полуденный духъ есть голодъ, когда его утолить нѣчемъ. Видя столь многіе химерическіе страхи, и принужденныя, равно какъ и глупыя мнѣнія, кто не долженъ одобрять успѣхи наукъ.

всю землю. При концѣ неба къ полудню стоитъ наипрекраснѣйшій изо всѣхъ городовъ, который называютъ *Гимле*. Онъ болѣе сіяетъ, нежели самое солнце, и освѣщается даже по разрушеніи неба и земли: добрые и непорочные люди будутъ его населять чрезъ всѣ вѣки. Стихотвореніе *Волусы* объ немъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Я знаю, что находятся чертоги, „которые болѣе сіяютъ, нежели солнце, и „все покрыто золотомъ въ городѣ *Гимлѣ*, „добродѣтельные люди должны ихъ населять, и въ нихъ счастливыми жить чрезъ „всѣ вѣки,“ (b) Тогда *Ганглеръ* спросилъ: Что предохранитъ сей городъ, когда черное пламя истребитъ небо и землю? *Гаръ* отвѣчалъ: намъ сказано, что къ полудню находится другое небо болѣе возвышенное, нежели сіе, которое называютъ *голубымъ*, и выше сего еще третіе. Небо еще вышшее называется *пространнымъ*, въ коемъ мы бытъ думаемъ сему городу *Гимлѣ*; но нынѣ сіяющіе токмо духи въ немъ обитаютъ.

ДЕСЯТАЯ БАСНЯ.

О бoгaxъ, которыми вѣрить должно.

Ганглеръ продолжая спросилъ: какіе суть боги, которыхъ люди должны признавать?

Гаръ

- (b) (Счастливыми жить чрезъ всѣ вѣки.) Егда будетъ говорить о семъ же самомъ предметѣ еще пространнѣе въ другомъ мѣстѣ; туда то я отношу, для избѣжанія повтореній, разныя примѣчанія, которыя бы я сдѣлалъ на сіе важное мѣсто.

Гаръ ему отвѣчалъ: двенадцать боговъ на ходятся, копорымъ надлежитъ служить. Яфигаръ принявъ рѣчь сказалъ: богини суть не меньше святы. Тредій прибавилъ: Одинъ есть первый и древнѣйшій изъ боговъ, онъ управляетъ всѣми вещами; и хотя другіе боги суть сильны; однако же они служатъ ему всѣ, какъ сыны ихъ отцу (а). Супруга его Фригга предвидитъ судьбы людей; но она никогда не открываетъ будущаго, какъ

Примѣчанія.

НА ДЕСЯТУЮ БАСНЮ.

(а) (Они служатъ ему всѣ, какъ сыны ихъ отцу). Я принужденъ опять говорить объ Одинѣ Нѣмѣ ничего во всей идолопоклоннической древности только касательнаго до первенства бога, какъ сіе мѣсто. Имя Ас или Господинъ дано еще ему и всѣмъ мѣстѣ; Галлы называли его равнобрно Аес, или Латинскимъ окончаніемъ Eius; ибо разныя рукописи Лукана, копорый говоритъ о семъ богѣ, содержатъ Eius безъ ударенія. Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, что Светоній точно насъ въ томъ же самомъ удосновляетъ объ Етрускахъ. Римскіе писатели часто его называли Мартомъ Кельтскихъ народовъ; по тому что онъ, какъ то въ Еддѣ здѣсь ясно полагается, былъ томъ же, какъ и богъ войны. И такъ чтобы о томъ ни говорилъ ученый Аббатъ Баніеръ, однако сей Всъ, названный въ достопамяностяхъ соборныя Парижскія церкви, есть вдругъ высочайшій Богъ, и говоря съ Еддою отецъ сраженій, какъ то думалъ Езуитъ Пезронъ. См. la Mithologie et Fables expliq. Т. II. р. 650. Г. Пеллутіе доказалъ, по моему мнѣнію, неопровержимо, что высочайшій Богъ Кельтовъ, Есѣ Тейтъ или Одинъ, былъ богъ войны. Не

какъ то сіе явствуетъ изъ стиховъ, ко-
рые Одинъ нѣкогда говорилъ Локу: „Без-
разсудный Локъ! какъ ты хочешь знать
судьбину? Фригга единая знаетъ будущее;
но она того никому не открываетъ. „Одинъ
названъ отцемъ Селенныхъ по тому, что
онъ есть отецъ всѣхъ боговъ. Его такъ же
называютъ отцемъ сраженій для того, что
онъ усыновляетъ всѣхъ тѣхъ, кои были
убиты имъ въ рукахъ оружіе; онъ имъ
опредѣляетъ въ жилище чертоги Валгаллы
и Вингольфы, и имъ даетъ названіе ироевъ.
Онъ имѣетъ еще многія другія имена и проч.
Ганглеръ на то сказалъ: въ самомъ дѣлѣ
много сихъ именъ, и я удословленъ, что
надлежитъ быть весьма знающимъ, чтобы
ихъ всѣхъ знать опредѣленно, равно какъ и
то, при какомъ случаи каждое изъ нихъ ему
приложено было. Гаръ отвѣчалъ: вѣрно над-
лежитъ быть весьма искуснымъ, дабы вспо-
мнить всѣ сіи имена; однако же я тебѣ ска-
жу въ короткихъ словахъ, что главнѣйшая

Часть II.

Г

при-

надлежитъ возражать того, чтобы отецъ боговъ и
людей, не могъ быть названъ въ то же самое время
отцемъ сраженій безъ явнаго противурѣчія. Въ Еддѣ
о семъ говорится такимъ образомъ, что въ томъ
никакъ сомнѣваться не должно: сверхъ того
противурѣчія не всегда препятствуютъ мнѣнію
быть принятымъ, и тому находятъ расположе-
нія и изъясненія. Кельты почитали войну весьма
святымъ упражненіемъ. Она по ихъ словамъ, со-
ставляла случай къ изъясненію своего мужества,
къ исполненію намѣреній провидѣнія, которое по-
ставило насъ на землѣ, какъ на полѣ сраженія, и
ни на что не полагаться, какъ токмо на силу и
на мужество.

причина данныхъ ему именъ состоитъ въ великомъ различіи языковъ; (б) ибо каждый народъ, желая ему молиться и его обожать, принужденъ былъ перевести его имя на свой языкъ. Нѣкоторыя изъ его другихъ именъ произошли отъ приключеній, случившихся съ нимъ во время его путешествій, о которыхъ говорено въ древнихъ исторіяхъ; и ты не будешь почитаемъ искуснымъ человекомъ, если ты не въ состояніи опдѣлать отчета во всѣхъ сихъ чудесныхъ приключеніяхъ.

ОДИН.

(б) (Въ великомъ различіи языковъ). Сіе разсужденіе объ именахъ Одина, можетъ быть въ себѣ заключаетъ нѣчто подлинное. Подлинникъ объявляетъ о великомъ множествѣ сихъ именъ, о которыхъ я умалчиваю изъ почтенія къ тѣмъ ушамъ, которыя не привыкли къ Готскимъ выраженіямъ. То извѣстно, что почти всѣ имена данныя высочайшему Богу взяты были отъ приписываемыхъ ему качествъ, отъ мѣстъ, въ коихъ ему поклонялись, отъ вещей, которыя онъ сдѣлалъ и проч. Сіе различіе именъ часто обманывало ученыхъ, которые прилагали трудъ въ познаніи Кельтскія вѣры, равно какъ и тѣхъ, которые трудились надъ Греческимъ и Римскимъ иконопознаніемъ. Въ древнихъ Исландскихъ стихотвореніяхъ находятъ высочайшаго Бога означеннымъ сто двадцатью шестью различными образами. Объ нихъ всѣхъ упомянуто въ *Скальдъ* или словарѣ стихотворческомъ. И такъ въ самомъ дѣлѣ надлежитъ въ чемъ нибудь особливо упражняться, дабы въ состояніи быть опдѣлать отчетъ во всѣхъ сихъ наименованіяхъ, между которыми многія относителны къ частнымъ произшествіямъ.

ОДИННАДЦАТАЯ БАСНЯ

О богѣ Торѣ, сынѣ Одина.

На то Ганглеръ спросилъ; какъ называются другіе боги, какія сунъ ихъ должности, и чпо они знаменитаго сдѣлали? Гаръ ему сказалъ: Торъ есть наиславнѣйшій между ними; его называютъ Аса-Торъ т. е. Господи́нь Торъ, или Ахе-Торъ, проворный Торъ. Онъ есть наисильнѣйшій изъ боговъ и изъ людей (а). Онъ обладаетъ въ его королевствѣ чертогами, въ коихъ находятся пять сотъ сорокъ

Г 2 сто-

Примѣчанія

НА ОДИННАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (а) (Торъ есть наисильнѣйшій изъ боговъ и изъ людей.) Здѣсь пускай представлятъ себѣ на мысль то, что я выше сказалъ о семъ божествѣ Кельтовъ. Должность, чптобы бросать молнію, которую ему приписывали, заставляла его считаться воинственнѣйшею и страшнѣйшею изъ всѣхъ. Торъ такъ же владычествовалъ и надъ воздухами, раздавалъ времена, возбуждалъ или умиралъ бури. Торъ, сказалъ Адамъ Бременскій, есть богъ, который по мнѣнію сихъ народовъ управляетъ громомъ, вѣтрами, дождями, хорошилъ времена и жатвами. См. Hist. Eccles. Сія булавъ, которую онъ бросалъ противъ великановъ Горъ, и которою онъ разбивалъ ихъ голову, безъ сомнѣнія есть молнія, которая гораздо чаще падаетъ на возвышенныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ его почитали божествомъ благопріятнымъ людямъ, и такимъ, которое ихъ защищало отъ нападеній великановъ и злыхъ духовъ. Онъ съ ними безпрестанно сражался и ихъ гналъ. Имя его чертовогоъ значить на Готескомъ языкѣ, убъжище отъ ужа. Какъ онъ былъ первородный отъ вы-

столовыхъ ; ихъ то должно считать наибольшимъ домомъ , изъ всѣхъ зданій какъ то сѣ сказано въ стихотвореніи *Гриллиса*. „Въ изгибистыхъ чертогахъ *бога Тора* находятся пять сотъ сорокъ столовыхъ ; и я думаю , что нѣтъ большаго дома въ разсужденіи того , который принадлежитъ сему старшему изъ сыновъ. „ Колесница *Тора* бываеиъ влекома двумя козлами ,

сочайшаго Бога . или выражая сѣ *Еддою* , старшій изъ сыновъ , и первое равно какъ и главнѣйшее существо , произшедшее отъ соединенія Бога сѣ существомъ , то изъ него сдѣлали среднее божество , и посредственникомъ между Богомъ и людьми. Вѣроятно такъ же и то , что многе народы его почитали какъ существо , оживотворяющее солнце и огонь . Служеніе Персовъ имѣло въ себѣ , равно какъ и во многомъ другомъ , наибольшее сходство со служеніемъ Кельтовъ . Первые говорили , что наизнаменитѣйшее изъ существъ сотворенныхъ было то , которому служили подѣ знакомъ огня или солнца , въ которомъ онъ присуществуетъ : они его называли *Mithr - az* , (слово *As* значивъ еще и нынѣ *господина* на Персидскомъ языкѣ). Они соблюдали , равно какъ и Скандинавы безпрестанный и священный огонь , единственно по причинѣ сего мифа , Скифы , по свидѣтельству *Иродота* и *Сихія* , почитали сѣ божество , подѣ названіемъ *Goeto-Syrus* , которое значило *добрую звезду* . Сѣ слово *Syr* или *Seir* , которое Персы употребляли для означенія солнца , кажется бытъ въ ошлчномъ произношеніи то же самое , что и *Thor* , по тому что древніе сѣверные народы выговарили *th* какъ нынѣ *Атличане* , т. е. какъ *Дс* : они имѣли особенное начертаніе для сѣй буквы , которая потерялась въ другихъ вѣтвяхъ *Саксонскаго языка* . Всѣ Кельтскіе на-

ми, и на сей то колесницѣ онѣ ѣздитѣ въ страну великановѣ. Сверхѣ того онѣ обладаѣтъ тремя драгоцѣнными вещами; первая естѣ булава, которую великаны льда и горѣ весьма хорошо знають, когда они ея про- тивѣ ихѣ бросаемую въ воздухахѣ видяшѣ; и сіе неудивительно; ибо сей богѣ часто разбивалѣ сею булавою головы ихѣ опцѣвъ

Г 3

и

роды равноѣрно знали почитаніе солнца, либо различая его отѣ Тора, либо поклоняясь одному, какѣ знаку другого. Въ прежнія времена отпра- вляли вездѣ праздненство при зимнемѣ солнцестоя- ній; для извѣщенія радости, которую чувство- вали, видя оное приближающимся отѣ сея части неба. Ему приносили въ жертву коней, знакѣ, говоришѣ *Иродотѣ*, быспрошѣ сея звѣзды. Сей праздникѣ былѣ наибольшій въ году; оный на- зывали во многихѣ мѣстахѣ *Iole* или *Iuul* отѣ слова *Hial* или *Houl*, которое и нынѣ озна- чаетѣ солнце на языкахѣ *Нижне-Бритскомѣ* и *Корн- валльскомѣ*. Когда Кельтская вѣра уступила Хри- стианской, то не были оставлены веселости, пир- шества и ночныя зборища, позволяемыя въ сей праздникѣ, не взирая на то, сколь они ни непри- стойны были. Тогда опасались, чтобы желая все выигратѣ, не принуждены были всего лишиться. И такѣ надлежало ихѣ одобрить отнесши оныхѣ къ празднику Рождества Христова, который прихо- дилѣ мало позднее. Въ сѣверныхѣ языкахѣ *Iuul* значишѣ и нынѣ праздникѣ Рождества Хри- стова, и потѣ образѣ, какимѣ чернѣ празд- нуемѣ оный въ разныхѣ мѣстахѣ, приводяшѣ на память различныя обстоятельства первого его происхожденія. Я уже замѣтилѣ, что во вѣсѣхѣ сѣверныхѣ языкахѣ день посвященный *тремѣщему Ювису*, приписанѣ въ честь богу Тору, и названѣ *Thorsdag*, сирѣчь *день Тора*, который естѣ четвер- токъ.

и ихъ родственниковъ. Другая драгоценность, которую онъ имѣетъ, есть та, которую называютъ *поясомъ мужества*: если онъ имъ препоясается; то его силы половиною увеличиваются. Третья весьма дорогая состоитъ въ его желѣзныхъ перстчаткахъ, безъ коихъ онъ не можетъ обойтись желая взять рукоятку его булавъ. Никто не въ состоянн подробно разсказать всѣ его чудныя подвиги; однако же я могъ бы тебѣ о нихъ объявить столь великое множество, что прежде окончится день, нежели повѣствованіе обо всѣхъ тѣхъ, о коихъ я могу вспомнить. Ганглеръ тогда ему сказалъ: я лучше хочу знать нѣчто о другихъ сынахъ *Одина*. Гаръ ему отвѣчалъ сими словами.

ДВЕНАТЦАТАЯ БАСНЯ.

О богѣ *Балдерѣ*, и о богѣ *Ніордѣ*.

Второй сынъ *Одина* называется *Балдеръ*: онъ весьма хорошаго свойства, чрезвычайно похваляется отъ людей, толико красивый его станомъ, и взоръ его столь блистающъ, что кажется испускающимъ лучи (а):

а

Примѣчанія

НА ДВЕНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (а) Кажется испускающимъ лучи. Изъ всѣхъ народовъ, слѣдовавшихъ Кельтской вѣрѣ, не было ни единого, который бы намъ оставилъ объ ней подробности, выключая Исландцовъ. И такъ если мы не всегда въ состоянн доказать, что нѣкоторыя сказанія ученія *Едды* не были приняты

а дабы тебѣ представить красоту его волосъ; то должно знать, что бѣлѣйшую изъ всѣхъ нравъ называютъ *бровию Валдера*. Сей богъ толико блестящій и толико красивый, есть такъ же весьма краснорѣчивый

Г 4

и

другими Кельтскими народами; то должно ли изъ того заключить, что сїи правила были имъ неизвѣстны? сходство заставляетъ насъ противное думать, и оно находясь въ извѣстной намъ части отвѣчаешь за ту, которой мы не знаемъ. Но сїе сужденіе, которое я почитаю основательнымъ, не возбранитъ мнѣ рачительно искать сихъ сходствъ въ развалинахъ древности, гдѣ помя я могу найсти слѣды онымъ. Здѣсь представляется случай въ томъ упражняться. Кипо такій сей богъ *Валдеръ*? Знали ли его другіе Европейскіе народы? Мнѣ вѣроятнымъ бытъ кажется, что сей *Валдеръ* есть тотъ же самый, котораго Норикъ и Галлы почитали подъ именемъ *Валена*. Онъ былъ богъ довольно извѣстный у Кельтовъ, и многія надписи объ немъ упоминаютъ, и сверхъ того найдены достопамятности, въ коихъ онъ означенъ его качествами. Та, которая долѣе время сохранялась въ замкѣ *Полизняка*, представляла его съ лунезарною головою, и съ великимъ отверстымъ ртомъ, что сходствуетъ совершенно съ начертаніемъ уиновеннымъ объ немъ *Едаю*, какъ о богѣ сіяющемъ и краснорѣчивомъ. Можно думать, что *Валенъ* или *Валдеръ* происходятъ отъ того же самаго источника, то есть отъ слова Фригійскаго *Вал* или *Вален*, которое значитъ *Короля*, и которое прежде давали солнцу. *Сельденъ* думаетъ, что древніе Бретонны называли его *Белерн уадоуъ de Diis Syris* sup. 2. с. I. Онъ былъ *Аполлинь* или *Оувъ Грековъ* и *Римлянъ*, солнце почитаемое звѣздою благоприятною и здоровою, прогоняющею болѣзни, оживляло разумъ и возбуждало воображеніе, сїю плодотворную масть стихотворенія и всѣ другихъ искусствъ.

и благосклонный; но онъ такого свойства, что никогда не можно что ни будь перемѣнить въ произреченныхъ имъ судахъ. Онъ живетъ въ городѣ *Брейдабликъ*, о которомъ я уже говорилъ. Жилище сіе находится въ небѣ, и ничто беззаконное въ ономъ пребывать не можетъ, какъ то сказано въ сихъ стихахъ: „*Балдеръ* владѣетъ чертогами въ *Брейдабликъ*, и я знаю, что въ семъ мѣстѣ находятся столбы, на коихъ вырѣзаны руны, способныя къ вызыванію мертвецовъ. Третій богъ есть *Нюрдъ*, который живетъ въ мѣстѣ называемомъ *Нотунъ*. Онъ есть владѣтель вѣтровъ, усмиряетъ море и огонь (b) его надлежитъ призывать, что

- (b) (*Усмиряетъ море и огонь.*) Сей богъ почитаемъ былъ всѣми древними Кельтами, не исключая Персовъ и народовъ жившихъ около Чернаго и Каспійскаго морей. Они полагали всѣ духа или бога въ водахъ, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ или ключевыхъ. Сей богъ хотѣлъ быть почитаемъ, служимъ и одаряемъ. Въ разныхъ мѣстахъ Галліи, приносили ему каждый годъ животнохъ, равно какъ драгоценныя парчи, плоды, золото и серебро. Такойъ то былъ сей прудъ подлѣ Тулузы, въ который бросали ему въ честь великаго богатства. Его почитали скорымъ къ разгнѣвленію, и въ добротѣ по крайней мѣрѣ весьма обоюднымъ, что не худо сходствовало съ обладателемъ вѣроломныхъ стихій. Сего ради Едда сомнѣвается его считать изъ того же самаго поколѣнія, какъ и боговъ. Чернь разныхъ Нѣмецкихъ мѣстъ еще и теперь въ томъ увѣрена, что люди должны ему ежегодною данію, и что если кто умонулъ; то бралъ его богъ сей. Его называютъ въ Нѣмецкой землѣ *Никсъ*, а прежде того въ сѣверѣ *Ноннъ*; и не имѣли другого выраженія для означенія смерши

что бы онъ кораблеплаваніе сдѣлалъ счастливымъ, равно какъ охоту и рыбную ловлю. Онъ толико богатъ, что можетъ дать служащимъ ему земли и сокровища, и заслуживаетъ такъ же и въ разсужденіи сего быть призываемымъ. *Нюрдъ* есть не изъ племени боговъ. Онъ былъ воспитанъ въ странѣ *Вановъ*; но *Ваны* его отдали въ залогъ богамъ, и взяли на его мѣсто *Гацера*: симъ образомъ возстановленъ былъ миръ между богами и *Ванми*: *Нюрдъ* женился на *Скадѣ*, дочери великана *Отасса*. Она предпочитаетъ жить въ мѣстахъ обитаемыхъ ея опцемъ, то есть, въ горныхъ странахъ; но *Нюрдъ* любитъ болѣе поморскія: однако же они на концѣ согласились, что бы препровождать девять ночей въ горахъ, а три на берегахъ морскихъ. Однажды *Нюрдъ* возвращаясь съ горъ сочинилъ сію пѣсню: „Колико я ненавижу жилище горы, спыхъ мѣст! Я тамъ токмо препроводилъ девять ночей, но коль они мнѣ долгими, показались! Въ оныхъ токмо слышенъ вой

Г 5

„вол-

человѣка, погибшаго въ водахъ, какъ говоря, *Ноккенъ* его взялъ, и онъ того то безъ сомнѣнія происшедшій Французское слово *Noûg*, утонулъ. Галлы называли сіе божество *Нейтонъ*, которое почитали живущимъ въ морѣ и въ озерѣхъ. Въ озерѣ, находящемся подлѣ *Женевы*, которое носитъ имя сего города, находится камень ему посвященный, который еще и нынѣ называется *Нейтонъ*; и сіе названіе весьма сходствуетъ съ *Нотуномъ*, по мифію *Едды*, съ жилищемъ бога водъ. Римляне удержали какъ служеніе, такъ и имя сего бога, почитаемаго опѣ древнихъ Кельтскихъ Италій-

ЕДДА ИСЛАНДЦОВЪ

„волковъ , вмѣсто сладкихъ пѣсенъ ле-
„бедей , обитающихъ на берегахъ.„ Скаль-
да сдѣлала си стихи ему въ отвѣтъ.
„Могу ли ялучше спать въ объятіяхъ мор-
„скаго бога, когда птицы, прибѣгая каждое
„утро изъ лѣса, криками ихъ меня разбу-
„ждаютъ.„ Тогда Скальда возвратилась въ
горы, въ коихъ живетъ отецъ ея: тамъ она
часто , взявъ ея лукъ , и обувшись , упраж-
няется въ охотѣ дикихъ звѣрей.

ТРИНАДЦАТАЯ БАСНЯ

О богѣ Фрей, и о Фрей.

По томъ Нюрдъ имѣлъ въ его жилищѣ
Нотунъ двухъ дѣтей, называемыхъ Фрей и
Фрей, которые оба были красивы и сильны.
Фрей есть наиблагосклоннѣйшій изъ всѣхъ
боговъ, онъ управляетъ дождемъ и солнцемъ,
и всѣмъ тѣмъ, что отъ земли рождается. Его
надле-

скихъ народовъ. Онъ былъ ихъ Нептунъ. Вообще
всѣ Европейскіе народы оказывали великое почте-
ніе къ сему божеству, и ничто не было столь
трудно, какъ то, что бы ихъ отвести отъ
воздаваемого ими оному служенія, что подало по-
водъ ко многимъ запрещеніямъ собора. Чернь даже
и въ христіанствѣ продолжала долгое время соби-
раться кучами подлѣ нѣкоторыхъ источниковъ
для поклоненія благодѣтельному духу, который
по непостижимой силѣ заставлялъ течь воды съ
равнымъ всегда изобиліемъ: оныя покрывали дѣв-
ствами и дарами, и изъ нихъ, какъ изъ священ-
ныхъ, вкушали.

O fons Blandulae splendidior vitro, dulci digne mero;
non sine floribus cras donaberis hoedo Horat.

надлежитъ призывать для полученія благо-
 распоряденныя погоды, изобилія и мира; ибо
 онъ раздаетъ миръ и богатства. Фрея есть
 благопріятнѣйшая изъ богинь; по мѣсто,
 въ коемъ она живетъ въ небѣ, называется
Соединеніемъ народовъ. Она ѣздитъ на ло-
 шади вездѣ, гдѣ шокмо сраженія бывають
 и присвоаетъ себѣ половину мертвыхъ, а
 другая половина принадлежитъ *Одину*. Чер-
 тоги ея суть велики и великолѣпны, и она
 изъ нихъ выѣзжаетъ въ колесницѣ, влеко-
 мой двумя кошками. Она весьма благосклон-
 но выслушиваетъ желанія тѣхъ, которые
 у нея помощи просятъ. Отъ нея по жены
 получили по названіе, которое имъ даютъ
 на нашемъ языкѣ. Она весьма любитъ сла-
 достныя стихотворенія, и ея не худо про-
 сить и въ томъ, что бы быть въ любви
 счастливымъ. Ганглеръ на то сказалъ: Всѣ
 сіи боги кажутся мнѣ имѣющими довольную
 власть, и неудивительно то, что вы мо-
 жете производить столь много хорошихъ
 вещей (а), по тому что вы знаете какія
 суть

-
- (а) (*Неудивительно и проч.*) Народы, обитавшіе въ
 Скандинавіи до прибытія *Одина*, были люди весьма
 простые, коихъ легко приводили въ удивленіе.
 Сей завоеватель ихъ покорилъ какъ чрезъ обман-
 чивыя хитрости, такъ и силою оружія. Они
 изумившись отъ сихъ успѣховъ, кои происходи-
 ли отъ ихъ невѣжества, и коихъ они не могли по-
 стигнуть, отправили къ самому *Одину*, дабы
 спараться объ открытіи причины онымъ. Выше
 уже видѣли, что сей то предмѣтъ имѣлъ Ганг-
 леръ, или Король, принявшій такое имя. Онъ здѣсь
 указалъ столь многія новыя обществ. свѣда о дол-

суть качества и должности каждаго бога, равно какъ и то, чего у него просить должно, дабы быть счастливымъ и успѣшнымъ; но находятся ли еще и другіе свѣрхъ тѣхъ, о которыхъ вы мнѣ объявили?

Примѣчанія.

НА ТРИНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

Фрей есть нѣкое нижнее существо или божество, которое присутствовало въ воздушныхъ. Фрея, которая часто смѣшиваемъ была съ Фриггою, есть богиня любви, или Венера Скандинавовъ. Жены называются на Датскомъ языкѣ Fruer, и на древнемъ Готскомъ языкѣ слово Frega кажется то же самое означало. Сіе слово имѣетъ примѣтное сходство со словами Frager на Французскомъ языкѣ, Friand которое прежде означало токмо *Похотливый*, Frija, которое значить на Шведскомъ *влюбиться, свататься*, Friag, чрезъ что выражаютъ любовника. Слово Aphroditis, данное Венерѣ Греческими народами, не имѣетъ ли съ симъ какого сходства? Какъ вѣжливость къ женскому полу была одна изъ главнѣйшихъ добродѣтелей каждаго мужественнаго рыцаря; то справедливость требовала того, чтобы богинѣ любви препоручено было по крайней мѣрѣ

сколь-

жностей различныхъ боговъ и о служеніи имъ для приобретенія къ себѣ ихъ благосклонности, что онъ почитаетъ себя открывшимъ тайну, и пришедшимъ въ состояніе, что бы держать равновѣсіе довѣренности его соперника.

сколько нибудь наградить тѣхъ, кои умрутъ
имѣя въ рукахъ оружіе.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ БАСНЯ.

О богѣ Тирѣ, и о богѣ Брагѣ.

Тиръ отвѣчалъ: есть богъ Тиръ наиотваж-
нѣйшій и неуспрашимѣйшій изъ боговъ: онъ
раздастъ побѣды на войнѣ; по чему войны
не худо дѣлаютъ, его къ себѣ призывая.
Вошло въ пословицу, что бы говорить
храбръ какъ Тиръ, дабы означить человека
превосходящаго другихъ въ мужествѣ. Сіе
то можетъ служить свидѣтельствомъ его
неуспрашимости. Однажды боги хотѣли
склонить волка Фенриса, ихъ непріятеля,
что бы онъ далъ себя привязать; но онъ опа-
саясь что бы боги не удержали его въ неволѣ,
постоянно отрицался отъ того, что бы на
него цѣпь наложили, пока Тиръ не положилъ
въ залогъ своей руки въ пасъ сего чудови-
ща. Боги не разсудили за благо, что бы
взять на задъ сей залогъ, и волкъ отнялъ
руку бога, перекусивъ оную въ томъ мѣстѣ,
которое для сего называютъ составомъ вол-
ка. Съ сего времени богъ имѣетъ токмо
одну руку: великое его благоразуміе подало
поводъ къ слѣдующему выраженію: онъ такъ
разуменъ, какъ тиръ; но не думаютъ, что
бы онъ охотно видѣлъ людей живущихъ
въ мирѣ. Находится еще другій богъ, име-
немъ Брагъ, знаменитый его мудростію,
краснорѣчіемъ и его величественнымъ ви-
домъ. Онъ не токмо весьма искусенъ въ
стихотвореніи, но отъ него то еще сіе
иску-

искусство названо Brager, и отличившіе себя стихотворцы получили ихъ имена. Супруга его называется *Идуна*: она сохраняетъ въ коробочкѣ яблоки, которыя боги вкушаютъ чувствуя приближеніе ихъ старости, по тому что они имѣютъ силу дѣлать ихъ опять молодыми. Чрезъ сей способъ они будутъ пребывать даже до мраковъ послѣднихъ временъ. На сіе вскричалъ *Ганглеръ*: по истиннѣ боги препоручили великое сокровище въ соблюденіе и вѣрность *Идуны*. *Гаръ* усмѣхаясь ему сказалъ: сего ради случилось то, что они однажды подержались наивеличайшей опасности, какъ ты тебѣ скажу, когда ты услышишь объ именахъ другихъ боговъ.

Примѣчанія.

НА ЧЕТЫРНАДЦАТУЮ ВАСНЮ.

Тиръ былъ нѣкоторое нижнее божество, которое особливо присутствовало при сраженіяхъ. Я не думаю, что бы объ немъ иначе упомянуто было въ *Еддѣ* и въ другихъ *Исландскихъ* достопамяностяхъ. Однако же то извѣстно, что сей богъ почитаемъ былъ отъ всѣхъ сѣверныхъ народовъ, по тому что на всѣхъ языкахъ сихъ различныхъ народовъ названіе *Вторника* составлено изъ имени *Тира*, по чему сей день называется на *Датскомъ* и на *Шведскомъ* языкахъ *Tirsdag*; а на другихъ одговорахъ по малому умягченію *Teisdag* *Dislag* *Dinflag* *Tusdag* *Тацитъ* и въ сей равно какъ и *вездѣ*, совершенно

но согласенъ съ нашими до помянутостями. Онъ выражаетъ названіе Тира чрезъ имя бога Марса, и дѣлаетъ изъ него божество подсудице богу Одину, котораго онъ выражаетъ чрезъ имя Меркурія. Что касается до бога Брага; то его мало знаютъ, хотя и извѣстно то, что Галлы имѣли такъ же бога краснорѣчія, называемаго Римлянами Иракломъ Огеемъ. Яблока Идуны суть весьма пріятнаго вымышленія. Здѣсь опять встрѣчается любезная система Кельтовъ нечувствительной и непрестанной порчи естества и боговъ, которые съ онымъ соединены были, или онъ онаго зависили.

ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ БАСНЯ.

О Геймдалѣ, и объ нѣкоторыхъ другихъ богахъ.

Другій богъ весьма здоровый и весьма сильный есть тотъ, котораго называютъ Геймдалъ: онъ есть сынъ девяти дѣвицъ сестръ; его такъ же называютъ Согомъ съ золотыми, зубами, по тому что онъ имѣетъ зубы изъ сего металла; онъ живетъ при концѣ небеснаго моста въ замкѣ называемомъ небесною крѣпостію. Онъ есть хранитель боговъ, ему приказано жить при входѣ неба, дабы воспрепятствовать великанамъ, что бы они не овладѣли ходомъ по мосту. Онъ спитъ меньше птицы, и видитъ какъ днемъ, такъ и ночью вокругъ себя на сто миль. Онъ слышитъ, какъ трава растетъ на земли, шерсть на овцахъ

и все то, что токмо дѣлаешь наима́лѣй-
шій шумъ. Сверхъ сего онъ имѣетъ тру-
бу, которая слышна во всѣхъ мірахъ. Та-
кіе то спихи сдѣланы на сего бога: „Небес-
ная крѣпость есть замокъ или жилище
„Геймдала сего священнаго хранишеля неба,
„который пьетъ божественный медъ въ
„спокойныхъ чертогахъ боговъ., и проч.

Между богами считаютъ такъ же *Гло-
дера*, который слѣпъ, но чрезвычайно
силенъ; боги и люди весьма бы желали
того, что бы никогда не произрекали его
имени; но боги и люди соблюдаютъ долговре-
менное воспоминованіе подвигамъ учинен-
нымъ его руками. Девятый богъ есть мол-
чаливый *Видаръ*, который носитъ сандалія
столь толстыя, что онъ посредствомъ
оныхъ можетъ ходитъ въ воздухахъ и на
водахъ; онъ почти столь же силенъ, какъ
и самъ богъ *Торъ*, и онъ подаетъ богамъ ве-
λικое утѣшеніе въ щекотливыхъ обстоя-
тельствахъ. Десятый богъ *Виль* или *Вили*
есть одинъ изъ сыновъ *Одина* и *Ринды*: онъ
дерзокъ на войнѣ и весьма искусный стрѣ-
локъ. Одиннадцатый есть *Уллеръ* сынъ *Си-
фін*, и зять *Тора*; онъ пускаетъ стрѣлы съ
толикою скоростію, и бѣгаетъ столь хо-
рошо на конькахъ, что никто въ семь не
можетъ съ нимъ спорить. Въ прочемъ онъ
пригожъ станомъ, и имѣетъ всѣ качества
Ироя, по чему не бесполезно призывать его
на поединкахъ. *Форсетъ* есть имя двенадца-
таго бога: онъ сынъ *Балдера* и обладаетъ
въ небѣ чертогами, которые называютъ
Глитнеръ. Всѣ тѣ, кои его принимаютъ

су-

судією въ ихъ тяжбахъ, получаютъ отъ него совершенное утѣшеніе. Онъ есть наилучшій судія, находящійся между богами и людьми, какъ то сказано въ сихъ стихахъ: „Глитнеръ есть имя чертоговъ подъ державаемыхъ золотыми столбами, и покрытыхъ серебромъ; въ нихъ то большую часть времени препровождаетъ Форсетъ, который усыпаетъ всѣ жалобы.“

Примѣчанія

НА ПЯТНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

Я не могу сдѣлать никакого примѣчанія на сію басню, котораго бы не учинилъ каждый читатель столь же хорошо, какъ и я. Большая часть изъ божествъ, о которыхъ здѣсь упомянуто, намъ неизвѣстны иначе, какъ токмо чрезъ Едду. Можетъ быть нѣкоторыя неизвѣстны были другимъ Кельтскимъ народамъ, и ихъ надлежитъ считать токмо спутниками завоевателя сѣвера, обоготворенными въ слѣдующіе вѣки.

ШЕСТНАДЦАТАЯ БАСНЯ.

О Лохъ.

Нѣкоторые полагаютъ Лоха въ число боговъ; но другіе называютъ его ябедникомъ боговъ, строителемъ обмановъ и поношеніемъ боговъ и людей. Онъ сынъ великана Фарбаута и Лауфен, а братъ Гельблинда (свѣтлый мертвый). Лохъ есть красивъ и статенъ тѣломъ; но онъ имѣетъ духъ злый, легкій и непо-

Часть II.

Д

стоян-

стоянный ; превосходитъ всѣхъ людей въ семь искусствъ, которое называютъ ухищреніемъ и вѣроломствомъ. Онъ часто подвергалъ боговъ наивеличайшимъ опасностямъ (а) , и часто ихъ отъ оныхъ избавлялъ своими хитрослѣзіями. Жена его называется *Синглейою*; отъ нея имѣлъ онъ *Нара* и нѣкоторыхъ другихъ сыновъ. Сверхъ того прижилъ онъ троихъ дѣтей съ великаншею *Ангербордою* (вѣстница бѣдствія); перваго волка *Фенриса*, втораго великаго змѣя *Мидгарда*; а третіяго *Гелу* (смерть). Боги знали, что сихъ дѣтей воспитывали въ странѣ великановъ; они узнали чрезъ многія произреченія обо всѣхъ бѣдствіяхъ, какія имъ отъ нихъ впоследствии ; ихъ произхождение отъ матерей

Примѣчанія НА ШЕСТНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (а) (Онъ подвергалъ боговъ наивеличайшимъ опасностямъ). Я бы сказалъ, что *Локъ* есть *Момъ* сѣверныхъ боговъ, если бы обороты, которые онъ имъ играетъ, весьма чисто не превосходили шутку. Въ прочемъ сіи чудовища, которыя имъ произведены, и которыя должны равно какъ ихъ опещъ вступишь съ богами въ жестокия сраженія въ послѣднія времена, явно показываятъ ученіе мало различающееся отъ принятаго въ разсужденіи злаго начала. Какъ бы о томъ ни говорили нѣкоторые ученые; однако же сіе мифіе не совсѣмъ было неизвѣстно Персамъ ни Кельтамъ; можетъ быть издлежитъ токмо положишь то, что оно не принадлежитъ къ ихъ древней вѣрѣ. Сіе состояніе бѣдствія и труда, въ которомъ они почипають естество, и сіи олады, которыя оно должно выдержатъ въ послѣдній

тери было худое предзнаменованіе; а отъ отца еще худшее. И такъ Отецъ Селенный отправилъ боговъ, дабы къ нему привести сихъ дѣшей. Когда они пришли; то онъ бросилъ змѣя въ глубину великаго моря; но сіе чудовище въ ономъ полико возрасло, что оно объяло во глубинѣ водъ шаръ всея земли, и можетъ еще само кусать конецъ его хвоста. Гела ввержена въ адъ, гдѣ ей дали правленіе надъ деятью мірами, дабы она тамъ распредѣляла жилища для тѣхъ, кои къ ней посланы, то есть для всѣхъ тѣхъ, которые умираютъ отъ болѣзни или старости. (b). Она владѣетъ въ семъ мѣстѣ обширными домами, изрядно состроенными и за-

Д 2

щи-

день, доводило ихъ нечувствительнѣю къ воображенію силы, которая была непріязненною богамъ и людямъ, и строипельницею всѣхъ бѣдъ свѣтъ приводящихъ въ уныніе сію селенную. Сія то должностъ была *Аримана* у Персовъ, а *Лока* у Скандинавовъ. *Лохъ* произвелъ великаго змѣя объемлющаго весь міръ въ сгибахъ его тѣла, и разныя черты того же Иконословія повидимому представляютъ то, что изъ того жѣтели сдѣлали знакъ порчи или грѣха. Онъ далъ рожденіе Гелѣ или смерти, сію царицу ада, которая *Еда* дѣлаетъ здѣсь столь особенное начертаніе, и волку *Фенрису*, сему чудовищу, которое должно побѣдить боговъ и испровергнуть міръ. Злое начало можетъ ли лучше быти начертаннымъ.

- (b) (Для всѣхъ тѣхъ, которые умираютъ отъ старости и проч.) *Cimbri et Celiberi in acie exultabant, tanquam gloriose et feliciter vita excessuri. Lamentabantur in morbo quasi turpiter et miserabiliter perituri. valer. Maxim. c. 6.* Кимбры и Кельтиберы скакали отъ радости въ сраженіи, представляя себѣ то, что они выдутъ изъ сего міра колы счастливымъ, столь и въ-

щищаемыми большими перилами. Столовая
ея есть печаль, столъ язва, ножъ голодъ,
слуга медлѣніе, служанка тихость, предве-
ріе разслабленіе, постеля тоща и болѣзнь, а
палатка проклятіе: половина ея шѣла есть
си-

стныи образомъ: напротивъ того, они приходили
въ уныніе въ болѣзняхъ, почитая сію койчину
поносною и бѣдственною. Сіе то изрядно доказы-
ваетъ то, что сіе ученіе Едды принято было
отъ всѣхъ Кельшовъ, и такое то было то дѣй-
ствіе, какое оно производило надъ ихъ мыслями.
Я бы могъ собрать свидѣтельства изъ древнихъ,
которыя бы были еще подкрѣпою; но я въ раз-
сужденіи сего отсылаю ко введенію въ Датскую
исторію. Однако же замѣтимъ то, что сей
адъ, о которомъ здѣсь говорится, и въ которомъ
предохранены наказанія паче скучныя, нежели же-
стокія для шѣхъ, которые не умерли имѣя въ
рукахъ оружіе, есть не вѣчный адъ, но шокмо
гостиная, или паче, шемница, которыя жили
выйдущъ въ послѣдній день, дабы быть судимы-
ми на другихъ началахъ, и оправданными или обви-
ненными за дѣйствительнѣйшія добродѣтели или
пороки. Сему аду ожиданія противупоставленъ
былъ рай столь же мало продолжающійся; онъ
былъ *Валгалла*, о которой здѣсь вскорѣ рѣчь бу-
детъ. Чистая рачительность сіе Иконословіе съ удив-
леніемъ видно то, что въ немъ все гораздо болѣе
связно и слѣдственно, нежели что намъ извѣстно
въ томъ же самомъ родѣ. Нижніе боги, сопро-
венные съ симъ міромъ, соединенные съ нимъ
чрезъ естество и сходство ихъ судьбы, должны
были всего опасаться въ послѣднія времена со
стороны непріятелей естества. Они желая себя
привести въ состояніе имъ сопротивляясь, при-
зывали къ себѣ всѣхъ воиновъ, которые изъявили
ихъ мужество, проливъ ихъ кровь во сраженіяхъ.
Они будучи приняты въ жилище боговъ упражня-
лись еще въ воинскихъ дѣлахъ, дабы они могли

синяя, а другая облеченная человѣческою
кожею и цѣптомъ. Она имѣетъ спрашныи
взоръ, по чему ея легко узнать можно.

СЕДМНАДЦАТАЯ БАСНЯ.

О волкѣ Фенрисѣ.

Что касается до волка Фенриса; то бо-
ги его у себя пинали, и токмо Тирь осмѣ-
ливался давать ему пищу. Однако же ког-
да они примѣтили то, что онъ каждый
день чрезвычайно росъ, и какъ произрѣка-
тели ихъ увѣдомляли, что онъ имъ нѣког-
да будетъ пагубенъ; то они вознамѣрились
наложить на него чрезвычайно крѣпкія цѣ-
пи, и ихъ представляя волку предложили
ему то, что бы онъ ихъ наложилъ для испы-
танія его силъ, чрезъ что они его обмануть
спарались. Волкъ видя то, что сіе ему не
трудно, далъ богамъ дѣлать то, что они

Д 3

хо-

мужественно дожидать великаго сраженія. Ихъ
увеселенія, ихъ упражненія и все стремилось къ
сему предмѣту: что касается до людей подлыхъ
или миролюбивыхъ; то что бы изъ нихъ сдѣлали
боги угрожаемые сколь нечаяннымъ, споль и опа-
снымъ нападеніемъ? Ихъ отдавали на сохраненіе
смерти, которая наказывала ихъ слабость чрезъ
разслабленіе и болѣзни. И такъ слѣдовательно все
сіе не касалось до вѣчнаго ада и рая, который
вскорѣ увидятъ описаннымъ въ Еддѣ съ гораздо
большими силою и достоинствомъ. Въ немъ ни
о чемъ больше говорено не будетъ, какъ о вѣр-
ности, правосудіи, цѣломудріи, непорочности и
проч.

жомѣли; а по томѣ напратши сѣ силою его
 жилы разорвалѣ узы и оцѣпѣ освободился:
 боги усмотрѣвъ сѣ сдѣлали новыя желѣз-
 ныя цѣпи вдвое крѣпчайшія, дабы скло-
 нить волка, что бы онѣ испыталѣ оныя,
 говоря ему то, что если онѣ ихѣ прерветѣ;
 то подасѣ о силѣ его великое мнѣніе.
 Волкѣ довольно догадывался, что сѣи вто-
 рые узы не легко разорвать можно будетѣ,
 но думая, что его сила увеличилась, и что
 не лѣзя приобрѣсти славу не подвергнувъ се-
 бя какой опасности, допустилѣ охотно на-
 ложить на себя цѣпи. Коль скоро сѣ было
 сдѣлано; то волкѣ потрясся, ворочался, уда-
 ралѣ его цѣпями въ землю, напратѣ свои
 члены сѣ силою, и на конецѣ разорвалѣ цѣ-
 пи, отѣ коихѣ обломки далеко вокругѣ его
 падали: симѣ то образомѣ онѣ освободился
 отѣ его желѣзныхѣ оковѣ, откуда произ-
 ходитѣ пословица, употребляемая для озна-
 ченія великихѣ напряженій. Послѣ того бо-
 ги отчаялись въ томѣ; что имѣ когда ли-
 бо можно было связать сего волка; по чему
 отецѣ селенныя отправилѣ Скирнера вѣспни-
 ка бога Фрея въ страну черныхѣ духовѣ къ
 одному Карлу, что бы онѣ сдѣлалѣ новыя узы;
 сѣи узы связны были и гибки, какѣ простая
 веревка, однако же весьма крѣпки, какѣ
 то ты увидишь. Когда ихѣ принесли къ
 богамѣ; то они весьма благодарили тѣхѣ,
 которые оныя имѣ доставили, и опведши
 волка сѣ собою въ островѣ нѣкотораго озе-
 ра, показали ему сѣю веревку, прося его,
 что бы онѣ испыталѣ разорвать оную, и
 увѣряя, что она была нѣсколько крѣпче, не-
 жели

жели какъ бы объ ней можно было думать, видя ея тонкость. Они ея сами брали попеременно въ ихъ руки, стараясь ея бесполезно разорвать, и ему говорили, что онъ токмо единый до того достигнуть можешь. Волкъ имъ отвѣчалъ: предсказываемая вами веревка столь тонка, что разорваніе ея не принесетъ никакія славы, или если сокрывается какая хитрость въ томъ образѣ, которымъ она сдѣлана, то хотя она и кажется ломкою, однако же я васъ увѣряю, что она никогда не прикоснется къ моимъ ногамъ. Боги его увѣряли, что онъ легко разорветъ столь слабыя узы, по тому что онъ уже разломалъ гораздо крѣпчайшія цѣпи, прибавляя къ тому то, что если онъ въ томъ успѣть не можешь, и покажетъ тогда то, что онъ уже для нихъ опасенъ не будетъ, то они томъ часъ его освободятъ безо всякаго затрудненія. Я весьма опасаясь того, отвѣчалъ чудовище, что если меня однажды свяжете, и если я самъ себя освободить не въ силахъ, то вы меня весьма поздно выпустите на волю; чего ради я не даю себя связать добровольно, но токмо чтобы вамъ показать, что я не прусъ: однако же одному изъ васъ надлежитъ положить свою руку въ мою пасть, для поручительства въ томъ, что вы меня не обманете. Тогда боги смотря другъ на друга находились въ великомъ недоумѣніи, пока не предсталъ Тиръ для ввѣренія ему своея правой руки. Тогда боги связали волка, который сильно растянулся, какъ по

Д 4

онъ

онѣ уже дѣлалъ прежде, и всѣми его силами старался, чтобы освободиться; но чѣмъ болѣе онѣ усиливался, тѣмъ болѣе узы его сжимали, и всѣ боги, выключая Тира, ужасный смѣхъ подняли при семъ зрѣлищѣ. И такъ они его видя навсегда заключеннымъ, взяли одинъ конецъ его узъ, и провели оный чрезъ средину великаго плоскаго камня, который они прежде глубоко погрузили въ землю: по томъ для большаго въ томъ удостовѣренія, привязали проходившій конецъ къ великому камню который они бросили еще ниже. Волкъ разинувъ его ужасную пасть старался ихъ грызть; и ворочался съ величайшимъ насиліемъ, что боги увидѣвъ, пустили въ его пасть мечъ, который проколовъ нижнюю его челюсть, вошелъ по ефесъ, такъ что остріе достигнуло даже до неба. Испускаемый имъ тогда ревъ былъ ужасенъ, и съ сего времени пѣна безпрестанно выходитъ изъ его рта съ толкимъ изобиліемъ, что она составляетъ рѣку, которую называютъ *валъ* (пороки); но сіе чудовище прерветъ свои узы при сумеркахъ боговъ, то есть при концѣ свѣта (а). Сіе то есть незаконное племя, производ-

шедъ

Примѣчанія

НА СЕМНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (а) (При концѣ свѣта) Въ томъ не лзя сомнѣваться, чтобы сей волкъ не представлялъ злое начало, или какую силу непріязненную естеству. Сія рѣка пороковъ произшедшая отъ его пѣны есть одна изъ сихъ чертъ, которая ясно показываетъ

шедшее отъ Лоха. На сіе Ганглеръ сказалъ Гару. Но когда боги должны столько опасаться со стороны сего волка, и ото всѣхъ произведенныхъ имъ чудовищъ; то для чего они ихъ не умертвили? Гаръ ему отвѣчалъ: боги имѣютъ столько почтеніе ко святости ихъ судилища и ихъ мирныхъ городовъ (b), что они не хотѣли осквернить ихъ кровью сего волка, хотя пророчества имъ и предвѣщали, что онъ нѣкогда пагубенъ будетъ для Одина.

ОСЬМНАДЦАТАЯ БАСНЯ.

О богинялѣ.

Ганглеръ спросилъ: какія суть богини? Главнѣйшая, отвѣчалъ Гаръ, есть Фригга (a), ко-
Д 5 торая

Аллегорію. Я изъясню въ другомъ мѣстѣ, что та, которую читали, равно какъ и всѣ тѣ сего же рода, кои находясь въ Еддѣ, суть образные и стихотворческіе способы къ предложенію сего правила философіи Кельтовъ, Стоиковъ и нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, которые поставляли, что мѣръ и нижніе боги должны нѣкогда уступить ихъ неприятелямъ, и по томъ возродиться для исполненія новыхъ судебъ.

- (b) (Святость ихъ мирныхъ городовъ). Они были города, въ коихъ святость мѣста запрещала всякія вражды.

Примѣчанія.

НА ОСЬМНАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (a) (Главнѣйшая есть Фригга). Я уже замѣтилъ, что Фригга была земля, супруга Одина, мать нижнихъ

торая обладаетъ великолѣпными чертами
называемыми *Божественное жилище*. Вторая
есть *Сага*. *Ейра* отправляетъ должность
врача боговъ (b). *Гейона* есть дѣвица и
принимаетъ въ ея службу всѣхъ непо-
рочныхъ дѣвъ послѣ ихъ смерти. *Филла*,
равномѣрно дѣвица, носитъ ея красивые
волоса распущенные по спинѣ, голова
ея

божествѣ, и что *Торъ* былъ ея первоуродный. Она
составляла съ сими двумя другими богами сѣ-
щенную Троицу, которой служили съ толикимъ
почтениемъ въ знаменитомъ *Упсальскомъ* храмѣ.
Фригга была въ немъ представлена дежащею на
подушкахъ между *Одиномъ* и *Торомъ*, съ разными
знаками, показывавшими ея богиню изобилія, пло-
дородія и сладострастія. Пятница есть на сѣ-
верныхъ языкахъ день *Френ*. Какъ она была мать
человѣческаго рода; то люди почитали себя братья-
ми, и жили въ тѣсномъ союзѣ во все малое время,
въ которое происходили посвященные ей праздни-
ества. *Non bella ineunt*, говорилъ *Тацитъ* о семъ
времени, *non arma sumunt, clausum omne ferrum*, *pac-*
et quies tunc tantum amata. Но послѣ того довольно
награждади сей принужденный покой, и богу войны
тѣмъ лучше служили въ остальное время. Я не
могу ничего замѣнить о другихъ богиняхъ, кото-
рыя намъ извѣстны единственно чрезъ *Едду*, и
которыя кажутся вышедшими большою частію
изъ мозгу сѣверныхъ стихотворцовъ.

(b) (*Ейра есть врачъ боговъ*) *Тацитъ* намъ говоритъ,
что *Германцы* не имѣли другихъ врачей; кромѣ
ихъ женъ. Они сѣдовали за войсками, что бы
лѣчить и высасывать раны ихъ мужей. Всѣ сѣ-
верныя исторіи и любовныя приключенія равно-
мѣрно представляютъ намъ всегда женщинъ, и
частью княгинь обязанныхъ сею обязанностию. Во
младенчествѣ почти всѣхъ народовъ то же самое
примѣчаютъ. Но ни единый народъ не имѣлъ
большія довѣренности ко знанію женъ въ лѣчеб-

ея украшена зодотою лбытою; ей по ввѣренны уборный сполникъ и обувь Фригги. Сверхъ того она есть наперстница наисокровеннѣйшихъ ея тайнъ. Фрея есть наизнаменитѣйшая изъ богинь послѣ Фригги; она вышла за Одера, съ которымъ прижила Доссу, дочь столь красивую, что ея именемъ называютъ все то, что красиво и драгоценно. Одеръ ея оставилъ, дабы путешествовать въ страны весьма удаленныя, Фрея съ сего времени не перестаетъ плакать, и ея слезы состоятъ изъ чистаго золота: ей даютъ многія имена, по тому что когда она оправилаь искапъ ея мужа во многихъ странахъ; по каждый народъ далъ ей другое имя: она обыкновенно носитъ золотую цѣпь. Седьмая богиня есть Сѣона; она спарается обѣ обращеніи къ любви сердца и мыслей,

номъ искусствѣ, какъ наши отцы Кельты. Они будучи увѣрены, какъ говоритъ Тацитъ, что нѣчто божественное находится въ семъ полѣ, препоручали себя имъ въ ихъ болѣзняхъ со всею пою довѣренностію, какую заслуживали сверхъ-естественныя знанія. Въ самомъ дѣлѣ врачебное искусство сихъ временъ состояло почти въ волшебствѣ, обращенномъ къ излѣченіямъ болѣзней. Весьма часто бѣдспвія и способы противъ оныхъ состояли въ околдованіяхъ, въ заговорахъ и въ обвороженіяхъ; и горные жители въ большей части Европейскихъ странъ другихъ еще изъ нихъ и теперь не знаютъ. Извѣстно, каково въ разсужденіи сего суевѣріе пастуховъ; предразсужденія сихъ людей суть покло остатки тѣхъ, которыми прежде наполнены были всѣ головы. Послѣ сего могущъ сожалѣть, если хотѣтъ, о древнихъ временахъ.

и часто соединяетъ молодцовъ и дѣвицъ , чего ради любовники носятъ ея имя. *Ловна* есть столь благопріятная, столь благосклонная, и соотвѣствуетъ столь хорошо желаніямъ людей, что она по особой силѣ, данной ей *Одиномъ* и *Фриггою*, можетъ примирить наигорченнѣйшихъ любовниковъ. *Вара* девятая богиня присутствуетъ надъ клятвами чинимыми людьми, а особливо надъ обѣщаніями любовниковъ; она рачительно наблюдаетъ всѣ тайны сего рода, и наказываетъ тѣхъ, кои не соблюдаютъ даннаго слова. *Вора* есть столь мудрая, искусная и столь любопытная, что ничто не можетъ отъ нея остаться скрытымъ. *Синія* есть преддверница чертоговъ; она запираетъ двери для тѣхъ, которые не должны войти въ оныя; она такъ же поставлена надъ плясками, при которыхъ идетъ дѣло, что бы въ чемъ опречься клятвою, откуда происходитъ пословица: *Синія* стоитъ подлѣ того, который будетъ отрекаться. Двенадцатая называется *Линою*; она стережетъ тѣхъ, которыхъ *Фригга* хочетъ избавить отъ какія опасности. *Снотра* есть богиня мудрая и ученая; добродѣтельные и мудрые мужчины и женщины носятъ ея имя. *Гна* есть вѣстница, которую *Фригга* отправляетъ въ разные мѣры за ея дѣлами; она имѣетъ коня, который бѣгаетъ въ воздухахъ и на водахъ (с).

ВВ

(с) (Она имѣетъ коня, который бѣгаетъ въ воздухахъ). Путешествія богинь и волшебницъ по воздухамъ суть весьма обыкновенны въ стихотвореніяхъ, и

Въ числѣ богинь полагаютъ такъ же Солу и Вилу; но тебѣ уже объяснено ихъ естество. Сверхъ того находяща еще многія дѣвицы, которыя служатъ въ *Валгаллѣ*, наливаютъ пиво для утоленія жажды ироевъ, и имѣютъ надзираніе надъ чашами, и надъ всѣмъ

въ басняхъ древнихъ сѣверныхъ народовъ, и большая часть Европейскихъ жителей съ ними тому же вѣрили. Какъ въ слѣдствіи Христіанская вѣра здѣлалась владычествующею; то почитали дѣвспіемъ діавольскаго искушва то, чего прежде искали какъ драгоцѣннаго дара и особливаго знака благосклонности боговъ. Церковные соборы учинили строгія запрещенія, и поражали проклятіемъ тѣхъ, кои ночью будуще путешествовать въ воздухахъ. Въ древнемъ законѣ Норвежскомъ называемомъ *Gulathing's Lagen* с. 1. Находятъ сей уставъ: Чтобы Король и Епископъ выискивали со всевозможнымъ стараніемъ тѣхъ, кои упражняются въ языческихъ суевѣріяхъ, кои употребляютъ волшебныя искусства, кои почитаютъ духовъ мѣсть, тробницъ или рѣкъ, и кои чрезъ діавольскій способъ въ путешествіяхъ носимы бываютъ по воздухамъ и проч. Одинъ Руенскій соборъ приведенный въ *Бухардъ* равное запрещеніе въ себѣ заключаетъ. *Cont. Kothom. L. I. c. 92. 44.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернь еще и въ наши дни увѣрена въ томъ, что волшебницы или колдуньи собираются въ субботу на коняхъ и по срединѣ воздухонъ. Мало естъ суевѣрій народныхъ, которыя бы не простырались даже до какого мѣстна посвященнаго Кельтскою вѣрою; изъ сего не должно всегда выключать даже и тѣхъ, которыя кажутся скодными съ нѣкоторыми мѣстами правилъ или дѣяній, которыми единая Христіанская вѣра могла насъ наставить. Одни имена поставленныя вмѣсто другихъ, и прикровъ изъ божества, не могутъ сдѣлать неизвѣстнымъ древнее основаніе предъ нѣскольکو упражняющимися очами.

всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ столу. Къ сему то касается то, что сказано въ стихотвореніи *Гримниса*: „Я хочу что бы „*Риста* и *Миста* подавали мнѣ рога, что бы „изъ нихъ пить: они то должны подавать „кружки.“ Сіи богини называютъ *Валкири-самы*; Одинъ посылаетъ ихъ во сраженія для избиранія тѣхъ, кои должны быть убиты, и для раздаванія побѣды. *Гадур*, *Рост*, и младшая изъ волшебницъ, которыя управляютъ временемъ, *Скульда* (будущее), каждый день разбѣзжаютъ на коняхъ для избиранія мертвыхъ, и распредѣленія кровопролитія, которое произойти должно. *Тор* и земля мать *Тора*, и *Ринда* мать *Вала* равнобѣрно должны быть поставлены между богинями.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ БАСНЯ.

О Фрей и Гердѣ.

Нѣкогда былъ человекъ именемъ *Гимеръ*, происходившій отъ поколѣнія горныхъ великановъ; онъ прижилъ съ его женою *Орбодою* одну дочь называемую *Гердою*, которая была наикраснѣйшая изъ ея пола. Однажды *Фрей* сѣвъ на престолъ Отца Селенныя, чтобы съ онаго обозрѣть весь міръ, увидѣлъ къ сѣверу великолѣпные чертоги по срединѣ одного города; по томъ онъ усмотрѣлъ выходящую изъ оныхъ женщину, коея волосы толико были блестящи, что воздуха и воды ими освѣщены были. При семъ взоръ *Фрея*, по истинному наказанію за то, что онъ

онъ былъ столь продерзостенъ , что воз-
шелъ на сей священный престолъ, пораженъ
былъ нечаянною печалію , и возвращаясь въ
его жилище не хотѣлъ онъ ни говорить, ни
спать, ниже пить, и даже никто не осмѣ-
ливался о томъ его спросить. Однако же
Нордъ приказалъ къ себѣ притти Скирнеру,
который былъ наперстникъ Фрей, и пре-
поручилъ ему спросить у его господина, ка-
кого онъ имѣетъ явнаго непріятеля, по-
тому что онъ ни съ кѣмъ ничего говорить
не хочетъ. Скирнеръ общалъ то сдѣлавъ,
и пошедъ ко Фрею спросилъ его дерзко, для
чего онъ столь печаленъ и молчаливъ? Фрей
ему отвѣчалъ, что онъ видѣлъ дѣвицу то-
лико красивую и толико пригожую, что
онъ вскорѣ умретъ, если ея обладать не
будетъ, и что сіе то его дѣлаетъ столь
соннымъ. И такъ стулай, прибавилъ онъ,
достань ея для меня въ супружество; если ты
ко мнѣ ея приведеши, то получиши въ награду
все то, чего только ни пожелаеши. Скирнеръ
на то согласился съ тѣмъ договоромъ, что
бы Фрей далъ ему его мечъ, который былъ
столь хорошъ, что онъ самъ собою дѣлалъ ве-
ликое кровопролитіе, коль скоро его владѣ-
тель то ему приказывалъ. Фрей не желая ни
мало терпѣть остановки томъ часъ подарилъ
ему оный; послѣ чего Скирнеръ отправившись въ
путь получилъ сію дѣвицу отъ ея родите-
лей, которые ему общали, что она за-
нимъ послѣдуетъ спустя девять дней по
его отбѣздѣ, и что свадьба происходить
будетъ въ мѣстѣ, называемомъ Варей. Какъ
Скирнеръ отправился для объявленія Фрею
объ-

объ успѣхѣ его посольства; то сей неперпѣ-
ливый богъ произрекъ сіи стихи: „Одна
ночь довольно длинна; а двѣ ночи еще
больше, какъ мнѣ препроводить претію?
Частоцѣлый мѣсяцъ показывался мнѣ гораз-
до короче, нежели половина такія ночи.
Такимъ образомъ Фрей отдавъ его мечъ на-
ходился безъ оружія, когда онъ сражался
съ Беломъ, по чему онъ его убилъ оленьимъ
рогомъ. Ганглеръ тогда сказалъ: мнѣ весьма
удивительнымъ кажется то, что столь
храбрый Ирой, какъ Фрей, отдавъ его мечъ
другому, не имѣя еще столь же хорошаго;
конечно онъ тогда находился въ худыхъ
обстоятельствахъ, когда сражался съ Бе-
ломъ, и я думаю, что онъ въ томъ раскаи-
вался. Гаръ, ему отвѣчалъ: сіе сраженіе бы-
ло не весьма знатное, Фрей могъ бы убить
Бела кулакомъ, если бы то хотѣлъ; но ко-
гда злые духи придуть сражаться противъ
боговъ; то тогда то онъ будетъ чувстви-
вать истинное собоуэнованіе, что не имѣетъ
его меча.

ДВАДЦАТАЯ БАСНЯ

О лищѣ боговъ.

Но сказалъ Ганглеръ, если всѣ люди уби-
тые на войнѣ онъ начала свѣта собираются
въ чертогахъ; то какую пищу сей богъ
дастъ столь великому множеству? Гаръ ему
отвѣчалъ: ты имѣешь право сказать, что
онъ велико; однако же оно еще увеличится
до безконечности; но боги возжелаютъ,
чтобы

чтобы оно было гораздо еще значнѣе, когда волкъ *Фенрисъ* придетъ въ послѣднй день (а). Число ихъ никогда не можетъ быть столь великимъ, чтобы мяса кабана *Серимнера* не довольно было къ ихъ насыщенію. Каждое утро его варятъ; но въ вечеру онъ опять дѣлается цѣлымъ; я думаю, что мало особъ въ состояніи будутъ тебѣ изъяснить сіе дѣло, какъ то оно описано въ стихахъ, коихъ смыслъ состоитъ въ томъ, „что поваръ варитъ безпрестанно сего кабана, и что симъ то жиромъ, наилучшимъ изъ всѣхъ, питаются ирри“, (b). Но, сказалъ

Часть II.

Е

Гин-

Примѣчанія

НА ДВАДЦАТУЮ БАСНЮ.

- (а) (Когда *Фенрисъ* придетъ въ послѣднй день). Я уже замѣтилъ, что *Едда* никогда не теряетъ изъ вида великаго происшествія разрушенія свѣта; ниже боги въ тоже самое время должны были выдержать жестока сраженія. Въ семъ то состоитъ предмѣтъ предыдущія басни, гдѣ напередъ приводится причина, для которой *Фрей* не можетъ сопротивляться нападеніямъ злыхъ духовъ. Въ семъ ожиданіи они съ радостію принимали воиновъ, оказавшихъ ихъ силу, на которыхъ они могутъ положиться въ послѣднія времена.
- (b) (Симъ то жиромъ питаются ирри). Сіе описаніе чертоговъ Одинъ есть ясное начертаніе нравовъ древнихъ Скандинавовъ и Германцовъ. Они будучи управляемы нуждами ихъ воздуха, и побужденіемъ свойства, дѣлаютъ прелестный рай по ихъ образу, въ коемъ должно жить, бѣтъ и сражаться. Полагаясь ими тамъ женщины суть единственно для наполненія ихъ кружекъ. Единный кабанъ составлялъ все сіе небесное пиршество; для нихъ

Ганглеръ, кушаетъ ли Одинъ за пѣмъ же столомъ, какъ и Ирои? Гаръ ему отвѣчалъ: когда ему подають кушать за его столомъ, то онъ раздѣляетъ представленное ему двумъ волкамъ. Чѣмъ касается до него; то онъ не имѣетъ нужды ни въ какой пищѣ; вино служитъ ему вмѣсто всякаго кушанья, какъ то сѣе сказано въ сихъ стихахъ: „Знаменитый отецъ войскъ, побѣдоносный, „Одинъ насыщаетъ самъ двухъ его волковъ, „и не иначе питается, какъ чрезъ беспрестанное пиіе вина. „ Два ворона всегда сидятъ на его плечахъ, и ему говорятъ на ухо все то, что токмо они новаго слышали и видѣли; одинъ называется Гугинъ (разумъ), а другіи Муннинъ (память). Одинъ пускаетъ ихъ каждый день, и они облетавъ весь свѣтъ возвращаются къ часу, определенному для кушанья. Для сего то сей богъ знаетъ толико вещей, и для сего то его

довольно было того, чтобы токмо онато съ изобиліемъ доставало Мясо сего животного, равно какъ и свинина, было нѣкогда пріятнѣйшимъ кушаньемъ всѣхъ сихъ народовъ. Древніе Франгузы не меньше оное уважали, стадо свиней представлялось ихъ очамъ столь великимъ дѣломъ, что во второй главѣ Салическаго закона, состоящей изъ двадцати статей, единственно говорится о пѣхъ, которые ихъ воруютъ. Въ Григоріи Турскомъ королева Фредегонда, желая опятнать нѣкотораго Нелчара сѣ мысли короля, обвиняла его въ томъ, что онъ похитилъ многіе окораки въ томъ мѣстѣ, гдѣ Шильперикъ клалъ его сѣбѣшныя припасы. Король ни мало не разумѣлъ шушки, и пресупленіе почитаемое было весьма важнымъ.

его называютъ богомъ Вороновъ. Ганглеръ продолжаетъ и спрашиваетъ: какій есть токъ напитокъ Ироевъ, который они имѣютъ въ столь же великомъ изобиліи, какъ и пищу? Гаръ ему сказалъ: ты дѣлаешь смѣшныи вопросъ: можешь ли ты думать, что бы отецъ селенныя призвалъ королей, князей и великихъ вельможъ, что бы ихъ поить водою? И въ самомъ дѣлѣ многіе бы изъ тѣхъ, которые идутъ въ чертоги Одина, нашли справедливо то, что сія честь весьма дорого куплена, если бы они не были лучше потчиваемы, вытерпѣвъ жестокія мученія, и получивъ смертельныя раны, дабы къ нимъ имѣть доступъ. Ты увидишь со всѣмъ другое. Въ Валгаллѣ находится коза, которая кормится листьями дерева Лерады. Изъ ея шипекъ течетъ медъ въ шлоикомъ изобиліи, что онымъ наполняется каждый день сосудъ довольно обширный, дабы всѣ Ирои могли упиться онымъ (с). Еша то коза, сказалъ Ганглеръ, весьма способна и весьма чудесна, и я думаю, что дерево, которымъ она кормится, имѣетъ многія хорошія свойства. Гаръ ему отвѣчалъ: то, что говорятъ объ нѣкоторомъ оленѣ, гораздо еще

Е 2

уди-

(с) (Дабы ирои могли упиться). Вино въ сіи времена было дорого и почти неизвѣстно; а пиво было весьма подлый напитокъ для ироевъ. И такъ Едда заставляетъ ихъ пить медъ, который въ великомъ почтеніи находился у всѣхъ Германскихъ народовъ. Древніе Франдузы много его употребляли. Григорій Турскій, говоря о нѣкоторомъ вельможѣ, который его пилъ, обыкновенно прибавляетъ ut mos barbarorum habet. Greg. Turon. L. 8 c. 3.

удивительнѣе. Сей олень равномерно находится въ *Валгаллѣ*, и питается листьями того же дерева: изъ его роговъ исходитъ паръ столь изобильный, что оный дѣлаетъ ключъ, изъ котораго родятся рѣчки, орошающія жилище боговъ. *Ганглеръ* продолжая сказалъ: въ *Валгаллѣ* конечно надлежитъ быть обширнымъ чертогамъ, и я думаю, что часто происходятъ споры при дверяхъ, по тому что столь многіе люди въ оныя входятъ и выходятъ. *Гаръ* ему отвѣчалъ: для чего не спрашиваешь ты, сколько тамъ дверей, и сколь оныя велики? Послѣ сего ты будешь въ состояніи разсуждать о томъ, трудно ли въ оныя входить и выходить; и такъ знай, что тамъ нѣтъ недосыпканни въ сѣдалищахъ, ни въ дверяхъ, какъ то о семъ сказано въ стихотвореніи *Гримни-са*., Я знаю, что тамъ находятся пять „сошъ дверей, и еще сорокъ дверей въ *Валгаллѣ*; осмь ироевъ могутъ выходить чрезъ „каждыя въ провожаніи толпы зришелей, „дабы ити на сраженіе., Это то значитъ великое множество людей, сказалъ *Ганглеръ*, и *Одину* надлежитъ быть сильнымъ ироемъ, по тому что онъ управляетъ столь многочисленнымъ войскомъ. Но скажите мнѣ, чѣмъ забавляются ирои тогда, когда они не пьютъ: каждый день, отвѣчалъ *Гаръ*, они одѣвшись берутъ ихъ оружіе, вступаютъ въ кругъ, и другъ друга разсѣкаютъ въ куски; (d) въ томъ то сосшоитъ ихъ увеселеніе;

(d) (И другъ друга разсѣкаютъ въ куски). Изъ сего мѣста *Едды* можно взять воображеніе объ увеселе-

леніе; но коль скоро часъ для стола наступитъ, то они всѣ садятся здоровые и невредимые на коня, и возвращаются для пиршества въ чертоги Одина. И такъ ты имѣешь право сказать, что Одинъ есть величайшій и сильнѣйшій изъ обладателей; что такъ же находится подтвержденнымъ въ

Е 3

сикъ

нѣхъ древнихъ Кельтовъ. Когда не было истинной войны; то они старались насытить чрезъ представленіе сраженій сію чрезвычайную спрасъ, какую они въ себѣ чувствовали къ военнымъ упражненіямъ. Готы чрезвычайно любили пускать стрѣлы, упражняться въ дѣйствованіи оружіемъ, и у нихъ каждый день въ обыкновеніи было то, чтобы представлять сраженія въ ихъ очахъ *Idor. Chronic.* То же самое происходило у Галловъ и у Германцовъ, какъ то явствуетъ изъ нѣкотораго мѣста отрывковъ *Варрона*. Къ сему то употребленію надлежитъ отнести установленіе каруселей. Многія находящагося установленія сего рода, коихъ начало есть не меньше древнее, и перелетъ во мракахъ наиглубочайшія древности, какъ бы то ни говорили нѣкоторые ученые, которые для нихъ гораздо новѣйшія времена поставляютъ, не разсуждая того, что какое обыкновеніе гораздо древнее бываетъ, нежели томъ историкъ, который о томъ говоритъ первый, и что имя и правильнѣйшій видъ, которыя можетъ быть ему даны, не препятствуютъ воображенію истиннаго произхожденія. Въ самомъ дѣлѣ никогда не видѣли, и никогда не увидятъ, чтобы какое знатное обыкновеніе родилось вдругъ изъ ничего, и утвердилось съ успѣхомъ, если что подобное напередъ къ тому не обращало и не приутожило мыслей. Но дабы обратиться къ чертогамъ Одина, то въ содѣствіе находящагося пѣтухъ, для разбуженія ироевъ, чтобы они заблаговременно собрались въ небесной карусели. Въ великій день испроверженія

сихъ стихахъ, сдѣланныхъ въ честь богамъ:
*Дубъ и драфилъ есть величайшій изъ деревъ,
 Одинъ изъ боговъ, Бразъ изъ стицотворцовъ,
 Слейлнеръ изъ коней и проч.*

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ БАСНЯ.

О конѣ Слейлнерѣ, и объ его происхожденіи.

Ганглеръ спросилъ: откуда происходитъ конь Слейлнеръ, о которомъ вы говорили, и кому онъ принадлежитъ? Гаръ ему отвѣчалъ: происхожденіе его весьма удивительно. Однажды нѣкоторый строитель предложилъ богамъ, что онъ соорудитъ въ два времена года столь крѣпкій городъ, что они въ немъ будутъ въ совершенной безопасности отъ набѣговъ всякаго рода великановъ, даже и тогда, когда они уже проберутся сквозь стѣны Линдгарда: но онъ просилъ въ награду богиню Фрею, и сверхъ того солнце и мѣсяцъ. Но долгимъ разсужденіямъ боги съ нимъ договоръ дѣлали съ тѣмъ

сѣмъ его пронизательные крики должны служить первымъ знакомъ приближенія злыхъ духовъ. Сія подробность объявлена въ стихотвореніи *Болуслы*, изъ котораго выходятъ нѣкоторыя полныя черпы огня, сквозь волны дыма. Мѣсто сіе выражено тако. животное, на которомъ блещетъ золотый трепень, пронзило уже своими криками жилище боговъ; оно разбудило ирговъ; они бѣгутъ къ ружью и бѣгутъ къ отцу войскъ. Той ея пѣснь отвѣщаютъ подъ землею плачевныя пѣсни чернато пѣтуха, живущаго съ чертолахъ смерти. Смори Barthol. Antiq. Dan. p. 563.

пѣмъ условіемъ, чтобы онъ окончилъ всю работу не будучи ни кѣмъ помогаемъ, и при томъ во время единыя зимы, и что если останется еще что ни будь дѣлать въ первый день лѣта; то онъ лишится его награды. Строитель услышавъ сіе проишь о томъ, что бы ему позволено было употреблять его коня, и боги по совѣту Лока склонились на его прозбу. Сей договоръ утверждёнъ былъ многими клятвами, и заключёнъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей; ибо безъ сея предосторожности великанъ не думалъ быть въ безопасности между богами; а особливо если Торъ возвратился изъ путешествій учиненныхъ имъ на востокъ для побѣжденія великановъ. И такъ въ первую ночь работникъ приказалъ тащить ужасные камни его коню, и боги видѣли съ удивленіемъ, что сіе животное дѣлало больше работы, нежели самый господинъ онаго. Между пѣмъ проходила зима, и когда она приближалась къ ея концу, то и строеніе непобѣдимого города равномерно къ совершенству достигало; на конецъ когда токмо оставалось шри дни; то работа была совершена, выключая одни двери, кои были еще не вставлены. Тогда боги начали держать совѣтъ, и спрашивали одни другихъ, кто такій былъ между ими, который могъ совѣтовать, чтобы Фрея вышла за мужъ въ страну великановъ, и чтобы погрузить во тьму воздухи и небо, давъ похитить солнце и мѣсяцъ. Они согласно утверждали, что Локъ былъ зачирщикомъ сего злаго совѣта, и что его надлежитъ предать жестокой

Е 4

стокой

спокой смерти, если онъ не найдетъ какого способа, чтобы уничтожить обѣщанную награду работнику. Его тогда часъ схватили, и онъ будучи чрезвычайно устращенъ, далъ клятвенное обѣщаніе, чтобы все по сдѣлать, что только ни пожелаютъ, во что бы то ему ни стало. Въ этотъ же самый вечеръ, когда строитель по обыкновенію его привозилъ камни на его коня, вышла изъ лѣса кобылица, которая призывала коня чрезъ ея ржаніе. Сіе животное коль скоро ея увидѣло, то вошедъ въ ярость разорвало узду и побѣжало за кобылицею; работникъ равномерно хотѣлъ бѣжать за его конемъ; и какъ они оба такимъ образомъ потеряли цѣлую ночь; то работа остановилась даже до другого дня. Между тѣмъ строитель убѣжденный, что нѣтъ другого способа къ совершенію работы, принявъ его естественный видъ, и боги ясно увидѣвъ, что они въ самомъ дѣлѣ съ великаномъ договоръ учинили, не уважали уже ни мало ихъ клятвы, и призвали бога Тора, который тогда часъ прибѣжалъ, и заплатилъ работнику его награду давъ ему ударъ его булавою, которая ему разбила въ куски голову, и ввергнувъ его во адъ. Спустя малое время Локхъ пришелъ рассказывая, что конь строителя произвелъ жеребенка, который имѣлъ осьмнадцать фузовъ; онъ то есть конь называемый Слейпнеръ, который есть наилучшій и превосходнѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ, какихъ имѣютъ боги и люди.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ БАСНЯ

О кораблѣ боговъ.

Ганглеръ сказалъ Гару: вы мнѣ говорили объ одномъ кораблѣ, который былъ наилучшій изъ всѣхъ судовъ. Безъ сомнѣнїя, ошвѣчалъ Гаръ, онъ наилучше и искусственнѣе соспроенъ; но есть еще другїй гораздо большій. Нѣкоторые карлы построили первый, и дали его Фрею. Онъ столь обширенъ, что всѣ вооруженные боги могутъ въ немъ помѣститься. Коль скоро распустятъ его парусы; то онъ несенъ бываетъ благопрїятнымъ вѣтромъ въ то мѣсто, куда ему идти должно. И когда боги не захотятъ плыти; то они могутъ его разобрать на столько малыхъ частей, что можно его сложить и носить въ карманѣ. Этотъ корабль, сказалъ Ганглеръ, въ самомъ дѣлѣ спокоенъ, и неопмѣнно надлежало сокрываться великому искусству и волшебству въ томъ, что бы онъ умѣлъ здѣлать.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ БАСНЯ

О богѣ Торѣ.

Ганглеръ продолжая сказалъ: не случилось ли когда съ Торомъ въ его путешествїяхъ, что онъ былъ побѣжденъ либо подлогами, либо явною силою? Гаръ ошвѣчалъ: мало особъ могутъ тебѣ разсказать, что когда либо произошелъ такіъ случай съ симъ богомъ, и если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ

ЕДДА ИСЛАНДЦОВЪ

побѣжденъ при какомъ сошедствіи ; то о томъ говорить не должно , по тому что весь свѣтъ долженъ думать , что ничто не можетъ сопротивляться его власти ; и шакъ я сдѣлалъ вопросъ , сказалъ Ганглеръ , на которой никто изъ васъ отвѣчать не въ состояніи . Тогда Яфигаръ принявъ рѣчь и ему сказалъ . Мы слышали нѣкоторые слухи по истинѣ мало вѣроятные : ты здѣсь находишься подлѣ нѣкоего такого , которой можетъ о томъ тебѣ сообщить , и ты долже въ ему тѣмъ больше вѣрить , что какъ онъ ни когда еще не лгалъ , то онъ не захочетъ начать теперь , что бы тебѣ рассказывать ложныя вещи . Посмотримъ , прервалъ Ганглеръ ; я ожилаю вашего извѣщенія ; но если вы не удовлетворите предложеннымъ мною вамъ вопросамъ ; то будьте увѣрены , что я васъ объявлю побѣжденными . Гаръ ему сказалъ : такое то начало исторіи , которую ты знаешь хочешь . Однажды богъ Торъ поѣхалъ съ Лохомъ , въ его колесницѣ влекомой двумя козлами , и когда наступилъ вечеръ , то они пошли на ночлегъ къ одному крестьянину . Богъ Торъ тотъ часъ убилъ двухъ его козловъ , и содралъ съ нихъ кожу спалъ ихъ варить . Когда сіе было сдѣлано ; то онъ сѣлъ за столъ для ужина и пригласилъ крестьянина и его дѣтей съ нимъ кушать ; сынъ его хозяина назывался Тіальфомъ ; а дочь Раскою . Торъ ихъ просилъ , что бы они бросили всѣ кости въ кожи сихъ козловъ , которыя разложены были предъ столомъ ; но молодой Тіальфъ желая достать мозгъ разбилъ его ножомъ кость

дяшки одного изъ козловъ. Торъ пре-
 проводивъ ночь всмалъ весьма рано, и одѣв-
 шись поднялъ рукоятку его булавы, что
 коль скоро онъ сдѣлалъ, то оба козла при-
 няли ихъ прежній видъ; но одинъ изъ нихъ
 хромалъ заднею ногою. Богъ видя сие не
 сомнѣвался въ томъ, что бы крестьянинъ
 или кто изъ его домашнихъ не поступилъ
 весьма худо съ костями его козловъ; онъ
 раздраженъ будучи симъ неблагоприятіемъ
 нажмурилъ брови, смотрѣлъ косо, взялъ его
 булаву, и сжалъ ея съ такою силою, что
 составы его пальцевъ побѣлали. Дрожащій
 крестьянинъ боялся, что бы ему не быть
 поверженнымъ однимъ изъ его взоровъ; дѣ-
 ти его съ нимъ соединились, что бы про-
 сить Тора о томъ, дабы онъ имъ простилъ,
 предлагая ему всѣ ихъ имѣнія въ награду
 за учиненный ему вредъ: на конецъ онъ бу-
 дучи тронутъ ихъ чрезвычайнымъ страхомъ
 умирися, и взялъ шокмо съ собою *Гіаль-*
фа и *Раску*. И такъ оставивъ своихъ коз-
 ловъ въ семъ мѣстѣ отправился въ путь,
 что бы притти въ страну великановъ, и
 пришедъ ко берегу моря, переплылъ чрезъ
 оное въ провожаніи *Гіальфа*, *Раски* и *Аска*.
 Первѣй былъ превосходный бѣгунъ, и онъ
 несъ котомку Тора. Когда они ступили нѣ-
 сколько шаговъ; то они увидѣли простран-
 ную долину, въ которой они шли цѣлый
 день, хопя и приведены были до великаго
 недостатка въ сѣбствныхъ припасахъ. Какъ
 ночь наступила; то они искали во всѣхъ
 сторонахъ мѣста, гдѣ бы имъ можно было,
 и на конецъ нашли въ потемкахъ домъ нѣ-
 кото-

котораго великана, коего дверь была столь же широка, какъ одна изъ сторонъ. Тамъ то они препроводили ночь; но когда она прошла около половины, то они почувствовали великое землетрясеніе, которое сильно соприясало весь домъ. Торъ вспавъ звалъ его спутниковъ, чтобы они съ нимъ убѣжища искали; они нашли по правую руку подлѣ находящуюся горницу, въ которую они вошли. Но Торъ стоя у дверей между тѣмъ какъ другіе пораженные страхомъ прятались въ ихъ убѣжищѣ, вооружился его булавою, дабы защищаться при всякомъ случаѣ. Между тѣмъ слышали ужасный шумъ; и когда настало утро, то Торъ вышелъ и увидѣлъ подлѣ себя одного чрезвычайно великаго человѣка, который храпѣлъ всѣми его силами, и Торъ уразумѣлъ, что онъ то-го то происходилъ шумъ, который онъ ночью слышалъ. Онъ потѣ часъ взялъ его бодрствennyй поясъ, который можетъ приращать его силы; но когда великанъ пробудился, то Торъ устрашившись не осмѣлился пускить въ него свою булаву и только спросилъ о его имени. Я называюсь *Скримнеромъ*, отвѣчалъ другій; что же касается до меня, то я не имѣю нужды тебя спрашивать, ты ли богъ Торъ, и ты ли взялъ мою перстчатку? Въ то же самое время онъ распростеръ руку, чтобы ее взять на задъ, и Торъ примѣтилъ, что потѣ домъ, въ которомъ они препроводили ночь, былъ та самая перстчатка; а горница одинъ изъ напалковъ перстчатки. По томъ *Скримнеръ* спросилъ, не имѣетъ ли онъ при себѣ какихъ спут-

спутниковъ? На что когда Торъ отвѣчалъ подтвержденіемъ; то великанъ взялъ свою копомку, и вынулъ нѣчто сѣбѣстное. Какъ Торъ тоже самое сдѣлалъ съ его спутниками, то Скрилинеръ хотѣлъ соединить вмѣстѣ обѣ копомки, и положивъ ихъ на его плечо, началъ дѣлать великіе шаги. Когда они въ вечеру пришли; то великанъ легъ подъ однимъ дубомъ, показывая Тору мѣсто, гдѣ онъ хотѣлъ спать, и говоря ему, что-бы онъ взялъ что ѣсть въ копомкѣ. Въ то же самое время онъ началъ сильно храпѣть. Но Торъ, желая открыть копомку, (о невѣроятное дѣло!) никогда не могъ развязать даже и единого узла; и такъ взявъ съ досады его булаву, бросилъ оную въ голову великана. Сей пробудившись спросилъ, какой листъ упалъ на его голову, и что бы это было такое? Торъ представился, что онъ хочеть ити спать подъ другій дубъ; и какъ уже было около полуночи; то сей богъ услышавъ вновь храпящаго Скрилинера, взялъ свою булаву, и оною ударилъ его въ затылокъ. Великанъ пробудился и спросилъ Тора, не упала ли какая пещинка на голову, и для чего онъ не спитъ? Торъ отвѣчалъ, что онъ заснетъ. Но спустя минуту онъ вознамѣрившись дать его непріятелю третій ударъ, собралъ всѣ свои силы, и ударилъ его булавою въ щеку съ такою силою, что она вошла даже до скулы. Скрилинеръ пробудясь повелъ своею рукою по щокѣ говоря: никакъ сидятъ птицы на семъ деревѣ? и кажется, что на меня перо упало. По томъ онъ прибавилъ:

для

для чего ты не спишь, Торъ? Я думаю, что намъ уже время вставать и одѣваться. Вамъ уже не много осталось пути, что бы пришлѣ въ городъ называемый *Утгардъ*; я слышалъ, что вы другъ другу на ухо говорили, что я довольно великъ станомъ; но вы тамъ увидѣли гораздо еще большихъ, нежели я. Сего ради я вамъ совѣтую, что бы вы туда прибывъ, не много хвастали; ибо въ семь мѣстѣ необходимо терпѣть столь малыхъ людей, какъ вы; и я думаю, что бы для васъ гораздо лучше было то, что бы вы воротились; однако же если вы останетесь при вашемъ намѣреніи, то направьте вашъ путь къ востоку; что же касается до меня, то мнѣ предлежитъ дорога къ сѣверу. По томъ онъ положилъ его котомку на плечо и вошелъ въ лѣсъ. Не слышно было того, что богъ Торъ желалъ ему доброй дороги; но онъ продолжая свой путь съ его спутниками увидѣлъ около полудни городъ, лежавшій по срединѣ обширнаго поля; сей городъ былъ столь высокъ, что не можно было взглянуть на его верхъ, не восклонивъ головы на плеча. Ворота закрѣплены были решеткою, которой Торъ никогда не могъ отворить; но онъ и его спутники прошли сквозь прутья. Они вошедъ увидѣли великіе чертоги, и людей ужасныя величины. По томъ представъ предъ Короля, котораго называли *Утгарда-Локомъ*, учтиво его поздравили. На конецъ Король посмотрѣвъ на нихъ сталъ смѣяться искрививъ свой ротъ весьма дурнымъ образомъ. Теперь весьма поздно, сказалъ онъ, что бы
васъ

васъ спрашивать о долгомъ вами учиненномъ пунѣ; однако, если я не обманываюсь, то сей малый человекъ, котораго я вижу, долженъ быть Торъ: можетъ быть онъ больше, нежели какимъ онъ мнѣ кажется; но дабы мнѣ въ томъ удостовѣриться, прибавилъ онъ, обративъ къ нимъ рѣчь; то нѣсколько посмотримъ, какія суть тѣ искусства, въ которыхъ какъ ты самъ, такъ и твои спутники, особливо себя отличаете; ибо никто не можетъ здѣсь остаться, если онъ не разумѣетъ по крайней мѣрѣ какого искусства, и если онъ въ немъ не превосходитъ всѣхъ другихъ людей. *Лохъ* тогда сказалъ, что его искусство состоитъ въ томъ, что онъ вѣстъ больше, нежели кто другій, и что онъ готовъ выдержать опытъ въ семъ родѣ спора. Въ самомъ дѣлѣ должно признаться, отвѣчалъ Король, что ты не безъискусенъ, если ты можешь сдержатъ свое обѣщаніе, и такъ мы тебя испытаемъ: въ то же самое время онъ приказалъ пригнати одному изъ его придворныхъ, которой сидѣлъ въ спорнѣ на лавкѣ, и назывался *Логомъ* (*Лламъ*), и приказалъ ему соразмѣрить его силы съ *Локомъ* въ вышеобъявленномъ искусствѣ. Тогда приказали поставитъ на столѣ чанъ наполненный мясомъ, и обоихъ спорителей посадили при каждомъ концѣ, которые тотъ часъ начали жрать мясо съ толикою скоростію, что они вскорѣ встрѣтились по срединѣ чана, и принуждены были остановиться; но *Лохъ* бѣлъ отъ его части шокмо мясо, вмѣсто того, что другій жралъ мясо съ костями: и такъ всѣ разсудили, что *Лоха* надлежитъ считать побѣжденнымъ.

ДВАД-

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ БАСНЯ.

Искусство Тіальфа.

Послѣ сего Король спросилъ, что умѣетъ сей молодой человѣкъ, который былъ съ Торомъ? Тіальфъ отвѣчалъ, что онъ будетъ спорить съ кѣмъ изъ его придворныхъ, въ томъ, что онъ скорѣе бѣгаетъ на конькахъ. Король сказалъ, что это весьма хорошее дарованіе; но что ему надлежитъ употребить великое раченіе, что бы остаться побѣдителемъ. И такъ онъ вышелъ, и приведши Тіальфа въ долину, далъ ему молодого человѣка, называемаго Гуго (разумъ или мысль), дабы съ нимъ спорить въ награду за бѣганіе: но сей Гуго шлоко упредилъ Тіальфа, что возвращаясь къ концу, онъ коего они выбѣжали, встрѣшилъ еще его лицомъ въ лицо. Тогда Король сказалъ: въ другій разъ надлежитъ тебѣ быть проворнѣе. И такъ они испытали другое бѣганіе, и Тіальфъ не дальше былъ отъ конца, какъ на одинъ выстрѣлъ, когда Гуго прибылъ къ оному. Они побѣжали въ третій разъ; но Гуго коснулся уже предѣла, когда Тіальфъ не болѣе свершилъ половины дороги. Но томъ всѣ присутствовавшіе закричали, что въ семъ упражненіи довольно уже оказано опытовъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ БАСНЯ.

Опыты выдержанные Торомъ.

Тогда Король спросилъ Тора, въ какомъ знаніи онъ хочетъ показати опытъ его
иску-

искуства столь знаменитаго? Торъ отвѣ-
чалъ, что онъ будетъ спорить съ кѣмъ
либо изъ его придворныхъ въ томъ, кто
изъ нихъ лучше пить можетъ. Какъ ко-
роль на то согласился; то онъ вошелъ въ
чертоги, и сыскалъ великій рогъ, изъ коего
придворные должны были пить сдѣлавъ по-
грѣшность противъ обыкновеній двора. На-
ливашель его наполнилъ, и представилъ
Тору, между тѣмъ, какъ король ему гово-
рилъ: если какій человѣкъ хорошо пьетъ;
то онъ долженъ опорожнить сей рогъ однимъ
разомъ; нѣкоторые то дѣлаютъ въ два; но
нѣтъ уже столь малаго пишука, который
бы его не опразнилъ въ три. Торъ раз-
смотрѣвъ сей рогъ удивился токмо его дли-
нѣ. Однако же онъ имѣя чрезвычайную жа-
жду, началъ пить съ великою силою, и при-
томъ столь долго, пока могъ не переменить
одышки, дабы не быть принуждену въ дру-
гій разъ за то приниматься; но когда онъ
удалилъ рогъ отъ его рта, дабы въ него
посмотрѣть; то едва примѣтилъ, что влаж-
ность уменьшилась. Онъ началъ опять пить
со всѣми его силами, но не далѣе успѣлъ, какъ
и въ первый разъ; на конецъ преисполненъ
будучи гнѣва, приложилъ еще рогъ къ его
устамъ, и чрезвычайно старался объ его
опорожненіи; послѣ сего онъ посмотрѣлъ и
нашелъ, что влажность нѣсколько понизи-
лась, по чему онъ, не желая больше давать
себя испытывать, возвратилъ рогъ. Теперь
видно, сказалъ тогда король, что ты не
столько мужественъ, какъ мы о тебѣ ду-
мали; но хочешь ли ты здѣлать новыя еще

Часть II. Ж поку-

покушенія? По истиннѣ, сказалъ Торъ, такіе разы, какими я пилъ, не будутъ почти-
паться малыми и между богами; но какую
игру вы мнѣ предложить хотите? Здѣсь
есть малая и со всѣмъ не важная игра, въ
коей у насъ упражняются дѣти, отвѣчалъ
ему король; она состоитъ въ поднятіи съ
земли моего коша, и я бы тебѣ объ немъ не
говорилъ, если бы не видалъ того, что ты
не такій, какъ о тебѣ сказываютъ. Въ то
же самое время большой желѣзнодорожный
котъ скотилъ по срединѣ столовой; Торъ
приблизившись подложилъ свою руку подъ
его брюхо, и поднималъ его всѣми своими
силами; но котъ искрививъ спину поднялъ
только одну ногу. Успѣхъ, сказалъ Король,
былъ тотъ, какъ я объ немъ напередъ ду-
малъ; котъ великъ, но Торъ малъ во сравне-
ніи со здѣшними людьми. Если я малъ, от-
вѣчалъ Торъ; то представь сюда кого ни-
будь, съ кѣмъ бы я могъ бороться. Король
услышавъ сіе посмотрѣлъ на всѣ стороны
и сказалъ: я не вижу здѣсь никого, который
бы не считалъ для себя низкимъ, чтобъ съ то-
бою связаться. Но пускай придетъ моя
кормилица Гела (Смерть), дабы бороться съ
богомъ Торомъ; она уже повалила сильнѣй-
шихъ, нежели онъ. Въ ту же минуту без-
зубая старуха вошла въ столовую; епта то
она, сказалъ Король Тору, съ которою ты
долженъ бороться; но когда съ обѣихъ сто-
ронъ происходили великіе удары, и когда
они долгое время мужественно сражались;
то Торъ упалъ на колѣни, и Король прибли-
жившись приказалъ имъ оканчашъ, прибавивъ

то

то, что при его дворѣ нѣтъ никого, который бы могъ съ честію вступить съ нимъ въ бой.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ БАСНЯ.

Изъясненіе о чародѣянїи.

Торъ препроводилъ въ семь мѣстѣ ночь съ его спутниками, и на другій день по утру рано приготовился къ отшествію; но Король приказалъ его призвать, и далъ ему великолѣпное пиршество, послѣ котораго проводилъ онъ Тора за городъ. Какъ они готовились къ прощенію; то Король спросилъ у Тора, что онъ думаетъ объ успѣхѣ его путешествія. Торъ ему отвѣчалъ, что онъ не можетъ заперешься, что бы онъ не выходилъ отъ него со стыдомъ и съ великимъ неудовольствіемъ. И такъ надлежитъ, сказалъ Король, открыть вамъ нынѣ истинну, по тому что вы находитесь за нашимъ городомъ, въ которой вы никогда не войдете, пока я буду жить и государствовать. Я васъ такъ же увѣряю, что если бы я зналъ, что вы имѣете толико силъ; то бы я не впустилъ васъ въ оный, но я васъ обворожилъ моими очародѣніями съ начала въ лѣсъ, въ которомъ я съ вами встрѣтился, ибо вы не могли развязать вашей кошмки, по тому что я ее заперъ волшебною цѣпью; по томъ вы хотѣли ударить меня три раза вашею булавою; перьвый бы ударъ, хотя и легкій, могъ меня повергнуть, если бы я его

Ж 2

полу-

получилъ; но если вы отсюда выйдете; то найдете весьма великій камень, въ которомъ находятся три четвероугольные ямы, и одну изъ нихъ чрезвычайно глубокую, сїи то суть мѣста, въ кои ваша булава ударила, по тому что я находился тогда по зади камня, котораго вы не могли видѣть. Я употреблялъ тѣ же самыя чародѣянїя въ сраженїяхъ, которыя вы выдержали съ людьми моего двора. Въ первомъ *Лохъ*, сожралъ какъ голодный всю часнь; но *Логъ*, его соперникъ, былъ блудящїй огонь, который вскорѣ сѣлъ мяса, кости, да и самый чанъ. *Гуго*, спорившїй о наградѣ въ бѣгствѣ противъ *Тіаляфа*, былъ мой духъ, и невозможно было, что бы *Тіаляфъ* въ быстротѣ съ нимъ сравнился; когда вы хотѣли опорожнить рогъ, то вы поистиннѣ здѣлали чудо, которому бы я не повѣрилъ, если бы самъ не видѣлъ; ибо одинъ изъ концовъ рога простирался даже до моря, чего вы не примѣтили. И когда вы въ первый разъ пойдете на берегъ моря; то вы увидите, сколько оно уменьшилось. Вы не меньшее учинили чудо поднявъ копа, и что бы вамъ сказать истинну; то мы увидѣвъ, что одна изъ его ногъ оставляла землю, были всѣ чрезвычайно удивлены и устращены; ибо представлявшїйся вамъ копъ былъ въ самомъ дѣлѣ великій змїй окружавшїй всю земаю, и тогда онъ едва былъ довольно длиненъ, что бы его хвостъ и его голова прикасались еще къ землѣ; столько то ваша рука поднимая его приблизила къ небу. Что касается до вашей борьбы со старухою; то удивительно, что она повадилась

лила васъ токмо на колѣни; ибо вы сражались противъ смерти, и не токмо что теперь нѣтъ, но даже и никогда не будетъ такія особы, которыя бы она на конецъ не побѣдила. Но какъ мы теперь другъ друга оставляемъ: то я вамъ объявляю, что равнобрно для насъ будетъ полезно то, что бы вы больше ко мнѣ не приходили; а если вы то здѣлаете, то я буду еще защищаться другими чародѣянїями, такъ что вы никогда не въ силахъ будете что либо противъ меня здѣлать. Какъ онъ говорилъ сіи слова, то Торъ вознегодовавъ взялъ свою булаву и хотѣлъ ея бросить въ Короля; но сей исчезъ, и богъ желая возвратиться къ городу для разрушенїя онаго, нашелъ токмо обширныя поля покрытыя зеленью. И такъ онъ продолжая свой путь пришелъ не отдыхая въ его чертоги.

Примѣчанїя

НА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЮ И СЛѢДУЮЩІЯ БАСНИ.

Я не хотѣлъ ни мало умолчать о басняхъ, которыя теперь читали, сколь они съ начала маловажными ни могли казаться, какъ для того, что бы мой подлинникъ былъ полнымъ такъ и по тому, что они мнѣ не показались совершенно бесполезными, что бы представить тѣмъ болѣе разумъ древнихъ Европейскихъ народовъ. Выше видѣли, что Тора почитали благоприятнымъ божествомъ для людей и покровителемъ

вителимъ ихъ противъ великановъ и злыхъ духовъ. То довольно достопамятно, что сей же самой богъ былъ здѣсь подвергнутъ очародбѣніямъ, сѣтямъ, и испытаніямъ, и что злое начало его преслѣдуетъ. *Утгарда Локе* значитъ *Локе* или *Дѣмона* изовѣ. Вся ли сія басня выдуманна по трудамъ *Иракла*? вообще столь малое находится сходство между иконословіями Грековъ и сѣверныхъ народовъ, что я не могу уважить несовершеннаго содержанія, которое находится между сими двумя баснями. Я въ томъ удостоверенъ, что гораздо надежнѣе искать тому начала въ вѣрѣ распространенной нѣкогда въ Персіи, и въ сосѣднихъ странахъ, опкулѣ, какъ древнія наши лѣтосчисленія насъ наставляють, вышли *Одинъ* и его спутники. Тамъ то родилось ученіе добраго и злаго начала, коего споры видятъ здѣсь выраженными аллегорическимъ образомъ.

Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что сіе ученіе принесенное въ сѣверъ поселившимися тамъ Асіатцами, получило столь ребяческія обстоятельства переходя попеременно чрезъ уста стихотворцовъ, единыхъ соблюдателей мнѣній сихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторомъ изъ сихъ прибавленій находятъ то, что называютъ вкусомъ земли; сіе сраженіе, напримѣръ, кто лучше будетъ ѣсть и пить, кто скорѣе будетъ бѣгать на льду, сіи роги, изъ которыхъ придворные должны были пить, если они впадутъ въ погрѣшность, и нѣкоторыя другія подобныя черты. Но ничто толικο не обнажаетъ восточное и таинственное основаніе

нїе, какъ сія борїба Тора со смертію, или со старосшію, коюрой онъ кажется плавающимъ мимоходную дань упавъ на колѣни, а по томъ поднявшись. Въ слѣдующей басни онъ соблюдаетъ, какъ и во всемъ семъ иконословїи, умоначерпанїя и должности, какїя ему съ начала приписаны были. Онъ пошелъ на сраженіе съ великимъ змїемъ, симъ чудовищемъ возродившимся отъ злаго начала, и непрїязненнымъ богамъ и людемъ; но онъ не прежде надъ нимъ совершенно шоржествовать будетъ: какъ въ послѣдній день, когда онъ поразивъ его и опсупивъ на девять шаговъ, навсегда испребитъ оное.

Безъ сомнѣнїя мало находится способовъ къ толкованїю болѣе обоюднаго, болѣе подверженнаго злоупотребленїю, и болѣе презрительнаго, какъ того, что изображено аллегорїею. Но оборотъ разума, коюрой кажется сказывавшимъ все сіе иконословїе, и сіи значащїя имена, которыя въ немъ употребить стараются, не предписываютъ ли намъ того, что бы мы пользовались ими въ семъ случаи? сверхъ того не должно позабывать того, что стихотворцы намъ оное оставили, и при томъ еще вдругъ восточные и Кельтскїе. Сколько здѣсь права къ тому, что бы ничего не сказать простымъ и естественнымъ образомъ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ БАСНЯ

О лутешествіи, воспріятѣмъ Торѣмъ,
что бы поймать великаго змѣя.

Я понимаю изъ вашихъ повѣствованій, сказалъ Ганглеръ, что власть сего Короля, о которомъ вы говорили, должна быть весьма великою, чему сильнымъ доказательствомъ служитъ то, что онъ имѣетъ придворныхъ, столько искусныхъ во всякомъ родѣ. Но скажите мнѣ, опмстилъ ли когда Торъ сію обиду? Мы знаемъ, отвѣчалъ, Гаръ [хотя и никто о томъ не говорилъ] что Торъ вознамѣрился напасть на великаго змѣя, если бы токмо представился случай; чего ради онъ предпріять новое путешествіе, и вышелъ изъ Асгарда въ видѣ молодаго человѣка, дабы притти къ великану Гимеру. Онъ туда прибывъ, просилъ сего великана, что бы онъ ему позволилъ сѣсть съ нимъ въ его судно, когда онъ поѣдетъ для ловли. Великанъ ему отвѣчалъ, что мальчикъ ни мало ему служить не можетъ, и что онъ умретъ отъ спужи, если онъ, по его обыкновенію, достигнетъ до высокаго моря. Торъ отвѣчалъ, что онъ ничего не боится, и у него спросилъ, что онъ употребляетъ для приманы. Гимеръ ему сказалъ что бы онъ самъ что либо къ тому искалъ. И такъ Торъ приблизился къ стаду воловъ, принадлежавшему великану, и схвативъ одного изъ сихъ животныхъ оторвалъ ему голову рукою, и возвратившись къ судну, на которомъ былъ Гимеръ, оба вмѣстѣ сѣли. Торъ занялъ средину судна, приводя въ движе-

движеніе вдругъ оба весла; *Гилмеръ*, которой
равномѣрно гребъ на кормѣ, съ удивленіемъ
смошрѣлъ на то, что *Торъ* столь быстро
гналъ судно, и онъ ему сказалъ, что они
уже приѣхали къ мѣсту, признанному по
положенію береговъ наиспособнѣйшимъ къ
ловлѣ плоскихъ рыбъ. Но *Торъ* увѣрялъ,
что надлежитъ ѣхать гораздо дальше,
такъ что они гребли еще долгое время да-
же до тѣхъ поръ, пока *Гилмеръ* сказалъ, что
если они далѣе еще подадутся, то они не
будущъ въ безопасности противъ великаго
змѣя. Но не взирая на сіе *Торъ* упорно хо-
тѣлъ еще грести, и въ досаду великана
онъ остановился весьма поздно. Тогда вы-
нувъ чрезвычайно крѣпкую лѣсу привязалъ
къ оной воловью голову, и бросилъ въ
море. Какъ приманка дошла до дна; то
змѣй будучи жаденъ къ сей головѣ, хо-
тѣлъ оную сожрать; крюкъ же увязъ
у него въ небо. Но вскорѣ какъ боль за-
сѣлавила его сильно двигаться; то *Торъ* при-
нужденъ былъ крѣпко держаться обоими
руками за поддерживательны весла; но си-
ла, которую онъ напрягалъ свое тѣло, при-
чиною была тому, что его ноги пробили
судно, и прошли даже до глубины моря ме-
жду тѣмъ, какъ онъ своими руками тащилъ
змѣя на его судно. Не лѣзя извяснить тѣхъ
страшныхъ взоровъ, которые сей богъ бро-
салъ на змѣя, между тѣмъ какъ змѣй поднимъ
голову дышалъ противъ его ядомъ. Ве-
ликанъ *Гилмеръ* видя съ ужасомъ то, что во-
да входила со всѣхъ сторонъ въ его судно,
перерѣзалъ веревку уды въ то время, когда

Торъ хотѣлъ змѣя поразить булавою. Тогда чудовище упало на дно моря; однакоже нѣкоторые прибавляютъ, что Торъ бросилъ за нимъ булаву, и разбилъ ему голову въ волнахъ. Но надежныѣ говорящѣ, что оно живешъ еще и нынѣ въ водахъ. По томъ Торъ ударилъ кулакомъ великана подлѣ уха, которымъ сбросилъ онъ сперва голову его въ море, послѣ чего онъ самъ доплылъ до матерой земли.

ДВАДЦАТЬ ОСМАЯ БАСНЯ.

О Балдерѣ Доброму.

По истиннѣ, сказалъ Гингль, Торъ одержалъ весьма хорошую побѣду. Сонъ, который однимъ вечеромъ представлялся Балдеру, заключаетъ еще въ себѣ гораздо важнѣйшее, описывая Гаръ: сему богу показалось, что его жизнь должна быть въ великой опасности; а какъ онъ рассказалъ сей сонъ другимъ богамъ, то они согласились, что бы учинить заклинаніе всѣмъ опасностямъ, которыми Балдеръ былъ угрожаемъ. И такъ Фригга испребовала клятвы онъ огня, онъ воды, желѣза и другихъ крушцовъ, камней земли, деревъ, живописныхъ, птицъ, болѣзней, рыбы и онъ червей, что бы они ни малаго зла не дѣлали Балдеру (а). Какъ сіе было
здѣ-

Примѣчанія

НА ДВАДЦАТЬ ОСЬМУЮ БАСНЮ.

(а) Что бы они ни малаго зла не дѣлали Балдеру. Известно, когда читали древнія любовныя приключе-

здѣлано; то боги и *Балдеръ* самъ забавлялись тѣмъ въ ихъ великихъ собраніяхъ, что бросали въ *Балдера* одни стрѣлы, другіе камни, а третіе давали ему удары мечемъ. Но что бы они ни дѣлали; однако же не могли его ранить, что почитали великою честію для *Балдера*. Но *Лохъ* возбужденный завистію, пошелъ во образѣ постороння женщины въ чертоги *Фригги*, и сія богиня ея увидѣвъ спросила, въ чемъ боги наиболѣе упражняются въ ихъ собраніи. Притворная старуха сказала, что боги бросаютъ стрѣлы и камни въ *Балдера*, не причиняя ему никакого зла. Да, прервала *Фригга*, и металлическія ни деревянныя оружія, не могутъ для него быть смертельными; ибо я испробовала клятву обо всѣхъ сихъ вещахъ. Какъ? сказала женщина, развѣ всѣ вещи вамъ клялись изъявленіемъ тѣхъ же самихъ честей

нѣя, что находились волшебники и волшебницы, которые столь хорошо завораживали коня и мечи, что они не могли больше дѣлать ни какого вреда. Чернь не вездѣ еще оставила сіе смѣшное мнѣніе. Наши древнія сѣверныя исторіи наполнены къ тому относительными чертами. *Саксонъ* Кн. 6. насъ увѣряетъ, что нѣкопторый боецъ именемъ *Висинъ* завораживалъ мечи единымъ взглядомъ. Нѣкоторые Рунические почерки производили сіе дѣйствіе; но вообще волшебницы и богини превосходили въ семъ изрядномъ искусствѣ; а *Фригга* оное разумѣла въ высокой степени: здѣсь видно, что она завораживала все, что токмо ни хотѣла. *Тацитъ* означающій ея чрезъ названіе *Матъ болъвъ* (*Едда* даетъ ей сіе имя въ разныхъ мѣстахъ) говоритъ такъ же о власши, какую она имѣла въ покровительствованіи ея обожашелей посредъ

шей *Балдеру*? Единный только находится кустарникъ, отвѣчала *Фригга*, растушій въ западной сторонѣ *Валгалла*, который называющіи *Мистилейиномъ*; отъ коего я не хотѣла пребывать кляшвы, по тому что онъ мнѣ показался весьма молодымъ и весьма слабымъ. Старуха исчезла сіе выслушавъ, и принявъ видъ *Лоха* вырвала кустарникъ съ корнемъ, и послѣ того пошла въ собраніе боговъ. Въ ономъ сидѣлъ на сторонѣ *Годеръ* ничего не дѣлая, по тому что онъ былъ слѣпъ. *Лохъ* приближившись у него спросилъ, для чего ты равномерно не бросаешь стрѣлъ въ *Балдера*? для того, отвѣчалъ другій, что я слѣпъ и безъ оружія. Сдѣлай то же, что и другіе, отвѣчалъ *Лохъ*, воздай честь *Балдеру* бросивъ въ него сію палочку, я тебѣ покажу мѣсто, гдѣ онъ находится. И такъ когда *Годеръ* взялъ *Мистель* (b), и какъ *Лохъ* на-
пра-

стрѣлъ, пущенныхъ ихъ испріятелями. Matrem Deum venerantur (Aestyi) insigne superstitionis formas aprorum gestant. Id pro armis omniumque tutela secorum Deae cultorem etiam inter hostes restat.

- (b) Когда взялъ *Мистель*. Если Скандинавы были различный народъ отъ Германцевъ, Германцы отъ Галловъ, а Галлы отъ Бретонцевъ; то откуда бы произошло сіе особенное сходство находящееся между ими даже и во мифіяхъ, которыя единое своеяравіе могло выдумать? Я привожу сіе разсужденіе оправдающее заглавіе иконословія Кельпскаго, которое я далъ Еддѣ, и я сіе повсюду при случаѣ сего мѣста. Въ ономъ видятъ, что Скандинавы, равно какъ Галлы и Бритоны приписывали *Мистиль* нѣкоторую божественную силу. Ми-

правиль его руку; то онъ ея бросилъ въ *Балдера*, которой ею насквозь былъ проколотъ и упалъ безъ жизни: не видано еще никогда ужаснѣйшаго пресупленія ни между богами, ниже между людьми. Какъ *Балдеръ* умеръ; то боги находились безъ языка и безъ силы, и они не осмѣлились мстить изъ почтенія къ тому мѣсту, въ коемъ они были. И такъ всѣ утопали въ наиглубочайшей печали, а особливо *Одинъ*, которой чувствовалъ больше, нежели другіе, претерпѣнную ими потерю. Какъ ихъ соболѣзнованіе нѣсколько утишилось; то опнесли тѣло *Балдера* къ морю, гдѣ былъ корабль сего бога, почитаемый наивеличайшимъ изъ всѣхъ. Но боги, желая пусшить его на воду, что бы изъ него здѣлать срубъ *Балдеру*, не могли его подвинуть; чего ради они призвали изъ страны великановъ нѣкоторую волшебницу, которая приѣхала верьхомъ на волкъ, употребляя змѣй въсто узды. Какъ она signals на землю; то *Одинъ* приказалъ приипи чешыремъ великанамъ для охраненія шокмо

стила, а особливо дубовая, почитаема была не шокмо у однихъ Галловъ, какъ то часто говорили безъ основанія, но и у всѣхъ Кельтскихъ Европейскихъ народовъ. Жители Голштиніи и соседнихъ странъ называютъ ея еще и теперь *Марен-таккенъ*, вѣтвѣю привѣдений, безъ сомнѣнія по причинѣ ея волшебныхъ силъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верхня Германіи чернь соблюла еще обыкновеніе, которое и нынѣ отправляется во многихъ Французскихъ провинціяхъ. Молодые люди въ началѣ года ударяютъ двери и окошка домовъ крича *Гутиль*, что значить *Мисиль*. См. Keyfser antiquis

мо ея сбруи, и она ему показалась столь страшною, что онъ прежде ея хотѣлъ овладѣть, если бы они могли ея повергнуть; ибо, говорилъ онъ, если вы ея не можете бросить на землю, то вы не въ силахъ ея держать. Тогда волшебница наклонившись подъ носъ корабля, однимъ разомъ пустила оный на воду, такъ что выходили искры подъ деревомъ ошъ сильного влаченія и земля тряслася. Торъ разгорячившись видя сѣю старуху, взявъ свою дубину, и ей бы разбилъ голову, если бы боги его не умилили чрезъ ихъ прозьбы. И такъ когда тѣло Балдера опнесено было на корабль; то зажгли костеръ, и Нанна его супруга, умершая съ печали. вмѣстѣ съ нимъ созжена; Торъ при томъ присутствовавшій освятилъ огонь его булавою, и бросилъ въ оный Карла, который обыкновенно предъ нимъ бѣгалъ и который ошъ него былъ созженъ. При семъ обрядѣ, кромѣ всѣхъ боговъ и всѣхъ богинь, находилось еще великое число великановъ. Одинъ положилъ на срубъ золотое кольцо, которому онъ по томъ далъ способность въ каждую девяную ночь, производить осьмъ колецъ равныхъ тяжести. Конь Балдера равномерно былъ созженъ въ томъ же пламени съ тѣломъ его господина (с).

ДВАД-

Sept et cell p. 304. и слѣд. Древнѣе Италійцы держались тѣхъ же мыслей. Алпійанъ сохранилъ намъ нѣкоторые стихи ошъ древняго стихотворца Лемия, въ коихъ мистиль приведена какъ одна изъ тѣхъ вещей, которыя могутъ человека дѣлать волшебникомъ Apul. Apolog prior.

- (с) Созженъ съ тѣломъ его господина. Я бы могъ здѣсь едѣлашь разныхъ примѣчанія о похоронахъ древнихъ

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ БАСНЯ.

О лутешествіи Гермода во адѣ.

Какъ такимъ образомъ *Балдеръ* погибъ; то *Фригга* его мать приказала повсюду объявлять, что шотъ изъ боговъ, который захочетъ ити во адъ, дабы тамъ искать *Балдера*, и предложить смерти выкупъ, какого она потребуетъ для возвращенія его жизни, заслуживъ всю ея любовь. *Гермодъ* прозванный *проворнымъ*, сыномъ *Одина*, хотѣлъ приняться за сіе дѣло; онъ просилъ для сего коня у *Одина*, и сѣвъ на онаго уѣхалъ. Во время девяти ночей и дней онъ путешествовалъ въ глубокихъ долинахъ и столь мрачныхъ, что не прежде началъ видѣть свѣтъ, какъ приѣхавъ къ рѣкѣ *Гяллу*, чрезъ которую онъ переправился по мосту, коего кровля покрыта была золотомъ блестящимъ. Охраненіе сего моста препоручено было дѣвицѣ

Скандинавовъ, а особливо о семъ срубѣ, на которомъ вдругъ сожигали жену, раба и коня, съ тѣломъ того, который былъ ихъ владѣтелемъ: но обстоятельства и предметъ сего варварскаго обыкновенія предложены были, по моему мнѣнію, довольно проспиранно во введеніи въ *Датскую исторію*. Не болѣе нужно такъ же замѣтить и то, что не то, что сказано въ семъ сочиненіи о правахъ и обыкновеніяхъ сего древняго народа, подтверждено *Еддою*, или еще въ слѣдующихъ статьяхъ подтверждено будешъ. Какъ обѣданы были доказательствъ; то можно прямо уѣрять, что тѣ, кои прочтутъ со вниманіемъ какъ то, такъ и другое сочиненіе, въ томъ признаются, что вѣрно старались здержать свое слово.

дѣвицѣ, именемъ *Модъ Гудуръ* (противницѣ боговъ). Когда она увидѣла *Гермодъ*; то спросила объ его имени и его поколѣнии, прибавляя, что предвѣдущаго дня прошли по сему мосту пять конныхъ ротъ мертвецовъ, которые его не заспавили толико дрожать подѣ ними, какъ онъ единый; и сверхъ того, при-
 совокупила она, ты не имѣешь такого цвѣта, какій долженъ имѣть мертвецъ: и такъ что ты хочешь дѣлать во адахъ? *Гермодъ* отвѣчалъ: я иду искать *Балдера*, не видѣла ли ты его здѣсь? *Балдеръ*, отвѣтство-
 вала она, прошель по сему мосту: но дорога мертвецовъ находится ниже къ сѣверу. И такъ *Гермодъ* продолжалъ его путь, пока онъ не приѣхалъ къ оградѣ адовъ; тогда онъ сошелъ съ коня, прикрѣпилъ сѣдло и сѣвъ опять далъ шпоры; тогда часъ конь перескочилъ ограду не припрунувшись ни мало ногами. Онъ вошедъ увидѣлъ *Балдера* его брата, сидящаго въ отличнѣйшемъ мѣстѣ чертоговъ, и онъ тамъ препроводилъ ночь. На другой день по утру просилъ онъ *Гелу* (смерти), что бы она позволила *Балдеру* съ нимъ возвратиться, увѣряя, что всѣ боги чрезвычай-
 но опечалены были его смертію. Но *Гела* ему отвѣчала, что она хотѣла знать, справедливо ли было то, что *Балдеръ* толико любимъ былъ отъ всѣхъ вещей въ свѣтѣ, какъ то ей говорили; и что слѣдовательно она желаетъ, что бы всѣ одушевленные и неодушевленные вещи оплакивали его смерть, что въ семъ случаѣ она отпустилъ его къ богамъ, и что напротивъ того она его задержитъ, если хоть единая вещь плакать
 по

по немъ отречется. По томъ *Гермодъ* вспаль, и *Балдеръ* проводивъ его внѣ *Чертоговъ*, и взявъ его золотое кольцо, вручилъ ему оное, что бы онъ отдалъ его *Одину* въ знакъ воспоминаенія. *Нанна* равнобрно послала къ *Фриггъ* одинъ наперстокъ золотый, и многіе другіе дары. И такъ *Гермодъ* пустился въ путь къ *Асгарду*, и шуда приѣхавъ объявилъ точно богамъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ.

И такъ боги отправили пословъ по всему свѣту, приказавъ имъ просить о томъ, что бы вездѣ плакали, дабы избавить *Балдера* изъ адовъ. Всѣ вещи на то охотно согласились, люди, звѣри, земля, камни, деревья и крушцы; и когда всѣ сїи вещи вмѣстѣ плакали, то сїе представляло какъ бы общее наводненіе. Посланники тогда возвращались, думая, что они хорошо исполнили препорученное имъ дѣло; но они нашли дорогу, которая вела въ пещеру одной волшебницы, которая называлась *Токою*; какъ посланники ея просили, что бы она плакала для избавленія *Балдера*; то она имъ отвѣчала сими стихами. „*Тока* будетъ о-
„плакивать сухимъ окомъ срубъ *Балдера*; пу-
„скай *Гела* удерживаетъ ея добычу.„ Ду-
маютъ, что сїя волшебница была самъ *Локъ*,
который не переставалъ дѣлать зло дру-
гимъ богамъ. Онъ былъ причиною, что *Балдеръ* былъ убитъ, и онъ еще былъ виною и тому, что онъ не могъ освобожденъ быть отъ смерти.

Часть II.

3

При-

Примѣчаніе

НА ДВАТЦАТЬ ДЕВЯТУЮ БАСНЮ.

Балдери не будучи убитъ сражаясь, долженъ былъ ити, какъ и всѣ тѣ, кои умираютъ отъ болѣзни, въ жилище смерти. *Саксонъ Грамматикъ* говоритъ о томъ же самомъ приключеніи съ нѣкоторыми отличными приключеніями Кн. III. стр. 43. Сіе кажется доказывающимъ то, что у обоготворенныхъ Асіатцевъ произошло какое приключеніе, изъ котораго стихотворцы здѣлали эту басню, которую теперь читали. *Лока* и *Гела* представляютъ здѣсь весьма хорошо ихъ лице. Не вышло еще изъ употребленія между чернѣю княжества *Шлезвигскаго*, если можно вѣрить *Арихилу*, что она смерть особливо воображаетъ, и даетъ ей имя *Геллы* или *Гела*. И такъ что бы сказать, что зараза находится въ какомъ мѣстѣ; то говорятъ, что *Гела* тамъ прогуливается, или что *Гела* туда прибыла; и что какій человѣкъ здѣлалъ договоръ съ *Гелою*, если онъ лежитъ въ болѣзни, которую смертельною почитаютъ. Отъ сего то имени взято еще и то, которое означаетъ адъ на Сѣверныхъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Смори *Arnkjel in cimbria*, с. 9. §. 2. р. 55 *Keiftl. Antiq.* р. 180.

ТРИДЦАТАЯ БАСНЯ

Бѣгство Лока.

На конецъ боги будучи чрезвычайно огорчены противъ *Лока*, принудили его къ бѣгству,

ству, и онъ сокрылся въ гору, гдѣ онъ соорудилъ домъ, открытый со всѣхъ сторонъ, изъ котораго онъ могъ видѣть то, что происходило во всемъ свѣтѣ. Часто онъ скрывался посредѣ дня въ видѣ сома въ рѣчныя воды, и тамъ онъ старался угадать и предупредить хитрости, какія боги могли употребить, что бы его поймать въ рѣкѣ. Однажды, когда онъ находился въ его домѣ; то онъ взявъ нитки, сдѣлалъ изъ нихъ такія сѣти, какія послѣ того выдумали рыбаки; однако же Одинъ увидѣвъ съ верха его высокаго терема то мѣсто, въ которое ушелъ Лохъ, отправился къ нему съ другими богами. Но Лохъ открывъ ихъ путь тотъ часъ бросилъ его сѣть въ огонь, и спрятавшись въ рѣкѣ. Какъ боги приближались; то Квасеръ наипроницательнѣйшій изъ всѣхъ, открылъ въ горячемъ пепелѣ слѣды сожженныхъ сѣти, и уразумѣлъ чрезъ то изобрѣтеніе Лоха. Какъ онъ сіе показалъ другимъ богамъ; то они начали дѣлать сѣть по тому образцу, который видѣнь былъ въ пепелѣ, и бросили оную въ воду той рѣки, въ которой Лохъ скрывался: Торъ держалъ одинъ конецъ сѣти; а всѣ боги вмѣстѣ другій, и такимъ образомъ они ея тянули въ доль по рѣкѣ. Между тѣмъ какъ Лохъ скрывался между двумя камнями; то сѣти провели чрезъ оныя не захвативъ его, и боги токмо чувствовали то, что нѣчто живущее къ сѣти прикоснулось; и такъ они ея бросили въ другій разъ, привязавъ къ ней столь великую тяжесть, что она вездѣ влокалась по дну; но Лохъ спасся вынырнувъ скоро.

скоропостижно на поверхность воды, и по томъ опять нырнувъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала пороги. И такъ боги пошли вновь къ сему мѣсту и раздѣлились на двѣ шайки: Торъ идучи въ водѣ слѣдовалъ за сѣтью, которую они такимъ образомъ тащили даже до береговъ моря. Тогда *Лохъ* чувствовалъ опасность, которая ему угрожала, какъ желая спастись въ морѣ, такъ и избѣжать сѣти; но онъ принялъ сіе послѣднее намѣреніе, и скочилъ изъ всѣхъ его силъ чрезъ сѣть; однако Торъ побѣгнувъ за нимъ схватилъ его своею рукою: но не взирая на сіе, онъ бы безъ сомнѣнія ушелъ, будучи чрезвычайно склизокъ, если бы Торъ не поймалъ его за хвостъ; и сія то причина есть тому, что у сомовъ съ сихъ поръ часть сія сползаетъ тонкою сдѣлалась.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ БАСНЯ.

О наказаніи *Лока*.

Когда *Лохъ* такимъ образомъ былъ пойманъ, то его тащили въ пещеру безъ милосердія. Боги схватили такъ же и его дѣтей: первый будучи перемѣненъ въ лютаго звѣря чрезъ боговъ растерзалъ и сожралъ его брата. Боги дѣлали изъ его внутренностей узы для *Лока*, привязавъ его къ тремъ острымъ камнямъ, изъ которыхъ одинъ давилъ ему плеча, другій бока, а третій подборода; и сіи узы послѣ того перемѣнены въ желѣзныя цѣпи. Сверхъ того *Скадъ* повѣ-

повѣсила на его голову змѣя, коего ядѣ па-
даешъ каплями на его лице. Но *Сигнѣя* си-
дѣшъ подлѣ его, и принимаетъ сѣи слезы въ
чанѣ, который она опоражниваетъ, коль
скоро онѣ наполнятся: въ сѣе время ядѣ па-
даешъ на *Лоха*, что его заставляетъ выпѣ
и пряснись сѣ толикою силою, что вся зем-
ля колеблется, и сѣе то называютъ между
людьми землетрясеніемъ; онѣ тамѣ останет-
ся въ оковахъ даже до дня мракѣ бо-
говъ.

Примѣчанія.

НА ТРИДЦАТЬ ПЕРВУЮ БАСНЮ.

На конецъ *Лоха* выведши боговъ изъ шер-
пѣнѣя, заставилъ ихъ его схватить и на-
казать. Основаніе сего мѣнѣя принадлежа-
ло почти всѣмъ древнимъ народамъ; но каж-
дый оное прикрасилъ или перемѣнилъ по
своему образу. Въ томъ не лѣзя сомнѣвать-
ся, что бы наши Скандинавы не взяли изъ Асіи
такого мѣнѣя, которое каж. лся тамъ бытъ
распространеннымъ сѣ весьма древнихъ вре-
менъ. Въ книгѣ мнимаго пророчества *Еноха*
находятся подробности весьма подобныя
тому, что мы теперъ здѣсь читали. Какъ
взбунтовавшіеся ангелы не преставали дѣ-
лать многихъ безпорядковъ, то богъ при-
казалъ Архангелу *Рафаилу* связать руки и
ноги одному изъ главнѣйшихъ между ими,
именемъ *Азазелл*, бросить его въ темное мѣ-
сто бездны, и тамъ держать его привязан-
нымъ къ острымъ камнямъ даже до послѣдня-

го дня: можно такъ же догадываться смѣло, что басни о *Промеѣи*, *Тифонѣ* и объ *Енхелаѣ* происходящѣ отъ тогоже самаго источника, хотя снѣй надлежитъ искать въ священной исторіи худо выразумѣнной и избраженной, либо въ другихъ въ забвеніе пришедшихъ приключенійхъ, или токмо въ древнемъ обыкновеніи, что бы скрывать всѣ наставленія, подъ покровомъ аллегоріи, которое свойственно всѣмъ народамъ, коихъ разумъ еще въ отроцествѣ находится; но наипаче жителямъ восточнымъ. Какъ все раченіе ученыхъ не могло дополнить недостапка нужныхъ достопамятностей; то я токмо показываю главнѣйшія основанія ихъ догадокъ. Если бы я оныя приводилъ, ихъ уважалъ, и обращалъ къ сей басни *Едды*; то бы сіе причинило трудъ довольно великій, мало пріятный, а еще больше бесполезный, за который бы весьма не многіе читатели были въ разсужденіи меня нѣсколько довольными.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ БАСНЯ.

О сумеркѣ боговъ.

Ганглеръ сказалъ, что вы мнѣ можете обѣдвить о семъ днѣ? *Гаръ* ему отвѣчалъ: много вещей, и при томъ еще великихъ можно тебѣ объ немъ сказать. Во первыхъ наступитъ великая зима, во время которыхъ будетъ падать снѣгъ съ четырехъ сторонъ свѣта. Морозъ будетъ силенъ, погода бурливая и опасная,

ная, и солнце свой блескъ сокроешь. Три равныя зимы послѣдуютъ за нею, и ни какое лѣто ихъ умѣрять не будетъ. Сверхъ того пройдутъ еще три, во время которыхъ весь мѣръ будетъ въ войнѣ и въ несогласіи; братья станутъ убивать другъ друга по злости; и никто не пощадитъ своего отца или своего сына, или другихъ своихъ родственниковъ: такъ о семъ сказано въ *Волуслѣ*. „Братья будутъ убивать другъ друга, и здѣлаются смертоубійцами. Родственники забудутъ права крови. Жизнь омерзѣетъ и кровѣ прелюбодѣянія ничего больше не увидятъ. О варварскій, о пагубный вѣкъ! о вѣкъ бурь и волковъ! щипы будутъ изломаны въ куски, и бѣдствія послѣдуютъ даже до паденія міра.„ Тогда произойдутъ такія вещи, которыя можно назвать чудами. Волкъ *Фенрисъ* пожретъ солнце, что всѣ люди будутъ почитать великою потерею. Другое чудовище похититъ мѣсяцъ, и учинитъ оный со всѣмъ бесполезнымъ; звѣзды исчезнутъ на небѣ: тогда узнаютъ, что земля и горы суть сильно поколебаны; увидятъ деревья исторгнутыми изъ земли, качающіяся горы распадающимися, всѣ узы и оковы плѣнныхъ раскочившимися и сокрушившимися. Тогда волкъ *Фенрисъ* получитъ вольность; море выступитъ на землю, по тому что великій змѣй перемѣнившись въ привидѣніе поплыветъ на берегъ. Корабль называемый *Наггелфаре* пущенъ будетъ на волны; сей корабль здѣланъ изъ ногтей мертвыхъ людей, чего ради надлежитъ остерегаться, что бы не умереть не сръзавъ ногтей; ибо человекъ

такимъ образомъ умершій подаесть веществ-
 во къ построению сего корабля, коего весь-
 ма позднего окончанія желаютъ боги и лю-
 ди. Кормчій сего корабля, который под-
 нимаетъ выступившее море, называется
 великаномъ *Римеромъ*. Волкъ *Фенрисъ* при-
 ближается разинувъ ужасную его пасть,
 нижняя его челюсть прикасается къ землѣ,
 а верхняя достигаетъ до неба, и она бы еще
 далѣе проспиралась, если бы имѣла мѣсто.
 Пожигающій огонь выходитъ изъ его глазъ и
 изъ его ноздрей; великій змѣй испускаетъ вол-
 ны яда, наводняющаго воздухъ и воду. Сіе
 страшное чудовище находится подлѣ волка.
 Въ семъ смятеніи разверзается небо, и чрезъ
 сіе опверзтіе огненные духи верхомъ выхо-
 дятъ, *Суртуръ* ими предводительствуетъ;
 предъ нимъ и за нимъ горящій огонь искры пус-
 каетъ; мечъ его сіяетъ паче солнца; войско
 духовъ переправляясь верхомъ по небесно-
 му мосту разламываетъ его въ куски; по-
 томъ они собираются въ одной долинь, въ
 которой съ ними соединяется волкъ *Фенрисъ*
 и великій змѣй. Тамъ такъ же находится
Локъ и великанъ *Римеръ*, и съ ними всѣ ве-
 ликаны льда, которые слѣдуютъ за *Ло-
 комъ* даже до смерти. Духи огня идутъ
 первые въ боевомъ строю, дѣлая весьма бле-
 сшій полкъ въ сей долинь, которая со всѣхъ
 сторонъ на сто степеней пространства имѣ-
 етъ. Однако же во время сихъ чудъ *Геймдалъ*
 придверникъ боговъ встаетъ, сильно дуеъ
 въ его трубу, дабы разбудить боговъ, которые
 тотъ часъ собираются. Тогда *Одинъ* шеству-
 етъ къ источнику *Милниса*, дабы просить
 совѣ-

совѣта, что ему и его войску дѣлать должно. Великій дубъ *Гидрафиль* поколебался, и нѣтъ ничего на небѣ и на земли, что бы извѣсто было отъ страха и опасности. Боги вооружаются; Одинъ покрывается золотымъ шлемомъ, и блестящимъ панцыремъ; онъ беретъ его мечъ и идетъ прямо на волка *Фенриса*. Онъ при себѣ имѣетъ *Тора*; но сей богъ не можетъ ему пособить, по тому что онъ самъ сражается противъ великаго змѣя. *Фрей* выступилъ противъ *Суртура*, и какъ съ одной, такъ и съ другой стороны даваемы будутъ великіе удары, пока *Фрей* не упадетъ пораженнымъ, по тому что онъ нѣкогда отдалъ его мечъ своему конюху *Скирнеру*. Въ сей же день освобожденъ *Несъ* называемый *Гарме*, прикованный при входѣ въ одну пещеру: сіе страшное чудовище для боговъ на падаетъ на *Тира*, и они оба взаимно себя убиваютъ. *Торъ* повергаетъ великаго змѣя; но въ то же самое время онъ оступается на девять шаговъ, и упадаетъ мертвъ на землю, будучи удушенъ волнами яда, которыя сей змѣй на него испустилъ. Волкъ *Фенрисъ* пожираетъ *Одина*, и такимъ то образомъ сей богъ погибаетъ. Въ то же самое время *Видаръ* подходитъ, и поставивъ его ногу на нижнюю челюсть чудовища, беретъ другую его рукою, и такимъ образомъ его раздираетъ до тѣхъ поръ, пока оно не околѣло. *Локъ* и *Геймдалъ* вмѣстѣ сражаются: послѣ сего *Суртуръ* пускаетъ огонь на всю землю, вскорѣ весь міръ онымъ пожирается. Такимъ то образомъ сіе сказано въ *Волусѣ*: „*Геймдалъ* поднимаетъ

„его искривленную трубу, и въ нея прубитъ.
 „Одинъ совѣтуется съ главою *Мимиса*; вели-
 „кій дубъ, сей дубъ высокій и плодовиый
 „сильно качается и реветъ. Великанъ раз-
 „рываетъ ей оковы. Что такое дѣлается
 „у боговъ? и что происходитъ у духовъ?
 „земля великановъ наполнена смятеніемъ:
 „боги соединяются и собираются карлики
 „и испускаютъ вздохи и вопли предъ две-
 „рями ихъ пещеръ. О вы горожители, зна-
 „ете ли вы, что либо еще останется?

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЯ БАСНЯ.

Ослѣдствіяхъ сожженія міра.

Гинглеръ услышавъ сіе спрашиваетъ: что
 останется послѣ того, когда міръ будетъ
 соженъ, и когда погибнуть боги, ирои и
 люди? ибо я отъ васъ слышалъ, прибавилъ
 онъ, что люди должны всегда жить въ дру-
 гомъ мірѣ. *Тредій* отвѣчалъ: ему послѣ всѣхъ
 сихъ чѣдъ будутъ многія пріятныя и мно-
 гія худыя жилища, но наилучшій домъ изо
 всѣхъ будетъ *Гимле* (небо), въ коемъ можно
 имѣть всякіе роды напишковъ въ сто-
 ловой, называемой *Бримеръ* (а), лежащемъ
 въ странѣ *Окольмской*. Сверхъ того будутъ
 такъ

(а) Въ столовой называемой *Бримеръ*. *Бримеръ* собствен-
 но означаетъ весьма нахопленную споловую, *Околь-*
 мю значить мѣсто неприступное холоду: въ по-
 слѣдній день бѣдствій надлежало начаться ве-
 ликою зимою: двери и окна ада опшворены бы-

та
Ии
та
доб
дѣ
скв
сѣ
всѣ
ма;
оп
ная
воп
въ
„въ
„оп
„ве
„на
„по
„во
„сп
„др
„иб
„т
пре

а
в
в
п
р
в

(b)
с
к
Т

такъ же припняны чертоги и на горахъ *Индскихъ*, состроенные изъ блестящаго золота. Въ сихъ то чертогахъ будутъ жить добрые и справедливые люди. Въ *Настрандѣ* (берегъ мертвыхъ) находится обширное и скверное строеніе, коего дверь обращена къ сѣверу, зѣланное изъ труповъ змѣй, коихъ всѣ головы обращены ко внутренности дома; они шамъ извергаютъ толико яда, что опъ того происходитъ длинная и зараженная рѣка; въ сей то рѣкѣ плаваютъ клѣтвoprеступники и убійцы, какъ то сказано въ сихъ стихахъ *Волуслы*. „Я знаю, что въ *Настрандѣ* находится жилище удаленное отъ солнца, коего двери обращены на сѣверъ; капли яда падаютъ шамъ сквозь окна; оно состроено изъ труповъ змѣй. Тамъ, что въ быстрыхъ рѣкахъ плаваютъ клѣтвoprеступники, убійцы, и тѣ, которыя стараются развратить женъ другихъ. Въ другомъ мѣстѣ состояніе ихъ еще хуже; ибо волкъ, алчное чудовище, мучитъ тѣла тѣхъ, кои туда посланы (въ „ *Ганглеръ* прервавъ рѣчь сказалъ: какіе же будутъ боги.

ли съ другой стороны. Здѣсь видно, что все сѣе выдуманно въ холодной сторонѣ. Древніе Скандинавы были справедливыѣ, нежели нѣкоторые изъ ихъ потомковъ, какъ то знаменитый *Рудеъ*, который кажется покушавшимся на то, что бы поставитъ рай земный въ его отечествѣ.

- (b) Мучитъ тѣхъ, кои туда посланы. Предъ сего строфою *Волуслы*, *Бартолиъ* поставляетъ другую, которая заслуживаетъ быть предположенною. Тогда Господь, которой всѣмъ управляетъ, выхо-

боги, которые переживутъ? Всѣ ли они умрутъ, и нѣтъ ли еще неба и земли? Гаръ ему отвѣчалъ: изъ морь выйдешь другая хорошая и пріятная земля, покрытая зеленью и полями, гдѣ плоды сами собою и безъ посѣва произрастають будущъ. Видаръ и Валъ равномерно жить будущъ, по тому что ни наводненіе, ниже черный пожаръ не причиняетъ имъ никакого вреда; они будущъ жить въ долинахъ *Идсхиль*, въ коихъ прежде находилось жилище боговъ; тамъ соберутся сыны *Тора*, *Модъ* и *Магдъ*, туда придутъ такъ же *Балдеръ* и *Годеръ* изъ обиталища мертвыхъ. Они вмѣстѣ сядутъ и разговаривать будущъ, приводя на мысль претерпѣнные ими несчастія. По томъ найдутъ въ травѣ золотыя кости, которыя прежде боги употребляли. Но между тѣмъ какъ все пожретъ огонь; то двѣ особы отъ человѣческаго рода скроются подъ холмомъ, то есть мужчина и женщина, называемые *Лифъ* и *Лифтрасера*; они оба будутъ питаться росой, и произведутъ толь многочисленное потомство, что земля вскорѣ покрыта будетъ новыми жителями. Тебѣ еще покажется весьма удивительнымъ и то, что *Сунна* (солнце), предъ сожраіемъ его волкомъ *Фенрисомъ*, произведетъ дочь столь же пригожую, и столь же блестящую, какъ она и сама, которая будетъ имѣть ея теченіе въ пучи прежде

дитъ съ могуществомъ изъ верхнихъ жилищъ для учиненія божественнаго суда, и произреченія его рѣшительнаго. Онъ оканчиваетъ ссоры, и учреждаетъ солнечныя ссѣда пребывать имѣющія судьбы. Описаніе здѣсь

прежде описыванномъ ея матерью, какъ то
сѣ сказано въ сихъ стихахъ: „блестящій
„король огня возродитъ единую дочь пре-
„жде, нежели будетъ поглощенъ волкомъ;
„дочь будетъ слѣдовать пути ея матери
„по смерти боговъ., (с) Теперь, продолжалъ
Гаръ, если ты хочешь предлагать мнѣ но-
вые вопросы; то я не знаю, кто на оныя
отвѣчать будетъ; ибо я не слышалъ, что
бы кто вамъ могъ сказать о томъ, что бу-
детъ происходить въ дружихъ возрастахъ
міра: и такъ я тебѣ совѣтую быть до-
вольнымъ

учиненное объ одахъ, имѣетъ великое сходство
съ тѣмъ, какое благочестивыя книги древнихъ
Персовъ дѣлали о томъ же самомъ мѣстѣ „Ады,
говорятъ сїи книги, „находятся при берегѣ сквер-
„ной рѣки, коея вода столько же черна, какъ смо-
„ла, и холодна, какъ снѣгъ, въ коей обращаются
„души несчастныхъ. Дымъ выходитъ великими
„волнами изъ сея мрачна пучины, и внутрен-
„ность наполнена скорпіонами и змѣями., См *Nu-
de de Relig. vel. pars. p. 399 st. 404.*

- (с) *По смерти боговъ.* Въ новой землѣ, которая по-
слѣдовала за сею, въ коей мы живемъ, равномерно
надлежало быть нижнимъ Божествамъ для пра-
вленія оною, и людямъ для ея населенія. Сѣ то
вообще хотѣлъ сказать Едда. Обстоятельства
присовокупленныя къ сему повѣствованію суть
темны и аллегорически; но легко открывается
сквозь сѣ покрывало то, что мнѣніе Сѣверныхъ
Философовъ, равно какъ и спокоевъ, было,
что сему міру надлежало возродиться болѣе со-
вершеннымъ и паче красивымъ. Сѣ то выражено
здѣсь чрезъ сравненіе Солнца и мѣсяца. *Ливъ* зна-
читъ жизнь, что служилъ другимъ доказатель-
ствомъ, что чрезъ басню о сихъ двухъ людяхъ,

вольнымъ моимъ повѣствованіемъ, и соблю-
дать оное въ твоей памяти. Послѣ сего
Ганглеръ услышалъ со всѣхъ сторонъ около
его страшный шумъ: онъ вездѣ обозрѣлъ; но
ничего больше не увидѣлъ, кромѣ простран-
ныя долины; и такъ онъ пустился въ путь
для возвращенія въ его земли, гдѣ онъ вспрѣ-
тилъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ;
и съ сего времени повѣствование сіе перехо-
дило изъ однихъ устъ въ другіе между на-
родами (d).

Примѣ-

которые переживутъ испроверженіе мѣра, Кельты
хотѣли сказать, что въ землѣ останеся начало,
зародышъ жизни, способный къ награжденію по-
тери человѣческаго рода. То справедливо, что
всѣ сіи способы въ выраженіи приняты были у
сихъ древнихъ народовъ единственно для того,
что они служили образами и украшеніями слову,
и что мы теряя безпрестанно сей предметъ изъ
вида, приписываемъ, при чтеніи ихъ сочиненій,
добровольно изрядную часть глупостей, какія мы,
по нашему мнѣнію, видѣли въ оныхъ.

- (d) Повѣствованіе сіе переходило изъ однихъ устъ въ
другія между народами. Можетъ быть, меня спро-
сятъ при семъ мѣстѣ, было ли предложенное
здѣсь ученіе свойственно Сѣвернымъ народамъ,
или же съ ними ли оное приняли другіе Кельты.
Мнѣ въроянымъ быть кажется то, что они по
крайней мѣрѣ главнѣйшія спашы изъ онаго при-
своили; въ самомъ дѣлѣ они всѣ почерпнули
ихъ благочестивыя мнѣнія въ томъ же самомъ
источникѣ. Весьма върояно, какъ сказалъ ученый
Аббаѣ Баніеръ, что Сѣверные Кельты, отъ-
цы нашихъ Галловъ, взяли ихъ учеіе отъ Персеевъ
или отъ ихъ сосѣдей, и что Друиды поступали по
образу Волхвовъ. Mythoe expl. T. II. in 4 p. 628.
Мы въ самомъ дѣлѣ весьма мало знаемъ о томъ

Примѣчанія
НА ДВѢ ПОСЛѢДНІЯ БАСНИ.

Если бы *Едда* не имѣла никакія другія заслуги, кромѣ той, что она токмо есть единая книга, наставляющая насъ тому, что Кельты думали о важной спастѣ будущія жизни; то бы она уже стала быть предохраниенною отъ забвенія: въ самомъ дѣлѣ черезъ то распространяется новыи и неожиданныи свѣтъ надъ исторіею; какъ надъ тою, которая особливо упражняется въ дѣяніяхъ, такъ надъ сею, въ коей болѣе разматриваютъ различныя перемены нравовъ и мѣнній. Тѣ, кои любятъ токмо первый родъ,

что въ разсужденіи сего думали Галлы, Бретонны и Германцы; но какъ и то малое, что намъ о томъ извѣстно, весьма согласно съ *Еддою*, то мы можемъ полагать тоже сходство и въ томъ, чего мы не знаемъ. Тѣ, кои въ томъ сомнѣваются, могутъ въ томъ обратитъ ихъ взоръ на слѣдующія мѣста.

Земляксидъ, знаменитый другъ Гепшовъ и Скифовъ, учинилъ его товарищемъ, что ни онъ, ни они, ниже люди, которые родятся, не должны погибнуть, но что они напротивъ того, оставивъ сію жизнь, соберутся въ одной мѣстѣ, въ коей они наслаждаются будутъ изобиліемъ всѣхъ родовъ благовѣ. *Иродотъ* кн. IV. г. 95 Если вамъ можно вѣрить, сказалъ *Луканъ* *Друндамъ*; то души несойдутъ въ жилище мраковъ и молчанія, ниже въ подземное царство *Плутона*; вы говорите, что томъ же разумъ одушевляетъ тѣло въ другомъ мѣрѣ и что смерть есть переходъ въ должайшую жизнь. Кн. I. стр. 454.

Галлы особливо стараются доказать то, что души ни мало не погибаютъ. *Сжиг.* I. г. с. 14.

родъ, найдуть въ сихъ послѣднихъ басняхъ начало той бѣшенныя силы, которая оживляла разрушителей Римскаго государства, и завоевателей большія части Европы. А тѣ, которые принимаютъ больше участія во второмъ, увидяшъ не безъ малаго удовольствія и удивленія народовъ, коихъ считали варварами, упражнявшихся въ высокихъ разыскиваніяхъ и разсужденіяхъ, и шедшихъ слѣдственнѣе, а можетъ быть еще и достигавшихъ ближе къ концу, нежели знаменитые народы, кои присвоили себѣ исключительное право знанія и разума.

Я сказалъ, что по мнѣнію Кельтовъ естество находилось въ состояніи беспрепятственныхъ сраженій и спраданій: и такъ его сила мало по малу истощалась, и его

истре-

Валлерій Максимъ въ одномъ мѣстѣ, приведенномъ мною выше въ примѣчаніяхъ на 17 шую басню, болѣе еще приближается къ ученію Едды; по тому, что онъ намъ говоритъ, что Кельты почитали покойную смерть, какъ бы безчестною и бѣдственною кончиною, и что они прыгали отъ радости вступаая во сраженіе, которое имъ доставляло случаи, что бы умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

У Ирландцовъ, сказалъ Солинъ, если какая жена родитъ сына; то она просила для него у боговъ милости, что бы онъ умеръ сражаясь. Сіе значило желать здравія ея сыну. см. Solin с. 25. р. 252. Сихъ свидѣтельство довольно; они вѣрно не говорятъ всего того, что сказано въ Еддѣ; но сіе то дѣлаетъ драгоцѣнною сію книгу.

истребленію надлежало день отъ одна чув-
 ствительнѣе становиться. На конецъ безпо-
 рядокъ погодъ, долгая и чрезвычайная зима,
 будутъ послѣдними знаками его дряхлости.
 Умственный или моральный міръ не меньше
 будетъ смущенъ, какъ и физическій: умира-
 ющее естество не станетъ болѣе говорить
 людямъ: ихъ ослабленные и съ нимъ пога-
 шенныя чувствованія не оставятъ ихъ сер-
 дца въ добычу свирѣпымъ и бесчеловѣчнымъ
 страстямъ. Тогда всѣ непріязненные влас-
 ти, коихъ боги обуздали съ великимъ тру-
 домъ, прервавъ ихъ узы, совершенно вверг-
 нутъ селенную въ смятеніе. Тщетно боги
 подкрѣпляемы будутъ войскомъ Ироевъ *Вал-*
галлы; они не менѣе погибать будутъ
 истребляя непріятелей ихъ, то есть, въ
 сей великій день нижня божества какъ до-
 брыя, такъ и злыя, сражаяся падутъ въ ло-
 но великаго божества, отъ котораго проис-
 текли всѣ вещи, и который все переживетъ.
 Послѣ сего міръ достанется въ добычу пла-
 мени, назначенному паче къ его очищенію,
 нежели истребленію, по тому что онъ въ
 слѣдствіи представится гораздо лучшимъ,
 приятнѣйшимъ и плодovitѣйшимъ: въ сихъ
 то малыхъ словахъ заключается ученіе *Ед-*
ды, лишенное всѣхъ стихотворческихъ
 украшеній, и аллегорій. Можно видѣть, что
 стихотвореніе, называемое *Волусла*, было
 погалиникъ, которому сія басня служить
 дополненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ то же са-
 мое мѣстѣе находится въ семъ древнемъ
 стихотвореніи; но выраженное съ большею
 пышностію и силою. Можетъ быть съ

Часть II. И удоволь-

удовольствіемъ будутъ читать слѣдующія чершы, выраженные почти слово отъ слова по *Бартолинову* переводу.

„Великанъ *Римеръ* приѣзжаетъ съ востока, влекомый на колесницѣ: море вздымается, великій змѣй ворочается въ водахъ съ яростію, и возбуждаетъ море. Орелъ поживаетъ, крича. тѣла мертвыхъ, корабль боговъ пущенъ на волны.

„Войско злыхъ духовъ приѣзжаетъ съ востока на семь кораблей. *Локъ* ими управляетъ. Ихъ яростные воины идутъ въ провожаніи волка *Фенриса*. *Локъ* показываетъ ся съ ними.

„Черный Царь духовъ огненныхъ выходитъ съ полудни окруженный пламенемъ: мечи боговъ суть столь же лучисты, какъ и солнце. Поколебанные камни упадаютъ: Великанши скипаютъ расплакавшись; люди слѣдуютъ толпами по стезямъ смерти: небо разсѣлось.

„Новая печаль для богини, защищающей *Одина*! Одинъ приближается противъ *Фенриса*, богъ *Фрей* противъ Государя огненныхъ духовъ: вскорѣ супругъ *Фригги* повергнутъ.

„Видарь знаменитый сынъ *Одина* бѣжитъ для опмщенія смерти его отца. Онъ нападаетъ на чудовище, виновное въ смерти, чудовище родившееся отъ великана, и ему мечемъ пронзаетъ сердце.

„Солнце чернѣетъ, море наводняетъ землю, блестящія звѣзды исчезаютъ, огонь дѣлаетъ его опустошенія, возрасты стремятся къ ихъ концу, пламя распространяется и возвышается до неба. Я

Я бы могъ еще привести многія другія стихотворческія сочиненія, которыя бы показывали, что Скандинавы имѣли разумъ преисполненный всѣми сими пророчествами, и что они ихъ весьма уважали; но читатели, которыя бояться съ лишкомъ великихъ подробностей, захотятъ лучше вѣрить моему слову: важнѣе будетъ то, что бы замѣтить, что все читанное почти не другое что есть, какъ ученіе Зенона и Стоиковъ. Сего особливо сходства ни когда еще особливо не уважали, хотя оно того дѣйствительно заслуживало.

Всѣ древніе насѣ наставляють, что Стоическіе философы поставляли вѣчное божество, распространенное во всѣхъ частяхъ міра, которое было душою и общею пружиною вещества. Отъ сего божества происходили купно съ міромъ существа опредѣленные къ его правленію при его приказаніяхъ, которыя должны были испытать тѣ же самыя перемѣны, какъ и онъ въ опредѣленный день для возобновленія сея селенныя. Огонь сокрытый въ жилахъ земли безпрестанно пожиралъ ея влажность, и долженъ былъ на конецъ объявить его совершенно. Придетъ время, сказалъ Сенека, въ которое міръ предъ его возобновленіемъ будетъ воспламененъ; въ которое противныя силы сражались сами себя истребятъ; въ которое звѣзды стануть ладать на звѣзды, и въ которое сожжется вся селенная будучи ввергнута въ тотъ же самый огонь (*Senec. Consol. ad Mariam c. ult.*). Предъ симъ испроверженіемъ надлежало быть наводненію, и въ разсужденіи сего Егда весьма согласенъ съ Зенономъ; Сенека обстоятельно

тельно разсуждаетъ о семъ будущемъ по-
томѣ въ его естественныхъ разсужденіяхъ. кн.
3. гл. 29. Ему должно, говоритъ онъ, споспѣ-
шествовать къ очищенію земли, приготоован-
ныя для новыхъ жителей, гораздо добродѣ-
тельнѣйшихъ и непорочнѣйшихъ, нежели
мы.

Но Стойки особливо утверждали созже-
віе міра. Извѣстны сіи стихи Лукана,
сродственника Сенекина.

*Hos populos si nunc non vsserit ignis, vret cum
terris, vret cum gurgile ponti,
communis tanto superest rogas . . .*

Сирѣчь: если не теперь сіи народы погиб-
нутъ отъ огня; то сіе вослѣдуетъ въ томъ
день, въ который онъ истребитъ землю, и да-
же лучины моря. Срубъ назначенъ для всего
міра.

Но наибольшее доказательство сход-
ства двухъ системъ состоитъ въ томъ, что
сіе истребленіе міра привлечетъ за собою и
истребленіе боговъ, то есть божествъ со-
творенныхъ, или нижнихъ. Сіе то Сенека
писатель Трагедій выражаетъ въ слѣдую-
щихъ стихахъ, которые ни малому въ
томъ сомнѣнію не подвержены:

*Iam iam legibus obrutis
Mundo cum veniet dies,
Australis polus obruet
Quicquid per Lybiam jacet. . .
Arctous polus obruet,
Quicquid subiacet axibus:
Amissum trepidus polo*

Titan

*Titan excutiet diem,
Cæli regia concidens*

Ortus atque obitus trahet,

Atque omnes pariter Deos

Perdet mors aliqua et chaos etc.

Сирѣчь: когда законы естества будутъ погребены, и когда придетъ день міра; то полуденный полюсь улавши завалитъ страны Ливіи; сѣверный же полюсь падетъ на тѣ страны, которыя онъ покрываетъ: устрешенное солнце лишится его блеска, чертоги неба повалятся, и ихъ паденіе вдругъ произведетъ жизнь и смерть. Въ боги погибнутъ такъ же чрезъ какую причину, войдутъ въ Хаосъ и проч. (*Senec. Hercul. O. 1112*). Сенека изъясняетъ въ другомъ мѣстѣ сію смерть боговъ. Они собственно не совсемъ истреблены были; но они опять вмѣстѣ соединились разошедшись въ душу міра, распустившись въ сіе существо огня, въ сіе вѣчное и общее начало, изъ котораго они происекли. Безъ сомнѣнія и наши сѣверные философы брали сіе въ такомъ же смыслѣ: сходство заставляетъ насъ тѣмъ болѣе дополнить сіе обстоятельство, что стихотворцы всегда употребляли стараніе болѣе къ тому, что бы прикрасить полученныя догматы, нежели къ тому, дабы ихъ выразить кратко. На конецъ сіе сходство должно дѣлать совершеннымъ и казистымъ то, что въ Стоической школѣ, равно какъ и въ пророчествахъ Исландскихъ, за тѣмъ ужаснымъ явленіемъ, которое токмо что видѣли, послѣдовало новое пвореніе,

представленное какъ съ той , такъ и съ другой стороны такими же чертами.

Когда міръ разрушится, сказалъ *Сенека*, и войдетъ въ лоно Дѣво; то сей богъ чрезъ нѣкоторое время будетъ самъ въ себѣ заключаться и скрываться, обративъ единственно его вниманіе къ собственнымъ его мыслямъ: по томъ увидятъ отъ него родившимся новый міръ, совершенный во всѣхъ его частяхъ; живописныя вновь родятся, непорочныя люди произведены при благоприятѣйшихъ обстоятельствахъ, дабы населить сію землю, достойное жилище добродѣтели: однимъ словомъ, все будетъ показывать видъ прелестнѣйшій и пріятнѣйшій. (см. *Senec. Epist. 9. et Quaest. nat. l. 3. c. ult.*)

Едда дѣлаетъ намъ о томъ въ другихъ выраженіяхъ такія же описанія. Онѣ такъ же находятся и въ стихотвореніи *Волусъ*, изъ котораго я привелъ выше нѣсколько строфъ. Здѣсь слѣдуютъ еще нѣкоторые, въ коихъ легко узнаютъ тѣ же самыя правила.

„Тогда (то есть по смерти боговъ, и „созженіи міра) увидятъ выходящую изъ „средины волнъ землю, покрытую пріятною зеленью. Воды отступятъ: Орелъ „лещетъ уже вольно, и хватаетъ рыбъ на „вершинѣ горъ.

„Поля произрастаютъ плоды безъ паханія, бѣдствія суть изгнаны изъ міра. *Балдеръ*, и его братья, сіи воинственные боги, „придутъ для населенія разрушенныхъ чертоговъ *Одина*. Знаете ли, что тогда происходитъ?

„Боги

„Боги собираются въ поляхъ *Иды*, они
 „разговариваютъ о небесныхъ чертогахъ,
 „коихъ развалины они видятъ: приво-
 „дятъ на мысль ихъ прежнія обращенія, и
 „прежніе разговоры *Одина*?

„По томъ открываются чертоги паче
 „блестящіе, нежели солнце; они украшены
 „золотою кровлею: тамъ то народъ добро-
 „дѣтельныхъ людей обитать будетъ, и пре-
 „дастся радости чрезъ всѣ вѣки.,

Въ самомъ дѣлѣ Скандинавія далеко от-
 стоитъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ спои-
 ческая философія была въ почтеніи, и сіе
 самое разстояніе было еще нѣкогда гораздо
 больше, нежели въ сіи послѣдніе вѣки, въ
 кои обращеніе и книги доставляютъ крылья
 мнѣніямъ, дабы распространились вездѣ въ
 одно мгновеніе. Съ другой стороны та
 систима, о которой здѣсь говорится, есть
 не изъ тѣхъ, до которыхъ каждый чело-
 вѣкъ можетъ дойти единый, коль скоро
 онъ о томъ порядочно разсуждать станетъ
 И такъ вѣроятнымъ кажется бытъ то, что
 всѣ тѣ, которые ея приняли, получили ея
 изъ той же руки, то есть отъ восточныхъ
 философовъ, а особливо отъ Персовъ, и исто-
 рія кажется мнѣ благопріятствующею сей
 догадкѣ. Извѣстно, что наши Скандинавы
 пришли изъ нѣкоторыхъ странъ Асіи. Зе-
 нонъ родившійся въ Килръ отъ родимелей
 Феникійскихъ вѣроятно взялъ отъ восточ-
 ныхъ философовъ главнѣйшія статьи его
 ученія. Сіе ученіе во многомъ было то же,
 что и ученіе волхвовъ. Зороастръ научалъ,
 что сраженіе *Оромасды* и *Ариманы*, сирѣчь

свѣта и мрака, добраго и злаго начала, до послѣдняго дня продолжаться будетъ; что тогда доброе начало присоединится къ Богу, отъ котораго оно произошло, что злое будетъ побѣждено, покорено, что мракъ уничтожится, и что мѣръ очищенный всеобщимъ пожаромъ, здѣлается свѣтлымъ жилищемъ, въ которое бѣдствіе входа себѣ не сыщеть. (См. Briker Hist. Crit. Philos. T. I. L. 2. c. 3.)

Художества, науки, и философія нѣкогда перешли изъ востока на западъ. За многія годы предъ прибытіемъ Одина изъ Асіати-ческой Скиѣи въ сѣверъ, ученіе о возобновленіи міра принято уже было отъ нѣкоторыхъ Кельтскихъ народовъ. Орфей настаивалъ оному Эракланъ, по свидѣтельству Плутарха и Климентя Александрійскаго, чему находятъ слѣды въ стихахъ, которые ему приписаны. Греки и Римляне равнобрю имѣли о томъ нѣкоторое понятіе, но большая часть не принимали цѣлой системы; а взяли токмо изъ нея то, что принадлежало до созженія міра, дабы увеличить безполковое и безпорядочное собраніе ихъ благочестивыхъ мнѣній.

Я не могу окончить сіе примѣчаніе, не оправдавъ длины онаго; къ сему довольно будетъ единого слова. Различныя статьи ученія, которое я въ ономъ предложилъ послѣдуя Еддѣ, освящены опокровеніемъ. Не бесполезно будетъ привести здѣсь до того касающіяся мѣста. Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія. Небеса и земля нынѣ сущія предоставлены огню въ послѣдній день (Св. Петра II. Посл. гл. 3. ст. 1).

Въ

Въ сей день небеса разойдутся съ ужаснымъ шумомъ бури, воспламененныя стихи растворятся, земля сгоритъ со всѣмъ, что на ней находится (сп. 10). Но мы по томъ ожидаемъ новыхъ небесъ и новыя земли, гдѣ пр. восудіе обитаетъ. (сп. 13). Въ послѣдній день многие будутъ поруганы, другъ другу измѣнять и одинъ другаго возненавидитъ (сп. Матт. гл. 24. ст. 10). Несправедливость усугубится, и милосердіе охолодѣетъ (сп. 12). И скорѣ по уныніи въ сѣи дни, солнце помрачится, и мѣсяцъ не дастъ его свѣта, звѣзды уладутъ съ неба, и силы небесныя похолоблемы будутъ (сп. Марк. гл. 13. ст. 25). Тогда будутъ знахи въ солнцѣ, въ мѣсяцѣ и въ звѣздахъ; народы свергнуты будутъ въ то икую печаль, что они не будутъ знать того, что дѣлать на земли; море и воды стануть стонать, такъ что люди будутъ опечалены и поражены страхомъ (Еванг. св. Лук. гл. 21. ст. 75.) Въ книгѣ Апокалипсисъ присовокуплены къ симъ чершамъ новыя подробности. Тогда (т. е. въ великій день гнѣва Господа) происходитъ великое землетрясеніе, и солнце дѣлается чернымъ какъ волосяной мѣхъ; а мѣсяцъ показывается окровавленнымъ (Апокал. гл. 6. ст. 12). Звѣзды неба уладутъ на землю; небо свернется какъ книга, которую свертываютъ; и всѣ горы и острова подвижутся съ ихъ мѣстъ (сп. 13. и 14). И на небѣ сраженіе происходитъ: Михаилъ и его Ангелы сражаются противъ змѣя, и змѣй и его ангелы сражаются. Но они не были сильнѣйшіе, и ихъ мѣсто не нашлось въ небѣ (гл. 12. ст. 7. и 8). И великій Драконъ древній змѣй, называемый дѣволъ и сатана, который прельщаетъ

щаетъ міръ, былъ низрынутъ на землю, и его ангелы съ нимъ хулно (сп. 9). Тогда я услышалъ великій гласъ на небеси, глаголющій: нынѣ есть здравіе, и сила, и царство нашего господа, и держава его Христа: ибо злословитель нашихъ братьевъ, который ихъ злословилъ предъ нашими Господемъ денно и ночью, былъ низрынутъ (сп. 10). Послѣ сего я видѣлъ сходящаго съ неба ангела, который имѣлъ ключъ бездны и великую цѣль въ его рукѣ, который схватилъ дракона, древяго змѣя, и его связалъ, и я видѣлъ души тѣхъ, коихъ главы сотрены быша за свидѣтельство Іисуса, иза слово Бога, которые должны были жить и царствовать со Христомъ. . . . (гл. 20. сп. 1. 2. 4). Потомъ я видѣлъ новое небо и новую землю, ибо первое небо и первая земля погибли, и моря больше не было. (гл. 21. сп. 1). И Господь осушитъ въ сей день всѣ слезы изъ очей людей и смерти уже больше не будетъ, равно какъ ни печали, ни волля, ни трудовъ (сп. 4). И стѣна великаго града, святаго Іерусалима, была изъ Яшмы; но городъ былъ изъ чистаго золота (сп. 18.). Онъ не будетъ имѣть нужды ни въ солнцѣ, ни въ мѣсяцѣ хъ его освѣщенію, ибо свѣтлость Господа его освѣщаетъ, и туда не войдутъ ни какія нечистыя вещи (сп. 26.)

Послѣ сихъ общихъ примѣчаній больше ниѣ ничего не остается, какъ поклобно объяснить нѣкоторыя мѣста послѣднія басни сея части Едды.

ПОНЯ-

ПОНЯТІЕ О ВТОРОЙ
ЧАСТИ

ЕДДЫ.

Всѣ наиважнѣйшія статьи Кельтскаго Иконословія предложены были въ прочитанномъ теперь разговорѣ, который составляетъ первую часть *Едды*. Въ сей второй сочинитель оставивъ учительскій слогъ, рассказываетъ токмо различныя приключенія, происшедшія съ богами, коихъ онъ уже показалъ. Древніе Скальды или стихопворцы служашъ ему и въ семъ путеводцами, и его намѣреніе есть то, что бы изъяснить прилоги (*epithete*), и однозначенія посвященныя въ ихъ языкѣ. Здѣсь видны беспрестанно тотъ же самый вкусъ и тотъ же слогъ аллегоріи сраженія великановъ въ распрѣ съ богами, *Лохъ* ихъ обманывающій, *Торъ* защищающій ихъ дѣло и проч. Въ семъ то почти состоитъ основаніе сея второй части: хотя она и въ три четверти короче, нежели первая; однако же можно было оскорбить терпѣніе читателей помѣстивъ ея здѣсь всю цѣлую. Можеть быть я буду имѣть нужду въ ихъ благосклонности и при семъ весьма краткомъ понятіи, какое я объ ней дать желаю.

Нѣкоторый Датскій вельможа, именемъ *Егеръ*, хотѣлъ по примѣру *Ильяфа* иппи въ *Асгардъ*, что бы посѣтить боговъ. Они то зная тотъ часъ взошли на ихъ высокія сѣ-

дали-

далища, дабы его принять съ большимъ достоинствомъ, и богини, которыя имъ ни въ чемъ не уступали, приняли памъ ихъ мѣсто. Егеръ великолѣпно былъ потчиваемъ; Одинъ приказалъ поставить въ его столовой мечи столь хорошо вычищенные и столь блестящiе, что не нуженъ былъ другій свѣтъ. Лоснящiеся щипы покрывали все стѣны. Долгое время въ довольствii пили преславный медъ. Брагъ, богъ краснорѣчiя, сидѣлъ подлѣ Егера, и боги ему препоручили, что бы онъ разговаривалъ съ ихъ гостемъ. Разговоръ сего бога и Егера былъ предлогомъ къ сей второй части Едды. Брагъ началъ рассказывать о злобной шушкѣ, которую Лохъ сыгралъ богамъ. Пускай вспомнятъ, что они бѣли нѣкоторыя яблоки, препорученныя подлѣ сохраненiе Идуи, покровствомъ которыхъ они предупреждали старость и порчи; Лохъ похитилъ хитростiю сiю Идуну, и спряталъ ея въ лѣсѣ, гдѣ отдалъ ея въ охраненiе одному великану. Боги, которые начали уже морщиться и дѣлаться дряхлыми, открывъ виновника сего преступленiя, учинили ему столь ужасныя угрозы, что онъ принужденъ былъ употребить все его проворство, дабы доставить опять богамъ Идуну и ея яблоки.

Я сокращаю для читателей поединокъ великана Ругнера и бога Тора. Сей великанъ носилъ копье сдѣланное изъ оселковаго камня. Торъ оное у него переломилъ ударомъ его булавы, и разбѣялъ отломки онаго столь далеко, что отъ того произошли все оселки, которые находятъ въ свѣтѣ, и которые

рые явно представляются переломленными какою силою. Я долженъ долѣе остано-
виться при происхожденіи стихотворства. Оно заключается въ аллегоріи, въ коей най-
дуть нѣкоторое изобрѣтеніе.

Сѣверные боги сотворили человѣка по-
чти такимъ же образомъ какъ Греческіе бо-
ги зѣлали Орѣона. Сей человѣкъ называл-
ся Квасерь. При семъ надлежитъ просить
прощенія у ушей привыкшихъ ко звучнымъ
именамъ Грековъ. Онъ былъ столько иску-
сенъ, что ему не можно было предложить
вопросовъ, коимъ бы онъ совершенно не
удовлетворялъ. Онъ прошелъ всю землю
для наученія людей мудрости: но какъ его
слава возбудила зависть, то два Карла ухи-
щреніемъ его убили, приняли его кровь въ
сосудъ, и смѣшавъ ея съ медомъ, зѣлали
изъ оной напитокъ, который производятъ
стихотворцами тѣхъ, кои пьютъ оный (а).
Боги не видя болѣе ихъ сына приказали объ-
немъ спросить извѣстія у Карловъ, кото-
рые выпутались изъ того сказавъ, что Ква-
серъ умеръ будучи удушенъ его знаніемъ,
по тому что никто не былъ въ состояніи
помогать ему довольно частыми или учены-
ми вопросами. Но послѣ того открылось
ихъ вѣроломство чрезъ неожиданное произ-
ше-

(а) Вѣроятно, что чрезъ кровь сего столь разумнаго
человѣка, смѣшанную съ медомъ, хотѣли выразить
разумъ и прелестинъ, безъ коихъ не можешь быть
никакое истинное стихотвореніе.

шествіе. Какъ Карлы навлекли на себя гнѣвъ одного великана; то онѣ ихъ схватилъ, и поставилъ на подводный камень, окруженный со всѣхъ сторонъ морскими водами. Въ смятеніи, въ которое ввергъ сихъ несчастныхъ страхъ смерти, не видѣли они другаго пути, какъ токмо представитъ божественный напитокъ въ награду за ихъ освобожденіе: великанъ будучи пѣмъ удовлетворенъ отнесъ его къ себѣ и препоручилъ его въ охраненіе дочери его Гунледѣ; для сего то, прибавляеиъ писатель не теряя ни мало изъ вида его предмета, называютъ стихотвореніе или хрѣію Квасера, то напитокомъ Карликовъ, или выхуломъ Карликовъ и проч.

Боги съ ихъ стороны весьма желали, овладѣть симъ сокровищемъ; но не легко было то дѣлать, по тому что напитокъ сохраняли подъ камнями, однако же Одинъ захотѣлъ покуситься на сіе завоеваніе, и таковымъ по образомъ онъ за сіе принялся. Онъ превратившись въ червяка вползъ чрезъ дыру въ пещеру, въ коей напитокъ хранился: тамъ принявъ онъ прежній его видъ, и приобрѣтши благосклонность Гунледы, получилъ отъ нея позволеніе, что бы выпить при глоткѣ отъ ввѣреннаго ей напитка: но хитрый богъ умѣлъ столь хорошо поступить, что онъ ничего не оставилъ въ сосудахъ, когда онъ пилъ въ третій разъ. Тогда принявъ видъ орла улетѣлъ, дабы возвратиться въ Асгардъ, для приведенія въ немъ въ безопасность того сокровища, которымъ онъ овладѣлъ. Однакоже великанъ властелинъ напит-

ка будучи волшебникъ вскорѣ взялъ подозрѣніе о хитрости, и равномѣрно превратившись въ орла полетѣлъ быстро за *Одиномъ*, который уже былъ подлѣ воротъ *Асгарда*: тогда боги вышли изъ ихъ чертоговъ, что бы помогать ихъ начальнику, и предвидя то, что *Одину* трудно будетъ сохранить влажность не подвергаясь тому, что бы быть пойманнымъ его непріятелемъ, поставили съ великою торопливостію всѣ сосуды, какіе токмо они нашли. Въ самомъ дѣлѣ *Одинъ* не могши иначе уйти, изпразднилъ отъ той тяжести, которая обременяла его полетъ, и сосуды въ одно мгновеніе наполнились сею очародѣянною влажностію, и чрезъ то то она дошла до боговъ и до людей; но въ великой при семъ происходившей скорости большая часть не примѣтила того, что *Одинъ* выпустилъ чрезъ носъ одну токмо часть напишка, и отъ сей то части сей богъ даетъ пить хорошимъ стихотворцамъ, и тѣмъ, коихъ онъ хочетъ одушевлять божественнымъ разумомъ. Что же касается до другія; то она есть часть худыхъ риѣмачей: какъ она текла весьма изобильно изъ нечистаго источника, и какъ боги позволяютъ ей пить всѣмъ тѣмъ, кои токмо пожелаютъ, то около содержащихъ ее сосудовъ находится весьма великая толпа, и по сей то причинѣ дѣлаютъ столько худыхъ стиховъ въ семъ свѣтѣ.

Послѣ сея особливая выдумки находятъ ся въ *Еддѣ* разныя басни, которыя ни мало не принадлежатъ къ Иконословію. Они суть черты исторіи смѣшанныя съ баснями, которыя

торыя не заключають въ себѣ ничего важнаго чрезъ наставленіе, ни пріятнаго чрезъ изобрѣтеніе. И такъ я перейду потѣ часъ ко стихотворческому словарю названному *Скальда*, о коемъ я уже нѣсколько говорилъ въ моемъ предувѣдомленіи.

Выше уже видѣли, что онъ выбранъ *Сноррономъ* въ пользу Исландцовъ, опредѣлявшихъ себя ко стихотворству. Какъ сей сочинитель писалъ въ принадлежащемъ столбѣ; то онъ хотѣлъ въ немъ поставить не токмо прилоги, представленныя ему древнимъ стихотвореніемъ; но такъ же и тѣ, кои здѣлались нужными съ тѣхъ поръ, когда введены были въ сѣверъ новая вѣра и новыя познанія. Сочиненіе начинается чрезъ имена двенадцати боговъ, которыхъ *Снорронъ* послѣ повторяетъ, дабы поставить подъ каждымъ прилоги и однозначенія, кои ему принадлежатъ. Одинъ имѣетъ ихъ сто двадцать шесть, изъ чего можно заключить о числѣ древнихъ стихотвореній, въ коихъ упоминалось о семъ божествѣ. Здѣсь слѣдуютъ нѣкоторые изъ сихъ прилоговъ, которыхъ не видѣли въ *Еддѣ*.

Одинъ отецъ вѣховъ, высокій, орелъ, отецъ стиховъ, вихрь, зажигатель, производитель стрѣльныхъ дождей и проч.

Торъ означенъ двенадцатью прилогами, изъ коихъ обыкновеннѣйшій есть сынъ *Одина* и земли.

Лохъ есть Отецъ великаго змѣя, Отецъ смерти, врагъ боговъ, ихъ клеветникъ, обманщикъ и проч.

Фригга

Фригга есть Королева боговъ, Фрея богиня любви, волшебница золотослезная, богиня благосклонная и щедрая и проч.

Послѣ прилоговъ богамъ, находятся прилоги словъ наиупотребительнѣйшіе въ стихотворствѣ, которые поставлены въ азбучномъ порядкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ нынѣ не вразумительны, а нѣкоторые кажутся безтолковыми; другіе же довольно уподобляются тѣмъ празднымъ прилогамъ древнихъ, которые слѣдуютъ за словомъ столь же постоянно, какъ и тѣнь за тѣломъ, и наполняютъ стихъ; однако же изъ нихъ нѣкоторые суть и такіе, кои заслуживаютъ быть извѣстными, по крайней мѣрѣ чрезъ ихъ особенность. Такимъ образомъ рѣки названы у Скальдовъ потъ земли и кровь долинъ; стрѣлы суть дщери несчастій, градъ шлемовъ, воинскій топоръ есть рука челоукоубиства; око есть свѣтильникъ лица, алмазъ головы; права волоса, руно земли, если они бѣлы, снѣгъ мозга; земля корабля плавающей на вѣхахъ, основаніе воздуховъ, дочь ночи. Ночь есть прихоръ разговоровъ и заботъ; сраженіе бой оружіемъ, градъ стрѣлъ, ударъ мечей, баня кроуи; море есть поле разбойниковъ; корабль ихъ коньки, и конь волнъ; камни кости земли: вѣтръ есть Тигръ, Левъ бросающійся на дома, и на корабли и проч.

Чрезъ сіе то собраніе прилоговъ окончано сочиненіе Сноррона такое, какимъ оно издано отъ Резеніуса; но въ рукописи сохраненной въ Упсалѣ, и въ нѣкоторыхъ еще другихъ, находится послѣ сего словаря малое сочиненіе того же писателя о состав-

леніи стихотворенія Готтескаго или Исландскаго. Если бы у насъ осталось большее число стиховъ древнихъ Кельтовъ; то бы сіе сочиненіе было весьма драгоценно, по тому что бы оно облегчило уразумѣніе стихотворенія, изъ котораго бы можетъ быть въ состояніи бы были получить разныя выгоды; но оно еще имѣетъ по неудобство, что сдѣлалось весьма темнымъ. Однако же какъ нѣкоторые почтенные ученые предпріяли объяснить оное; то можно думать что тѣ, коимъ нравятся разыскванія сего рода, въ скоромъ времени въ разсужденіи этого удовольствованы будутъ.

До сихъ поръ видно то, что сіе составленіе стиховъ основано на числѣ слоговъ смѣшаннымъ съ правильнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ буквъ приконцѣ или въ началѣ стиховъ, что вдругъ приближалось къ нашему нынѣшнему стихосоставленію и ко вкусу акростиховъ. Если далѣе продолжатъ будутъ сіи разысканія; то я думаю, что найдутъ образецъ всего составленія у какого восточнаго народа, у древнихъ Персовъ или у Евреянъ. Еврейское стихотвореніе наполнено было акростихами различныхъ родовъ: они такъ же находясь и во всѣхъ древнихъ пѣсняхъ нашихъ Исландцовъ. Неменьше вѣроятно и то, что бы стихи, которые сочиняли Барды, стихотворцы Бретоновъ и Галловъ, не были того же рода; нѣкоторые находясь остатки стихотворенія Гальскаго или Бретонскаго, кои намъ и мало не позволяютъ въ томъ сомнѣваться.

ся. Сіе еще извѣстнѣе въ разсужденіи стиховъ Англо-Саксонскихъ, которые до насъ дошли.

ПОНЯТІЕ О ДРЕВНЕЙ

Е Д Д Ъ.

Теперь время приступить къ тому, что намъ досталось отъ первыя *Едды* выписанныя *Семундомъ* названнымъ ученымъ за столѣтѣ прелѣ тѣмъ временемъ, когда *Снорронъ* написалъ его *Едду*. Она состояла въ собраніи весьма древнихъ стихотвореній, которыя имѣли предметомъ какую счастію въры и морали *Одина*. Вѣроятно, что трудъ *Семундовъ* былъ тотъ, что оныя въ первой разѣ собрать и написать. Сіе собраніе нынѣ какбы потеряннымъ считаютъ, исключая токмо трехъ малыхъ сочиненій, о которыхъ я тотъ часъ говорить буду; но нѣкоторые особы думаютъ съ большимъ основаніемъ, что древняя *Едда* и нынѣ еще пребываетъ, по крайней мѣрѣ большею частію. Весьма бы желательнымъ было, что бы тѣ, кои ею владѣютъ, на конецъ восчувствовали, что единая дѣйствительная выгода, которую они отъ нея получить могутъ, состоятъ въ той чести, какую они приобрѣтутъ сообщивъ ея свѣту, и его то именемъ я имъ совѣтую изъяснить сію великодушную ревность. Какъ бы то ни было; однако же довольно еще можно удовлетворить чужестранцамъ любопытнымъ до свѣрныхъ древностей и чрезъ ту часть сего сочиненія,

которую мы нынѣ можемъ видѣть и разсма-
тривать. Вѣроятно, что другая часть не
столько важна, и надлежитъ думать, что
конечно сіе причиною тому, что она оста-
влена въ забвеніи.

Первое изъ сихъ малыхъ сочиненій есть
то, которое я толико разовъ приводилъ подъ
заглавіемъ *Волуслы*: сіе слово значитъ *Про-
изреченіе* или *пророчество Волы*. Извѣстно,
что между Кельтами находились женщины;
которыя будущее предвѣщали, чинили про-
изреченіе, и жили въ тѣсномъ сообщеніи съ
божествомъ. Тацитъ часто упоминаетъ о
той, которая сдѣлалась славною у *Врукте-
ровъ*, одного Германскаго народа, подъ име-
немъ *Велледы*, и которая послѣ того опве-
дена была въ Римѣ. Одна находилась такъ
же въ Италіи, коея имя еще больше прибли-
жалось къ *Волѣ*; она была *Сивилла*, которую
Оратій называетъ *Ariminensis Folia*, (*Horat. Epod. v*).
Можетъ быть сіе имя было родственное вы-
раженіе, чрезъ которое означали всѣхъ сихъ
женщинъ: по крайней мѣрѣ онѣ оное заслу-
живали чрезъ томъ жаръ, которымъ они
одушевлялись, и свирѣпое движеніе, съ ка-
кимъ они чинили ихъ мнимыя произреченія.
Fol (бѣшенный, глупый) значило на Готескомъ
языкѣ то же самое, что оно значитъ на
Французскомъ, Англинскомъ, и на всѣхъ по-
чти сѣверныхъ языкахъ.

Сіе стихотвореніе приписанное сѣверной
Сивиллѣ содержитъ въ двухъ или въ трехъ
стахъ стихахъ всю систему иконословія,
которую видѣли въ *Еддѣ*; но сей краткій
слогъ и древность языка дѣлаютъ уразумѣ-
ніе

нѣе онаго весьма труднымъ. Однако сѣе не препятствуетъ тому, что бы въ немъ отъ времени до времени не примѣчали высокости, силы и нѣкоторыхъ изрядныхъ изображеній; въ прочемъ выраженіе, недостатокъ въ связи и безпорядокъ въ слогѣ, показываютъ великую древность онаго, равно какъ и самыя вещи. Безъ сомнѣнія такіе то были истинныя стихи Сивиллины столь долгое время сохранные въ Римѣ, и столь худо передѣланные. Стихотвореніе *Волуслы* можетъ быть есть теперь единая достопамятность, которая можетъ намъ подать о томъ истинное понятіе.

Я изъ него не приведу изъ онаго никакихъ черпъ: подлинникъ *Едды* онымъ наполненъ, какъ то уже видѣли: я о томъ говорилъ довольно пространно въ моихъ примѣчаніяхъ; довольно будешь сказать токмо то, что пророчица, наложивъ молчаніе на всѣ существа, объявляетъ то, что она имъ откроетъ опредѣленія отъ естества, дѣянія и дѣла боговъ, коихъ прежде ея никто не зналъ. Въ самомъ дѣлѣ она начинала чрезъ описаніе Хаоса; по томъ она переходитъ къ сотворенію міра, и къ различнымъ его родамъ жившелей, къ Великанамъ, людямъ и Карликамъ. По томъ она изъясняетъ подвиги волшебницъ, должности боговъ, равно какъ и то, что съ ними особливаго случилось, ихъ вражды съ *Локомъ*, и полученное ими надъ нимъ мщеніе. Послѣ сего она окончала долгимъ описаніемъ послѣднихъ судебъ селенныхъ, ея погибели, созженія, отъ коего ей надлежало быть поглощенной, сраженій

женій нижнихъ боговъ и злыхъ существъ, возобновленія міра, счастливаго состоянія добрыхъ людей, и наказаній злыхъ.

За симъ стихотвореніемъ слѣдуетъ другое, не меньше достойное вниманія: оно вѣщено въ Еддѣ Селенда, и не уступаетъ въ древности Волусѣ: оно называется *Гавамалъ* т. е. *высокое слова Одина*. Сему то самому богу его приписываютъ, и его то почитаютъ преподававшимъ въ немъ наставленіе людямъ въ мудрости: сіе сочиненіе есть совершенно единое въ своемъ родѣ: мы не имѣемъ прямо отъ Скиѳовъ и отъ Кельтовъ никакія другія достопамятности, которыя бы предмѣтъ касался до наставленія во благонравіи; что же мы о томъ знаемъ изъ другихъ мѣстъ, то несовершенно, испорчено и ненадежно. И такъ сіе наставленіе во благонравіи можешь нѣсколько дополнить потерю нашу тѣхъ правилъ, какія преподавали *Замолксидъ*, *Дикеній*, *Анахарсидъ* ихъ единомысленцамъ Скиѳамъ, какія по словамъ сихъ философовъ получены отъ неба, и въ въ какомъ наиразумнѣйшіе Греки часто имъ завидовали.

Гавамалъ, или *высокое слово*, состоитъ около ста двадцати строфъ: весьма малыя изъ нихъ суть такія, кои бы были изряды и разумны; но какъ иныя изъ нихъ заключаютъ весьма обыкновенныя истинны, а другія отмошенія, кои бы не скоро и не безъ труда можно было изъяснить; то я предлагаю токмо слѣдующія, уѣдряя вновь, что ихъ найдутъ здѣсь выраженными съ наивеличайшею исправностію.

Разсма-

Разсматривай изрядно всѣ входы прежде, нежели обяжешься въ какой сторонѣ; ибо никогда не можно знать довольно хорошо то, гдѣ находятся непріятели, которые тебѣ дѣлають подлоги.

Если пришедшій къ тебѣ гость имѣетъ холодныя колѣна; то нагрѣй его: тотъ, кто пробѣжалъ горы, имѣетъ нужду въ пищѣ и въ сухой одеждѣ.

Вода для того нужна, который сѣлъ за твой столъ для обмытія его рукъ: но дѣлай съ нимъ приятныя разговоры, если ты желаешь, что бы онъ съ тобою говорилъ или бы тебя слушалъ.

Путешествующій имѣетъ надобность въ мудрости. Усебя можно все то дѣлають, что угодно; но тотъ, который ничего не знаетъ, обратитъ на себя презрительные взоры, если онъ будетъ сидѣть съ довольно учеными людьми.

Тотъ, кто ходитъ на пиръ будучи къ оному не ожидаемъ, говоритъ съ покорностію, или молчитъ; онъ слушаетъ все, обѣщаетъ все своимъ окомъ, и чрезъ то приобретаетъ знаніе и мудрость.

Счастливы тотъ, кто приобретаетъ похвалы и благосклонность людей; ибо все то, что зависить отъ воли другихъ, есть опасно и неизвѣстно.

Нѣтъ надежнѣйшаго друга въ путешествіи, какъ великое благоразуміе; и сверхъ того нѣтъ и приятнѣйшаго запаса. Въ незнакомомъ мѣстѣ благоразуміе лучше сокровищъ; оно то бѣдныхъ питаетъ.

Ничто столь не бесполезно для сыновъ вѣка, какъ пить сѣ лишкомъ пиво; ибо чѣмъ больше какій человѣкъ его пьетъ, тѣмъ больше онъ разумъ теряетъ; птица забвенія поетъ передъ тѣми, кои упиваются, и у нихъ похищаетъ ихъ душу.

Человѣкъ лишенный разсудка думаетъ, что онъ избѣгая войны всегда жить будетъ; но если конь его пощадишь, то старость его одолѣетъ.

Прожорливый человѣкъ ѣстъ собственную его смерть, если онъ не будетъ остерегаться, и обжорство дурака разумныхъ смѣяться заставляетъ.

Стала знаютъ возвращаться въ ихъ хлѣвы, и оставляя паству; но человѣкъ не имѣющій чести не можетъ обуздать его беспутства.

Злый человѣкъ всему смѣется, не помышляя о томъ, что для него прилично воздерживаться отъ погрѣшности.

Человѣкъ лишенный смысла ближъ каждую ночь; онъ разсуждаетъ обо всемъ; но когда онъ уснетъ при наступаніи дня; то онъ не больше разуменъ, какъ и на канунѣ.

Онъ почитаетъ себя все знающимъ, выучивъ какую легкую вещь; но онъ не можетъ ничего отвѣчать, если его спросятъ объ какой темной вещи.

Многіе люди считаютъ себя искренно соединенными; но опытъ ихъ обманываетъ. Многихъ вѣковъ уже жалоба, что нахлѣбникъ бываетъ не вѣренъ хозяину.

То

То, чѣмъ владѣютъ, хотя и малое, есть всегда лучше. . . .

Я никогда не нашелъ человѣка столь щедрого и столь изящнаго, что бы у него принимать не значило *принимать*, и которой бы презиралъ подарокъ, если оный получить можеть.

Пускай друзья взаимно тѣшатся подарками оружіемъ и одеждою. Тѣ, кои дають и получаютъ, долгое время остаются друзьями, и часто дають пиршества другъ другу.

Люби твоихъ друзей, равно какъ и друзей твоихъ друзей; но не благопріятствуй другу твоихъ непріятелей.

Миръ блещетъ паче огня во время пяти ночей между злыми друзьями; но онъ угашаетъ при приближеніи шестыя, и тогда все дружелюбие превращается въ ненависть.

Когда я былъ молодъ, то я одинъ скитался въ свѣтѣ; мнѣ казалось, что я сдѣлался богатымъ, когда нашелъ товарища. Человѣкъ дѣлаетъ удовольствіе другому человеку.

Пускай человѣкъ будетъ умѣренно разуменъ, и пускай онъ не больше имѣетъ мудрости, какъ токмо, сколько потребно. Пускай онъ не ищетъ того, что бы знать его судьбу, если онъ спокойно спать желаетъ.

Вставай рано, если ты хочешь обогатиться, или побѣдить непріятеля. Волкъ, которой спитъ, не достаеиъ добычи, ни человекъ спящій побѣды.

Меня зовутъ туда и сюда къ пиршес-
твамъ, если я нужду имѣю токмо въ сѣ-
дѣ, и мой вѣрный другъ есть тотъ, кото-
рый мнѣ даетъ хлѣбъ, если онъ изъ нихъ
два имѣетъ.

Лучше жить хорошо, нежели долго.
Когда человѣкъ зажигаетъ огонь; то см-рть
есть у него прежде, нежели онъ поту-
шитъ.

Лучше имѣть сына поздно, нежели никог-
да. Рѣдко видятъ надгробные камни, по-
ставленные на могилахъ мертвыхъ руками
другихъ, нежели ихъ сыновъ.

Богацства проходятъ, какъ мгновеніе ока;
они суть наинепостояннѣйшія изъ дру-
зей. Спада погибаютъ, родители умира-
ютъ, друзья суть не больше безсмертны;
да и ты самъ умрешь. Но я знаю единую
вещь, которая совсѣмъ не умираетъ, и она
то есть разсужденіе, которое дѣлаютъ объ
мертвыхъ.

Пускай разумный человѣкъ съ умѣрен-
ностію употребляетъ его власть; ибо если
онъ придетъ между опличныхъ людей; то
онъ найдетъ, что онъ не превосходитъ
всѣхъ.

Хвали красоту дня, когда онъ окончился;
жену, когда ты ее узнаешь; мечъ, когда ты
его испыталъ; дѣвицу, когда ты на ней же-
нился; ледъ, когда ты чрезъ него перешелъ;
а пиво, когда ты его пилъ.

Не вѣрь словамъ дѣвицы, ни тѣмъ, кои
говоритъ женщина; ибо ихъ сердца забланы
такими, какъ колесо, которое ворочается;
легкость вложена въ ихъ сердца. Не вѣрь

ни льду дня, ни спящему змѣю, ни нѣжностямъ шой, на которой ты долженъ жениться, ни переломленному мечу; ни сыну сильнаго человѣка, ниже вновь засѣянному полю.

Миръ между злыми женами есть то же, какъ бы ты хотѣлъ переправить по льду неподкованнаго коня, или какъ бы ты упоишь двухлѣшняго коня, или какъ бы ты былъ во время бури на корабль неимѣющаго кормила.

Пускай тотъ, кто хочетъ привлечь къ себѣ любовь какой дѣвицы, держитъ предъ нею хорошіе разговоры, и представляешь ей красивыя вещи. Пускай онъ такъ же безпрестанно хвалитъ ея красоту. Надлежитъ имѣть мудрость, чтобы быть искуснымъ любовникомъ.

Нѣтъ жесточайшей болѣзни, какъ та, что бы быть недовольну своею судьбою.

Единое сердце знаетъ то, что происходитъ въ сердцѣ, и тотъ кто измѣняетъ разуму, есть самый разумъ.

Если ты желаешь склонить твою любовницу; то посѣщай ея токмо ночью. Если при особы знаютъ сіи вещи; то они бывають неудачны.

Не старайся прельщать женъ другаго.

Будь челоуѣколюбивъ въ разсужденіи тѣхъ, коихъ ты встрѣтишь въ дорогѣ.

Тотъ, кто имѣетъ хорошій запасъ въ путешествіи, радуется при приближеніяхъ ночи.

Не открывай никогда твоихъ печалей злому челоуѣку, ибо ты не получишь отъ него никакого вспоможенія.

Знай

Знай, что если ты имѣешь какого друга; то ты долженъ посѣщать его часто. Дорога наполняется правами, и деревья вскорѣ ея покрывающъ, если по ней безирестанно не ходятъ.

Не прерывай никогда первый дружбы съ твоимъ другомъ. Соболебнованіе грызетъ сердце того, который ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ себя совѣтоваться не можетъ.

Лучше льстить другимъ, нежели самому себѣ.

Не спорь никогда со злымъ больше трехъ словъ. Часто добрый уступаетъ, когда злый разсердится и возгордится. Однако опасно молчать, если тебѣ упрекаютъ въ женскомъ сердцѣ; ибо тогда считаютъ тебя трусомъ.

Я тебя прошу, будь остороженъ, но не съ лишкомъ, но особливо наблюдай сіе тогда, когда ты нѣсколько много пилъ, когда ты находишься подлѣ жены другаго, и когда ты находишься между ворами.

Не издѣвайся и не смѣйся надъ твоимъ гостемъ, или надъ чужестранцомъ: тѣ, кои живутъ у себя, не знаютъ того, кто есть прибѣхавшій чужестранецъ.

Нѣтъ ни одного добродѣтельного человека, который бы не имѣлъ какого порока, ни злаго безъ какія добродѣтели.

Не смѣйся никогда надъ старикомъ, ни надъ твоимъ старымъ дѣдомъ. Часто изъ морщинъ кожи выходятъ слова наполненные смысломъ.

Огонь прогоняетъ болѣзни, дубъ запорѣ мочи, солома закликаетъ очародѣвая, Руны уличаютъ

уничтожаютъ заклинанія, земля всасываетъ наводненія; а смерть утешаетъ ненависти.

Остатки древнія Едды окончены въ изданіи Резеніуса чрезъ малое стихотвореніе подъ заглавіемъ Глава Руническая, или волшебство Одина. Я уже замѣтилъ, что завоеватель принявшій сіе имя, приписалъ себѣ изобрѣшеніе буквъ, о которыхъ, вѣроятно, не имѣли предъ нимъ никакого понятія въ Скандинавіи. Но хотя сіе искусство было само по себѣ довольно чудесно, что бы привлечь къ тому, который въ немъ наставлялъ, все почтеніе незнающаго народа; однако же Одинъ заставилъ еще оное считать какбы волшебнымъ искусствомъ по превосходству, и производящемъ всякаго рода чудеса либо по тому, что сія новая ложь полезна была его честолюбію, либо для того, что онъ и самъ былъ столь мало знающъ, что вѣрилъ тому, яко бы ибчто сверхъестественное заключалось въ писаніи. По крайней мѣрѣ онъ въ семъ стихотвореніи выражается какъ такіи человекъ, который хочетъ въ томъ увѣрить.

Знаете ли вы, сказалъ онъ, какъ надлежитъ начертывать Руническія буквы? Какъ должно ихъ изъяснять. Какимъ образомъ ихъ достаютъ? И какъ испытываютъ ихъ силу? По томъ онъ обращается къ вычисленію чудесъ какія онъ можешь дѣлать, какъ посредствомъ сихъ буквъ, такъ и стихотворства.

Я умѣю лѣтъ лѣсию, которая не знаетъ ни супруга Короля, ни сынъ какого человека; она называется помощь; она прогоняетъ вражды, болѣзни, печаль.

Я знаю одну изъ нихъ, которую должны лѣтъ сыны людей желая здѣлаться искусными врачами.

Я знаю одну, чрезъ которую я претупляю и очародѣваю оружія моихъ непріятелей, и дѣлаю безплодными ихъ хитрости.

Я умѣю одну, которую я долженъ лѣтъ, когда люди обременили меня узами; ибо коли скоро я ея пою; то мои узы распадаются въ части, и я свободно гуляю.

Я изъ нихъ умѣю одну, которая полезна для всѣхъ людей; ибо коли скоро ненависть воспламенится между сынами людей; то я ея ухощаю въ самое то мгновеніе, когда ея пою.

Я изъ нихъ умѣю одну, коея сила есть та, что если меня захватитъ буря; то я заставляю молчать вѣтры, и возвращаю миръ воздуху.

Можно замѣтить при семъ послѣднемъ преимуществѣ стиховъ, которые умѣлъ Одинъ, что волшебники у всѣхъ Кельтскихъ народовъ имѣли въ ихъ власти вѣтры и бурю. Помлонгъ Мела говоритъ, что находились въ одномъ островѣ со стороны Британіи (вѣроятно островъ де Сейнтъ или святыхъ, противъ Бреста) жрицы ошдѣленные ото всѣхъ людей, которыхъ почитали какбы богинями кораблеплаванія, по тому что они располагали вѣтрами и погодами. Наказанія опредѣлены въ условіяхъ Карла великаго, въ канонахъ многихъ соборовъ, и въ древнихъ Норвежскихъ законахъ, противупѣхъ, кои возбуждаютъ бури, Tempestarii, какъ то ихъ называли. Такіе обманщики находились на берегахъ Норвежскихъ, да еще они

и нынѣ сущь у *Латландцовъ*: страхъ и суевѣіе долгое время имѣ дань плашили; отъ того произошли тѣ смѣшныя слухи, важно повторяемые столь многими слабыми путешественниками, что колдуны продавали вѣтрѣ кораблеплавателямъ учащавшимъ сіи моря. То справедливо, что со многихъ бы лѣтъ рыболовы самыя Норвегіи, не знали того, было ли когда сіе глупое мнѣіе, еслибы чужестранные мореплаватели, которые тѣмъ не были обмануты такъ какъ они, не приходили къ нимъ часто для покупки вѣтра, и если бы первые не находили ихъ удовольствія, что бы получали отъ другихъ деньги смѣясь надъ ними.

Проповѣдники и Епископы заблаговременно старались вырвать всѣ худыя травы на полѣ, на коемъ они хотѣли посѣять учене евангелія. Они нападали на Кельтскую вѣру всякимъ родомъ оружія. Какъ они часто имѣли слабость вѣрить ложнымъ чудесамъ идолопоклоненія; то они подвержены были и той, что желали противупологать имъ такія, кои ихъ превосходили единою правою намѣренія: въ одной древней Исландской лѣтописи (а) видятъ Епископа умиряющаго бури освященною водою, и нѣкоторыми другими обрядами. Но сіе значить съ лишкомъ прерывать слово *Одина*.

Когда я вижу, продолжаетъ онъ волшебницъ проходящихъ воздухи; то я ихъ смущаю *единнымъ*.

(а) K. Oloff Tryggvason Saga с. 33.

единымъ взглядомъ, и ихъ принуждаю оставить ихъ предпріятіе. Выше говорено о сихъ воздушнымъ путешествіяхъ.

Если я вижу человека жертваго, и висѣщаго на вершинѣ какого дерева; то я начертываю столь чудесныя Руническія буквы, что сей человекъ тотъ часъ сходитъ, и вступаетъ въ разговоръ со мною.

Одинъ часто вызывалъ мертвыхъ посредствомъ его руновъ, а иногда такъ же чрезъ стихи. Мы еще имѣемъ весьма древнюю лѣсню, сохраненную Бартолиномъ, въ которой сей богъ вызываетъ изъ могилы одну гада-тельницу, съ которою онъ совѣтовать желаетъ. Такое то есть начало сея лѣсни, которая можетъ дать понятіе о томъ, что такое было сіе волшебное стихословство, извѣстное нѣкогда всѣмъ Кельтскимъ народамъ.

Одинъ наибольшаго изъ людей встаетъ: онъ сѣдаетъ его коня Слейлнера, онъ на него садится, и отправляется въ подземное жилище Гелы (смерть).

Песъ охраняющій жилища смерти бѣжитъ ему на встрѣчу; его груди и его рыло покрыты кровію; онъ раздвигаетъ свою ласть жадную къ убійству, и даетъ долгое время видѣ отца волшебства.

Одинъ продолжаетъ его путь; конь его заставляетъ дрожжать и раздаваться подземныя пещеры: на конецъ онъ достигаетъ до глубокаго обиталища смерти, и останавливается подле восточныхъ дверей, гдѣ стоитъ гробъ пророкицы.

Онъ

Онъ ей поетъ стихи, способные къ вызванію мертвыхъ; онъ смотритъ на сѣверъ, вырѣзывая на ея гробъ руническія буквы, произносить таинственный рѣчи и велитъ ему отвѣчать: на конецъ принужденная пророчица поднимается, и говоритъ такимъ образомъ:

Кто тотъ незнакомый, который дерзаетъ нарушать мой покой, и меня вызываетъ изъ гроба, въ коемъ я лежу чрезъ толь долгое время, будучи покрыта снѣгомъ, и орошаема дождями? и проч.

Другія чудеса, которыми Одинъ хвалялся въ рунической главѣ, суть не меньше важны.

Если я хочу, что бы какій человекъ никогда не погибъ во сраженіяхъ, и ни когда не былъ поверженъ мечемъ; то я его орошаю водою, когда онъ родится. Здѣсь можно привести себѣ на память то, что сказано о крещеніи сѣверныхъ еще идолопоклонническихъ народовъ въ введеніи въ исторію Датскую.

Если я хочу; то могу изъяснить естество различныхъ родовъ людей; духовъ и боговъ. Одни токмо мудрые могутъ знать всѣ ихъ различія.

Если я желаю снискать любовь и благосклонность наидобродѣтельнѣйшей дѣвицы; то я умѣю обратить ея мысль, и склонить ея волю по моему произволенію.

Я знаю одну тайну, которой я никогда не потеряю, она есть та, что бы заставить мою любовницу, дабы она постоянно меня любила.

Но я знаю еще одну, которой я никогда не объявлю никакой женщинѣ, исключая мою сестру, или ту, которая меня держитъ въ ея

объятіяхъ. То, что знаешь единый, всегда имѣетъ большую цѣну.

Послѣ сего сочинитель заключаетъ восклицаніями въ разсужденіи красоты предложенныхъ вещей.

Телерь, сказалъ онъ, я пою въ моемъ великолѣльномъ жилищѣ мои высокіе стихи, нужные сынамъ людей, и безполезные сынамъ людей. Да благословенъ будетъ тотъ, который лѣлъ! да благословенъ будетъ тотъ, который уразумѣлъ! да воспользуется тотъ, который удержалъ! и да благословенны будутъ тѣ, которые слушали!

КОНЕЦЪ ЕДДЫ.

ПѢСНИ И ДРУГІЯ

Древнія стихотворенія.

Я считалъ моимъ долгомъ то, что бы присовокупить къ Еддѣ слѣдующія сочиненія выбранныя между симъ множествомъ стиховъ, которые намъ сохранили писатели древнихъ лѣтоисчисленій.

Они суть тѣ, кои мнѣ показались наиболѣе способными къ описанію нравовъ и мыслей древнихъ сѣверныхъ жителей, ко служенію свидѣтельствами тому, что мною сказано въ введеніи въ Дашскую исторію, и къ представленію того, что иконословіе Едды было иконословіемъ всѣхъ сѣверныхъ стихоперцовъ, и вѣрою многихъ народовъ, украшенною выдумками и аллегоріями.

Съ

Съ начала найдутъ *лѣси* сочиненную Регнеромъ *Ладбругомъ* въ мученіяхъ предшествовавшихъ его смерти. Жаръ славы возбужденный чрезъ жаръ вѣры сказывалъ ему сію пѣсню. Регнеръ знаменитый воинъ, стихотворецъ и морской разбойникъ государствовалъ въ Даніи около начала девятого столѣтія. Онъ послѣ различныхъ морскихъ набѣговъ въ отдаленнѣйшія страны, на конецъ испыталъ несчастіе въ Англіи. Будучи взятъ сражаясь съ его непріателемъ *Еллою* Королемъ одной части сего острова, умеръ отъ грызеній змѣй, коими наполнена была его темница. Онъ оставилъ многихъ сыновъ, которые отмстили сію ужасную смерть, какъ то Регнеръ предвидѣлъ въ его стихахъ, которые теперь читаютъ будущъ. Съ великимъ основаніемъ догадываются, что сей Государь сочинилъ самъ шокмо одну или двѣ строфы сея пѣсни, и что другія прибавлены послѣ его смерти чрезъ какого стихотворца, которому препоручено было, по обыкновенію того времени, что бы возвысить блескъ его похоронъ чрезъ пѣніе какія пѣсни въ его похвалу. Какъ бы то ни было, однако сіе сочиненіе находится въ разныхъ Исландскихъ лѣтописяхъ, и стихи, языкъ и слогъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ разсужденіи его древности. *Вормій* издалъ подлинникъ онаго въ руническихъ писменахъ съ Лашинскимъ переводомъ и съ пространными примѣчаніями въ его *Liberat. Runic. p. 107.* Оно такъ же находится въ собраніи г. *Бюрдера*. Изъ двадцати девяти строфъ, изъ коихъ она составлена,

я думалъ, что слѣдующія были единыя, которыхъ большая часть моихъ чисташелей увидяшъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Я не всегда такъ же переводилъ цѣлыя строфы, и часто я изъ двухъ дѣлалъ токмо одну, дабы ихъ освободить отъ мѣстъ темныхъ и маловажныхъ.

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА ЛОДБРОГА.

Мы билися ударами мечей въ то время, когда я будучи еще молодъ отправился къ востоку для приготовленія кровавыя добычи алчнымъ волкамъ. Все море казалось единою раною, и вороны плавали въ крови раненныхъ.

Мы билися ударами мечей въ день сего великаго сраженія, въ которое я послалъ народовъ Гелзынги въ чертоги Одина. Оттуда наши корабли перенесли насъ къ Истѣ, гдѣ желѣза нашихъ копій пробивали латы съ великимъ шумомъ, и гдѣ мечи въ части щиты разсѣкали.

Мы бились ударами мечей въ сей день, въ который я видѣлъ десять тысячъ моихъ непріятелей лежавшихъ въ пыли на одномъ Англинскомъ мысѣ. Роса крови падала съ нашихъ мечей, стрѣлы искавшія шлемовъ, отъ поргаемы были въ воздухахъ; сіе причиняло мнѣ такое же удовольствіе, какъ бы я держалъ красивую дѣвушку въ моихъ объятіяхъ.

Мы билися ударами мечей въ тотъ день, въ который моя десница заставила достигнуть до послѣднихъ сумерекъ сего

молод

молодаго человѣка, толико гордившагося его красивыми волосами, который искалъ молодыхъ дѣвушекъ съ утра, и толико увеселялся тѣмъ; что объ немъ беспрестанно говорили вдовы. Какая другая судьба мужественнаго человѣка какъ не та, что бы упастъ между первыми посреда гора стрѣлъ? Тотъ, кто никогда не раненъ, препровождаетъ скучную жизнь, и трусъ не дѣлаетъ ни когда употребленія его сердцу.

Мы билися ударами мечей. Ибо молодому человѣку надлежитъ заблаговременно оказать себя во сраженіяхъ, и что бы одинъ человѣкъ нападалъ въ оныхъ на другаго, или бы ему противился. Въ томъ то состояло всегда благородство какого ироя, и томъ, который желаетъ приобрѣсти благосклонность его любовницы, долженъ быть скоръ и отваженъ во сраженіи.

Мы билися ударами меча, но я нынѣ испытываю, что люди влекомы бываютъ судьбою; не многіе изъ нихъ могутъ сопротивляться опредѣленіямъ волшебницъ. Думалъ ли я, что конецъ моея жизни предохраненъ для Елены, когда я полумертвый разливалъ еще ручьи крови, когда я погрузилъ корабль въ заливахъ Шотландскихъ, и когда я доставлялъ столь изобильную добычу дикимъ звѣрямъ?

Мы бились ударами меча; но я нынѣ преисполненъ радостію въ разсужденіи того, что готовится для меня пиршество въ чертогахъ Одина. Вскорѣ, вскорѣ сяду въ блестящемъ жилищѣ Одина, мы будемъ пить пиво въ черепахъ нашихъ непріятелей.

Мужественный человекъ ни мало не боится смерти. Я не произнесу словъ изъбавляющихъ ужасъ входя въ столовую *Одина*.

Мы билися ударами меча. Ахъ! если бы мои сыны знали то, какія я сношу мученія; если бы они знали, что ядовитыя змѣи перзаютъ мою грудь: то съ коликимъ бы они жаромъ вдалися въ жесточайшія сраженія. Ибо мать, копорую я имъ далъ, оставила въ нихъ мужественное сердце.

Мы билися ударами меча; но нынѣ я приближаюсь къ моему послѣдному мгновенію. Одинъ змѣй грызетъ уже сердце: вскорѣ оружіе носимое моими сынами почернѣетъ въ крови *Еллы*; ихъ гнѣвъ воспламенился, и сіе бодрственное юношество не въ состояніи будетъ болѣе терпѣть покоя.

Мы бились ударами меча въ пятидесяти одномъ сраженіяхъ, въ коихъ знамена развѣвались. Я съ моего юношества научился обогрѣвать кровію остріе копья, и я никогда не думалъ найти какого Короля мужественнѣе меня: но время окончитъ; Одинъ посылаетъ ко мнѣ его Богинѣ для отведенія меня въ его чертоги: я сяду въ перьвыхъ мѣстахъ, что бы пить пиво съ богами. Часы моей жизни прошли, и я умру смѣясь.

Примѣчанія на прежнюю баснь.

Я не долженъ предупреждать разсужденія, представляющіяся сами собою мыслямъ читая сіе стихотвореніе; но я однако замѣчу то, что оно весьма хорошо подтвер-

тверждаетъ сказанное мною въ моемъ введеніи о мнѣнїи сѣверныхъ народовъ въ разсужденіи женскаго пола. Обыкновенно воображаютъ, что мы одолжены законамъ рыцарства, т. е. установленію не простирающемуся выше одиннадцатаго столѣтія, симъ разумомъ великодушія, который нѣкогда дѣлалъ женскій полъ судіею славы мужескаго, которой полагалъ въ его благосклонностяхъ предмѣтъ и награду добродѣтельнымъ и мужественнымъ дѣяніямъ, который присовокупялъ къ ревности, что бы ему служить, его защищать и ему угождать, воображеніе наисладчайшія и наиблагороднѣйшія изъ всѣхъ должностей, и который заставлялъ еще и нынѣ оказывать ему отличности, кои въ другихъ мѣстахъ не вездѣ извѣстны. Но то подлинно, что гораздо прежде одиннадцатаго столѣтія мнѣніе сіе свойственно было Германцамъ и Скандинавамъ. Пускай приведутъ себѣ на мысль то, что сказалъ Тацитъ о почтеніи сихъ народовъ къ женскому полу. Римляне весьма удалены были отъ того, что бы ввести съ собою равныя чувствованія въ завоеванныя ими страны. Они не отъ нихъ приняты въ Испаніи, Франціи, Англіи и проч. И такъ отъ чего происходитъ то, что послѣ паденія Имперіи духъ привѣтливости и учтивства вдругъ вездѣ распространился? Весьма явственно то, что сей духъ свойственный сѣвернымъ народамъ не иначе могъ распространиться, какъ съ ними. Онъ произошедъ отъ ихъ набожныхъ предразсужденій, отъ ихъ вкуса къ войнѣ, отъ естественнаго цѣлому-

дрія ихъ женъ, и будучи совокупленъ съ ихъ обыкновеніями и нравами долженъ былъ повсюду слѣдовать за ними, гдѣ токмо они водворялись, и пребывать тамъ чрезъ долгое время. Но какъ у богатѣйшихъ и вѣжливейшихъ народовъ, произведенныя ими дѣйствія возвысились чрезъ сей блескъ, который привлекаетъ всѣ взоры; то въ скоромъ времени забыли его источникъ, и нынѣ не можно до онаго достигнуть, не имѣя противъ себя сильныхъ предупрежденій.

Если нашли различныя черты рыцарскія вѣжливости къ женскому полу въ пѣсни Короля Регнера; то подумаютъ, что слышатъ самую ея говорящую въ пѣсни государя Норвежскаго, именемъ Гаральда Бодраго, которая находится въ древнемъ Исландскомъ лѣтописаніи, называемомъ *Книгѣ динга Сага*. Она гораздо новѣе, нежели прежняя; но она еще служитъ къ показанію того, что сѣверные народы помышляли о соединеніи любви съ воинскою силою прежде самихъ тѣхъ народовъ, къ присвоенію коихъ всѣхъ вкусовъ оказывали они въ слѣдствіи большую склонность. Гаральдъ Бодрый жилъ въ половинѣ одинадцатаго столѣтія. Онъ пробѣжалъ всѣ сѣверныя моря, и разбивалъ даже въ Средиземномъ и на берегахъ Африки; по томъ онъ былъ пойманъ, и нѣсколько времени въ плѣну въ Константинополѣ задержанъ. Въ сей пѣсни онъ жалуется на то, что приобрѣтенная имъ слава чрезъ толикіе подвиги, не могла тронуть Елисавету дочь Ярослава Царя Россійскаго.

Пѣсня Гаральда Бодраго.

Мои корабли обѣхали Сицилію. Тогда по мы были блестящи и пышны: мой бурый корабль нагруженный людьми быстро разсѣкалъ волны по волѣ моихъ желаній; я помышляя о сраженіяхъ думалъ всегда плавать такимъ образомъ. Однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Я сражался въ моей юности съ народами Дроугтейма. Они имѣли войска превосходнѣйшія числомъ. Сіе сраженіе было спрашное; я оставилъ ихъ молодого Короля мертвымъ на полѣ сраженія: однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Однажды насъ было токмо шестнадцать въ кораблѣ, буря подымается и надуваетъ море, она наполняетъ нагруженный корабль; но мы его изпразднили съ раченіемъ. Я отъ того ожидалъ счастливаго успѣха: однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Я умѣю дѣлать осмь упражненій; я бодро сражаюсь; я сижу крѣпко на кони; я привыкъ плавать; я умѣю бѣгать на конькахъ; я бросаю копіе; я знаю грестъ. Однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Можетъ ли сія младая и пригожая дѣвица въ томъ запереться, что бы въ сей день, въ который я стоя подлѣ города въ полуденной сторонѣ, вступилъ во сраженіе, не воспользовался мужественно моими оружіями, и что бы я не оставилъ послѣ себя продолжительныхъ достопамятностей мои

имѣ подвигамъ? Однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Я родился въ высокой странѣ Норвегіи, тамъ, гдѣ жители столь хорошо управляютъ луками; но я предпочитаю весли мои корабли, ужасъ крестьянъ, посредѣ морскихъ камней, и въ отдаленіи отъ жилища людей я пробѣжалъ моря съ сими кораблями. Однако дѣвица Россійская меня презираетъ.

Слѣдующая пѣсня есть другаго рода; она названа въ древнихъ лѣтописяхъ *похвала Гакина*. Сей Государь былъ сынъ знаменитаго *Гаральда* съ красивыми волосами перваго Короля всея Норвегіи. Онъ былъ убитъ около девяти сотъ шестидесятаго года во сраженіи, въ коемъ купно съ нимъ погибли осьмъ изъ его братьевъ. *Ейондъ*, его шуринъ, знаменитый *Скальдъ*, котораго называли *крестомъ стихотворцовъ*, по причинѣ его превосходныхъ качествъ къ стихамъ, находился при семъ сраженіи, и послѣ онаго сочинилъ сію пѣснь, что бы ея пѣли при похоронахъ его родственника. Самый потъ *Сноронъ*, которому мы одолжены *Еддою* сохранилъ ея въ его Норвежскомъ лѣтописаніи.

Похвала Гакина лѣсня.

Богини предсѣдающія во сраженіяхъ посланы были *Одиною*: они выбираютъ между Князьями знаменитаго поколѣнія *Инговъ* того, который долженъ погибнуть, и ищи для населенія жилища боговъ.

Гондула

Гондула одна изъ сихъ богинь опершись на конецъ ея копья говоритъ такимъ образомъ ея подругамъ: собраніе боговъ увеличится; непріятели *Гажина* станутъ приглашать сего Государя съ его многочисленнымъ войскомъ, что бы онъ вошелъ въ чертоги *Одина*.

Такимъ то образомъ говорили между собою сіи добрыя волшебницы; онѣ сидѣли на конѣ прикрывшись ихъ шишаками и ихъ щитами, и онѣ казались бытъ занятыми какою великою думою.

Гажинъ услышалъ ихъ разговоръ. Для чего, сказалъ онъ одной изъ нихъ, для чего расположила ты такимъ образомъ симъ сраженіемъ? Не достойны ли мы получить отъ боговъ лучшую побѣду? Мы то, отвѣчала она, дали тебѣ оную, и мы то еще заставили бѣжать твоихъ непріятелей.

Ступайте, продолжала она, пустимъ нашихъ коней сквозь сіи миры, испещренные зеленью, которые составляютъ жилище боговъ. Ступайте возвѣстить *Одину*, что Король посѣтитъ его въ его чертогахъ.

Одинъ получивъ сіе извѣстіе сказалъ: *Гермодъ* и *Брагъ*! идите на встрѣчу Королю. Король почитаемый мужественнымъ оповѣжъ людей придетъ сего дня въ сіи чертоги.

На конецъ Король *Гажинъ* приближается и онъ вышелъ изъ сраженія обогрѣвъ еще кровію. Онъ увидѣвъ *Одина* вскричалъ, ахъ! koliko сей богъ кажется мнѣ свирѣпымъ и страшнымъ!

Богъ

Богъ *Брагъ* ему отвѣчаетъ: ступай, о ужасъ наизнаменишѣишихъ воиновъ! ступай и соединись съ твоими осьмью братами; живущіе здѣсь и рои будутъ соблюдать миръ съ тобою: ступай пить пиво посредѣ собранія боговъ.

Но сей храбрый Король вскричалъ: я желаю всегда сохранять мою збрую; и рою надлежитъ соблюдать съ великимъ раченіемъ его латы и шлемъ, и опасно находится и одну минуту не имѣя своего коцья въ рукахъ.

Тогда узнали, коль благочестиво сей Король жертвовалъ богамъ; ибо божественный сенатъ и всѣ меньшіе боги приняли его поздравляя.

Счастливъ тотъ день, въ который родится Король умѣющій такимъ образомъ привлечь благосклонность боговъ! вѣкъ, въ который онъ жилъ, остается всегда въ свѣжѣмъ воспоминаніи у людей.

Оковы *Фенриса* разорвутся и онъ бросится на его непріятелей съ яростію прежде, нежели столь добрый Король появится на землѣ приведенной нынѣ въ печальное вдовство.

Богацства исчезаютъ, родители умираютъ, поля опустошены; но Король *Гакинъ* будетъ жить съ богами, между тѣмъ какъ его народъ предается печали.

Я приведу здѣсь единое еще сочиненіе; но оно будетъ гораздо достопамятнѣе, нежели прежнія, и чрезъ находящіяся въ немъ различныя подробности, представитъ оно еще живѣе нравы и мысли тѣхъ временъ, кои мы знать желаемъ. Я оное взялъ изъ собра-

собранія древнихъ сѣверныхъ историческихъ достопамятностей, изданнаго господиномъ *Е. И. Біорнеромъ*, Шведскимъ ученымъ, подъ заглавіемъ *Nordilca Kämperlater*, сирѣчь: *подолги сѣверныхъ Королей и Ироевъ* и проч. Въ Стокгольмѣ 1737 года. Сей писатель издалъ оное по рукописи сохраненной въ архивахъ Шведской коллегіи древностей, и онъ присоединилъ къ оному переводъ Шведскій и Латинскій. Я столько употреблялъ первый, сколько прилагалъ старанія удаляться отъ втораго; ибо г. *Біорнеръ* послѣдовавъ вѣрно его подлиннику въ одномъ, употребилъ при второмъ толь красивый, или лучше сказать, столь вишѣвавшій слогъ, что вмѣсто сѣвернаго *Скальда* представляется въ немъ ученикъ, не давно вышедшій изъ риторики. Мнѣ кажется, что не лзя довольно обвинять сей невѣрный вкусъ къ переводу, а особливо при древнихъ сочиненіяхъ, коихъ подлинныя чистосердечіе и простота составляютъ главнѣйшее достоинство.

Не можно съ основаніемъ сказать того, что какъ сіе сочиненіе принадлежитъ ко древностямъ Швеціи, а не Даніи; то оно и не должно здѣсь имѣть мѣста: тѣ, коимъ извѣстны какъ тѣ, такъ и другія, равнобрно знаютъ и то, что въ древнія времена нравы и обыкновенія обоихъ Королевствъ столь мало различались, что сіи обстоятельныя заимствованія не могутъ причинить никакія, нѣсколько знатныя погрѣшности и заблужденія. Сверхъ сего противъ того стихотворенія, о которомъ я говорю, возражали Дашскіе ученые, какъ бы противъ произведенія

денія ихъ отечества; оное такъ же вмѣсти-
ли почти такимъ же, какимъ его здѣсь уви-
дѣтъ, въ одномъ собраніи древнихъ Датскихъ
пѣсенъ (а). Что касается до меня; то я ве-
сьма склоненъ вѣрить тому, что оное безъ
различенія пѣли во всей Скандинавіи, и что
каждый народъ приписывалъ оное себѣ, да-
бы присвоить себѣ честь въ тѣхъ великихъ
ударахъ мечемъ, кои въ ономъ описаны. При-
мѣры сего рода суть не рѣдки въ сіи удален-
ныя времена.

Что касается до времени, въ которое
написано было сіе стихотвореніе; то если
объ немъ будущъ разсуждать по языку под-
длинника, который мы предъ собою имѣ-
емъ; то подумаютъ, что оно изъ тринад-
цатаго или изъ четвертаго надесѣть сто-
лѣтій; но оно безспорно гораздо древнѣе; по-
тому что описанные въ немъ нравы, и Идо-
лопоклонническая вѣра, о которой въ ономъ
больше, нежели однажды упоминается, не-
опмѣнно принадлежащѣ ко временамъ, пред-
шествовавшимъ десятому столѣтію. И такъ
весьма вѣроятно то, что поновлять языкъ
сего стихотворенія столь часто, сколько
нужда требовала для разумѣнія онаго, успѣхъ,
какій оно имѣло во всемъ сѣверѣ, долженъ
былъ обязать разныхъ стихотворцовъ къ
принятію на себя сего труда. Г. Біорнеръ
намъ объявляетъ, что онъ слышалъ еще въ
его

(a) Cum N. 27. in Centur. Cant. Danic. prior. Part. prim.
ab *And. Velleio* compil. et edit. ann. 1695. cum. cent.
sec. a *Pet. Syvio*.

его юношесствѣ, что оное пѣли съ нѣкоторыми легкими перемѣнами крестьяне въ Меделпандіи и Ангерманіи, провинціяхъ лежащихъ къ сѣверу отъ *Штокгольма*. Что касается до того, что онъ присовокупляетъ, яко бы прославляемые въ немъ ирои жили въ тринадцатомъ столѣтіи; то о семъ съ подлинностію сказать трудно.

*Исторія о Карлѣ и о Гримѣ, короляхъ
Шведскихъ, и обѣ Гіакмарѣ сынѣ
Гарека, короля Біарміи.*

Нѣкогда былъ Король именемъ Карлъ, который управлялъ болрыми воинами; земли его находились во Швеціи, и онъ заставлялъ въ нихъ владычествовать покой и радость: страна его была обширная и населенная; а войско его состояло изъ отборнаго юношества. Супруга, которую онъ полюбилъ, была наипрекраснѣйшая, какую токмо можно видѣть. Она родила королю любезную дочь именемъ *Ингегерду*. Сія княжна возрастала на каждый день въ живости, въ чести и въ прелестяхъ, и обѣ ей говорили, что не было ей равной ни въ красотѣ, ни въ богатствѣ. И такъ сердце короля совершенно ею увеселялось.

Сверхъ того надлежитъ знать, что былъ нѣкоторый мужественный графъ именемъ *Ерихъ*, поставленный для защищенія
вла-

власти и земель короля (а). Онъ былъ воинъ препроводившій его жизнь въ бою копьями и мечами, который повергъ многихъ гордыхъ ироевъ. Онъ женился на одной весьма знаменитой госпожѣ, съ которою онъ прижилъ сына именемъ *Грима*. Сей *Гримъ* былъ заблаговременно великъ, и искусенъ въ воинскихъ упражненіяхъ. Онъ умѣлъ обагрять его мечъ въ непріятельской крови, бѣгать по горамъ, бороться, распознавать звѣзды, бросать весьма далеко великіе камни, такъ что онъ зналъ всѣ науки, кои могутъ прославить ироя. И такъ когда онъ достигнулъ до двенадцатилѣтняго возраста; то никто неосмѣливался его вызывать ни на мечъ, ни на лукъ, ниже на борьбу. Между тѣмъ онъ часто дѣлалъ различныя игры въ горницѣ благородныхъ дѣвицъ въ присутствіи красивыя дочери короля

Примѣчанія.

НА ПРЕЖНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

- (а) Графъ поставленный для защищенія и проч. Во всѣхъ Германскихъ или Нѣмецкихъ земляхъ, въ коихъ народъ повиновался Королю, выбиралъ онъ начальника называемаго то *Графомъ*, то *Княземъ*. Короли всегда были изъ какого извѣстнаго поколенія; но начальникомъ брали храбрѣйшаго воина, *Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*, сказалъ *Тацитъ* о Германцахъ. Сіе слово служитъ ключемъ для исторіи средняго вѣка, какъ то показалъ г. *Монтескю* при первомъ колѣнѣ Королей Францускихъ. Короли были наследственные, а начальники, избираемые. Франки имѣли сіе же обыкновеніе въ ихъ первомъ отечествѣ.

роля: онъ желая привлечь къ себѣ любовь показывалъ ей то, koliko онъ искусенъ въ упражненіяхъ его превосходнымъ мечемъ, и такимъ образомъ заставляя ее видѣть его знанія въ тѣхъ наукахъ, которыми его учили, на конецъ учинилъ ей слѣдующій вопросъ: Желаетъ ли ты, моя княжна, имѣть меня твоимъ супругомъ, если я получу на то позволеніе? Сія мудрая дѣвица отвѣчала; я не желаю сама дать себѣ мужа; но говори о томъ съ моимъ отцомъ, и старайся учинить ему такое же предложеніе.

И такъ сей мужественный воинъ пошелъ къ королю и поздравилъ его почтенно говоря ему: О король! дай мнѣ въ супружество твоею прекрасную и богатую дочь. Но король съ гнѣвомъ ему отвѣчалъ: Ты улравлялся нѣсколько разовъ въ дѣйствованіи оружія твоего, ты пріобрѣлъ нѣкоторые знаки чести; но насытилъ ли ты когда чрезъ побѣду дикихъ зверей жадныхъ до крови? Грѣхъ отвѣчалъ. Куда же я пойду, о король! чтобы обогреть кровію мой мечъ, и заслужить то, чтобы имѣть столь красивую и прелестную супругу. Я знаю сказалъ король, одного человека, который здѣлался страшнымъ остріемъ его меча; онъ разсѣкаетъ въ части наихвѣтчайшіе щиты, онъ достаетъ блестящія оружія во сраженіяхъ, и такимъ образомъ обогащаетъ его воиновъ. Имя его есть Гіалмаръ; онъ сынъ Гареха, который улравляетъ Бѣарміею (*). Я не знаю ни еди-

Часть II. Л наго.

(*) Провинція, которую нынѣ почитаютъ Медельпидіею, Ангерманіею и проч. Однако другіе думаютъ, что она была къ востоку Бошническаго залива.

наго мужественнѣйшаго челоѣха, который бы повелѣвалъ отважнѣйшими воинами. И такъ стулай безъ отлагательства для учиненія на него нападенія, и окажи такимъ образомъ твою силу. Здѣлай ему сильные настулы, и заставь его вскорѣ грызть пыль; тогда я тебѣ дамъ пригожую Ингегерду совсѣмъ блестящую златомъ, и съ нею знатное количество денегъ. Но воображай себѣ то, что то уже великое счастье, что уязвить такого ироя, каковъ Гіалмаръ. Но какъ бы то ни было; однако твою любезную будутъ хранить въ надежномъ мѣстѣ, и прилагать лечение о богатомъ ея убранствѣ. Потомъ Гримъ пошелъ къ Ингегердѣ, и смотря на нея влюбчиво ея поздравилъ: она его видя ему сказала: какій отвѣтъ получилъ ты отъ короля? Но Гримъ прежде, нежели ей рассказывалъ то, что произошло, дѣлался попеременно краснымъ и блѣднымъ: Король показалъ мнѣ неустрашимаго Гіалмара, и я долженъ отнять у него жизнь, прежде нежели на тебѣ женюсь. Тогда Ингегерда вскричала съ соболѣзнованіемъ: Ахъ! и такъ мой отецъ предалъ тебя смерти! но возьми сей мечъ, который можетъ разсѣчь и обогреть кровію наикрѣдчайшую збрую: утравляй имъ хорошо во сраженіяхъ и давай имъ великіе удары. Гримъ разсматривалъ остріе сего меча, который назывался, какъ то увѣряютъ, Травста, то есть, утѣшитель. Въ то же самое время любовница его дала ему воинскій уборъ, и Гримъ увидѣвъ оный далъ клятву, что онъ не отступитъ, и не побѣжитъ находясь въ присутствіи князя, его непріятеля. Послѣ того онъ пошелъ къ его ошцу, говоря:

Телегъ

Теперь то настало время, въ которое я могу усугубить мою славу: дай мнѣ тотъ часъ корабли и войновъ: я не могу долѣе откладывать. Я тебѣ препоручу, сказалъ ему его отецъ, пятнадцать галеръ, и одинъ великій и великолѣпный корабль. Ты можешь самъ выбрать наилучшій оружія, и войновъ, которыхъ ты самъ лаче любишь.

И такъ созвали собраніе, въ которое собралось множество людей изъ многихъ отдаленныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Гримъ имѣлъ мужественное и отборное войско, состоящее изъ наихрабрѣйшихъ войновъ. Каждый изъ нихъ вскорѣ готовъ былъ ему слѣдовать съ благороднымъ жаромъ. Уже сіе войско храбрыхъ и мужественныхъ людей приближается ко берегу. Они пускаютъ въ полное море ихъ богато украшенные корабли. Они будучи покрыты ихъ синими блестящими лапами, распускаютъ паруса, которые вѣтръ надуваетъ съ силою. Веревки шумятъ, волны пѣнятся и ревушъ. Между тѣмъ Гримъ располагался ко вступленію въ жестокія сраженія, и далеко распространилъ кровопролитіе, будучи въ помѣ увѣренъ, что ни единой воинъ не дерзнетъ стоять противъ нападенія его спрѣлъ; онъ требовалъ отъ большія части его спутниковъ кляпву въ вѣрности. И такъ сіи храбрые ирони направляли ихъ многочисленные корабли къ Готтѣи, будучи готовы тотъ часъ дать довольный обѣдъ воронамъ, и изобильное пиршество волкамъ. Въ небольшое время весь флотъ прикасается къ не-

пріятельской землѣ, землѣ такой, на коей
вскорѣ толико ироевъ должны были лишиться
жизни.

Такимъ образомъ Гримъ прибылъ въ Гот-
тёю, и красивая жена причиною была тому,
что волки могли насытиться убишыми тру-
пами, и что его храбрые и гордые воины
подвергались сраженію. Они осмотрѣвъ око-
ло себя, увидѣли разбитыя полатки, кои
далеко простирались въ поле, и подлѣ оныхъ
красивое войско и великіе возженные огни.
Тогда не сомнѣвались, чтобы шумъ не былъ
станъ, въ коемъ управлялъ Гіалмаръ. Въ
самомъ дѣлѣ сей ирой приближившись самъ
спросилъ мужественныхъ воиновъ Грима,
кому принадлежали тѣ корабли, которые
онъ видѣлъ. Тогда Гримъ прибѣжавъ ска-
залъ ему его имя, прибавляя, что онъ уже
употребилъ все лѣто въ его исканіи. *И*
такъ я тебѣ желаю счастливаго прѣзда, ска-
залъ Гіалмаръ, и пріобрѣсти честь и здравіе.
Я тебѣ тотъ часъ прикажу представить золо-
то и чистаго вина. Но Гримъ отвѣчалъ: я
не могу принять твоихъ предложеній, я сюда
прихожу въ разъяренныхъ противъ тебя мысляхъ,
приготовляясь ко сраженію, и станемъ слѣшить,
чтобы доставить добычу алчнымъ волкамъ. Я
тебѣ дамъ лучшій совѣтъ, сказалъ Гіалмаръ
съ хитрымъ пришворствомъ, соединимся
 вмѣстѣ тѣснымъ союзствомъ (b), и не станемъ
остав-

(b) Тѣснымъ союзствомъ и проч. Здѣсь то явствен-
но представляются тѣ союзы оружія, о ко-
торыхъ часто упоминается въ исторіи рыцарства
во Франціи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Жюанъ

оставлять друга ни днемъ ни ночью. Оставимъ то сраженіе, о которомъ ты думаешь: я довольно знаю сраженія, и я предпочитаю, чтобы отправиться въ твою страну для сѣханія тамъ прекрасной супруги, и для приведенія ея сюда. Гримъ преисполненный негодованіемъ и гнѣвомъ вскричалъ: Вооружайся, говорю я тебѣ, какъ можно скорѣе, и престань бояться вынимать твой мечъ; ступай, пускай наши щиты ударятся и распадутся подъ нашими ударами! Я имѣю сестру, продолжаетъ Галмаръ, которая лицомъ красива: я тебѣ отдамъ въ супружество сію любезную дѣвушку, и сверхъ того Біарнію съ именемъ князя, если ты въ сей разъ воздержишься отъ кровопролитія. Я не желаю твоей сестры, отвѣчалъ Гримъ, не говори мнѣ больше объ ней. Надлежитъ быть трусомъ, чтобы стриздаться отъ сраженія въ такихъ напѣреніяхъ, и сверхъ того сія прекрасная княжна въ скоромъ времени о томъ узнаетъ. На конецъ Галмаръ отвѣчалъ со гнѣвомъ: Довольно уже я отвращаю твои требованія; и такъ обогримъ, если должно, наши мечи, и испытаемъ ихъ остріе

Л 3

на дѣ

валъ вѣроятно есть первый, который обѣ нихъ говоритъ во Франціи, гдѣ обыкновеніе въ ономъ не прошло еще во время Брантома. Г. де Сентъ Палей приводитъ договоры сихъ союзовъ въ превосходномъ его сочиненіи о рыцарствѣ; они ни въ чемъ не различаются отъ тѣхъ, кои въ обыкновеніи были въ сѣверѣ. Примѣры сихъ собранствъ находятъ въ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописаніяхъ, и вообще все то, что составляло рыцарство, постановлено было въ такія времена, въ которыхъ по видимому ни чего подобнаго не знали въ южныхъ странахъ.

надъ нашими щитами. Въ то же самое время онъ взялъ бѣлыя его латы, его мечъ и его блестящій щитъ, коему равнаго не находилось во всемъ свѣтѣ. Гримъ съ его стороны, которому принадлежало давать первые удары, былъ совсѣмъ готовъ къ сраженію: такимъ образомъ онъ съ начала ошмялъ остріемъ его меча край щита Гялмара, и ему отсѣкъ руку; но Гялмаръ мало проницатель сего пошерею, и не думая ни мало о томъ, чтобы у него просить пощады, пустивъ съ яростію его мечъ, снялъ съ Грима его шлемъ и латы, прокололъ его въ грудь и въ лице, и заставилъ течь кровь въ шолокомъ изобилии, что силы его чрезъ то истощились. Однако же онъ жаловался на то, что его мечъ столь мало ранилъ его неприятеля, увѣряя, что если бы онъ могъ оный въ него пронзить обѣими руками, то бы онъ его тогда часъ заставилъ грызть пыль. Гримъ поднявъ тогда обѣими руками свой мечъ, поражаетъ онымъ шишакъ Гялмара; но онъ и самъ равномерно упадаетъ будучи слабъ отъ глубокой раны, изъ коей бьются ключи крови. Воины Гялмара прилагаютъ стараніе опогребеніи его тѣла, и они взявъ золото вмѣстѣ съ нимъ въ землю положили (с). Гримъ отнесенъ на его корабль чрезъ

(с) (Золото съ нимъ вмѣстѣ въ землю положили). Въ введеніи въ Дашскую исторію видѣли то, что одинъ изъ главнѣйшихъ обрядовъ при похоронахъ состоялъ въ томъ, дабы закапывать съ тѣломъ умершаго, чѣмъ онъ владѣлъ какъ надражайшимъ и наилубезнѣйшимъ. Если отрываютъ сѣи древнія гробницы, то находятъ еще различныя желѣз-

чрезъ его спутниковъ, которые тотъ часъ пустились въ море. Такий то былъ поединокъ сихъ двухъ знаменитыхъ ироевъ. Но между тѣмъ какъ *Гримъ* плывучи приближался къ его опечесству; то его раны пухли, его силы уменшались, и его жизнь мало по малу исчезала. Какъ онъ прибжалъ, и король равно какъ и его дщеръ узнала объ его соспоянїи; то сія княжна предприняла лѣчишь сего мужественнаго ироя, по излѣченїи котораго они вмѣстѣ совокуплены были. Для сего приготовили пиршество въ столовой короля, и всѣ придворные хорошо убранные великолѣпно въ ономъ подчиваемы были. Вино и медъ текли при томъ великими ручьями; но объ водѣ никто и не думалъ. Великая радость происходила во время свадьбы; король при семъ одарилъ золотомъ гостей, послѣ чего главнѣйшіе въ королевствѣ возвратились въ ихъ жилища съ золотыми и серебряными дарами; но особливо прекрасная супруга *Грима* преисполняла сего ироя всѣми родами утѣхъ.

Теперь надлежитъ объявить о томъ, что прежде происходило. Воины *Галмара* приведены были въ великое уныніе видя ихъ предводителя поверженнаго подъ мечемъ мужественнаго *Грима*: и какъ ихъ сердце терзаемо было печалію, то они говорили, что никогда не найдутъ ему равнаго. И

Л 4

такъ

ныя орудія; ибо какъ бы о томъ ни говорилъ нашъ стихотворецъ, то однако можно думать по той малой страсти, какую изъясляющъ къ ихъ открытію, что не часто клали въ нихъ золото.

такъ они въ печали и уныніи направили путь въ ихъ страну; но въ то же самое время они питали жестокое желаніе ко мщенію. Они пустились къ Біарміи, и какъ сила волнъ имъ благопріятствовала, то они въ скоромъ времени опять увидѣли замокъ короля Гарека (отца Гіалмара). При семъ зрѣлищѣ печаль ихъ нѣсколько умалилась, и вышедъ скоростижно на землю входили они къ нимъ, когда король вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Сей государь увидѣвъ воиновъ своихъ блѣдныхъ, исхудѣвшихъ, кои поупленные очи имѣли, спросилъ у нихъ: остался ли Гіалмаръ на его кораблѣ, и получилъ ли онъ ту супругу, которой искалъ? Гіалмаръ, отвѣчали они, получилъ во сраженіи не легкія раны, у него похищена жизнь, и онъ не видѣлъ его прекрасной любовницы. Король пораженный выпускаетъ глубокій вздохъ, и говоритъ: По истиннѣ смерть Гіалмара есть великая потеря: и такъ да возтрубаютъ всѣ тѣ, кои могутъ. Я пойду для олустоженія Швеціи: чтобы каждый воинъ, носящій щитъ, пускалъ корабли въ море; начнемъ новыя сраженія, чтобы шишаки были разломаны, и чтобы все готовилось къ рубленію мечами. И такъ вся страна обезнародѣла чрезъ сей созывъ воиновъ, которые питали въ ихъ сердцахъ желаніе къ холоднымъ сраженіямъ, дабы ушѣшить Гіалмара чрезъ скорое мщеніе. Какъ объявлено было мѣсто къ сбору; то множество людей пришло туда со всѣхъ сторонъ. Отличнѣйшіе между сими воинами носили лапы, щиты и златыя оружія, кои изѣдали блесѣли на ихъ шѣлахъ.

Гарекъ

Гарекъ давъ другимъ оружія изъ твердыхъ стали, шишаки, латы, мечи, стрѣлы и щиты, повелъ такимъ образомъ въ *Біарміи* сихъ воиновъ, всѣхъ людей радующихся и отважныхъ. Они тотъ часъ взошли на ихъ корабли, и будучи преисполнены мужествомъ пустились въ море, разставивъ на палубахъ ихъ кораблей свои щиты, которые пускали отъ себя блестящіе лучи свѣта: ихъ паруса были изъ прекраснаго штофа, испещренаго синими и красными лентами. Гарекъ увѣщевалъ ихъ ко мщенію и къ неустрашимости чрезъ воинственные разговоры. Всѣ его воины послѣдуя его желаніямъ въ запуски возвышаютъ и распускаютъ паруса: холодныя воды съ великимъ шумомъ флотъ подвигаютъ, встрѣя усугубляетъ его силу, море надувается и разбѣряется, пѣнящіяся волны на корабли бросаются. Весь сей походъ былъ столько быстръ, какъ молнія, и морскія женщины едва имъ слѣдовали для пожранія смолы, которою ихъ корабли обмазаны были. На конецъ ирои *Біарміи* достигають до земли *Шведской*; они тамъ пристають и бросаютъ якоря во глубину пристаней. Ихъ насмоленные канаты послаблены на ихъ корабляхъ, и они посредствомъ ихъ легкихъ шлюпокъ пристають къ берегу: тамъ они спѣшатъ покрыться ихъ шишаками, Гарекъ разбѣряетъ ихъ мщеніе своими разговорами, и повелѣваетъ покрыть всю землю огнемъ и мечемъ. Войско было скоро къ повинновенію ему, опустошеніе тотъ часъ начинается, пламя разпространяется по всей странѣ, и жилища лишаются

Л 5

ся

ся ихъ жизни купно съ ихъ славою. Швеція далеко разорена огнемъ, и ея ирои повержены. Ничего больше не слышно, какъ токмо далеко раздающійся звукъ орудій, и ничего не видно, кромѣ отсѣченныхъ головъ оружіемъ. На конецъ графъ *Ерихъ* услышалъ, что война опустошала земли его короля; сей ирой потѣ часъ препоясалъ его страшный мечъ, дабы остановить беспорядокъ. Онъ призвалъ къ себѣ какъ вольныхъ людей, такъ и рабовъ во всемъ королевствѣ: вскорѣ вооружено было сіе войско, между которыми толь многіе люди опредѣлены были къ лишенію ихъ жизни. Оба войска сошлись, мечи приступляются ударяя по щитамъ и по щипакамъ: воины надували ревущіе трубы, стрѣлы пронзали сражающихся, мечъ отсѣкалъ ихъ члены, и все почти представлялось предаваемымъ смерти.

Въ семъ сраженіи находился одинъ храбрый воинъ именемъ *Грундъ*, славный въ искусствѣ перерублять наикрѣпчайшіе щиты, и ушучнять хорошими обѣдами алчныхъ волковъ. Онъ отправлялъ должности князя въ королевствѣ *Гарека*. Онъ былъ чело-вѣкъ преисполненный жаромъ во сраженіяхъ какъ мечемъ, такъ и копьемъ, который уже жертвовалъ смерти многими хорошими тѣлами. Сей бодрый ирой бросился разъяреннымъ въ толпу сражающихся, и повергнувъ къ его стопамъ многихъ воиновъ покрытыхъ потомъ и кровію, предалъ ихъ свирѣпымъ звѣрямъ. Графъ *Ерихъ* воспламененный гнѣвомъ и мщеніемъ бѣжигъ ему на
вспрѣ-

встрѣчу; но градъ стрѣлъ самаго его повергаетъ, и заставляетъ отступить его спутниковъ; остальные его воины видя его лежащаго на пескѣ, бросаютъ свои щиты на землю, и спасаютъ жизнь ихъ бѣгствомъ. Побѣдители проливаютъ ручьи крови побѣжденных, и пуская ужасные крики радости употребляютъ острія ихъ мечей надъ щитами неприятелей. Они скоропостижно отступаютъ въ лѣсъ, оставивъ поле открытое ихъ блѣдными товарищами, и находились въ неизвѣстности и въ уныніи безъ щитовъ и безъ шлемовъ къ ихъ защитѣ, между тѣмъ какъ побѣдоносные Віарміане, мало стараясь о славѣ и о добродѣтели, спали сожигать дома, разбѣянные въ полѣ.

Тотъ часъ возвѣщаютъ королю Карлу, что его воины и что самъ его графъ Ерикъ погибли, и что его войско плаваетъ въ рѣкахъ крови. Ему сказали, что при Гарежѣ находился князь именемъ Грундъ, который учинилъ его блестящимъ мечемъ великое опустошеніе между его людьми. Гримъ равнобѣрно услышалъ сіе извѣстіе, и ударивъ съ силою его ножемъ, воскнулъ оный въ столъ; но король прокололъ его своимъ насквозь. Тотъ часъ каждый бѣжитъ къ его оружію, и одѣвается по своему образу. Труба раздаётся, каждый воинъ готовится, и жены живо опечаленныя предаются ихъ ужасамъ.

Между тѣмъ народъ собрался толпами къ ихъ королю говоря, что смертельное бѣдствіе распространилось по Швеціи, и что

что огонь пожиралъ имѣнія всѣхъ жителей безъ извѣстїя. Король услышавъ о сихъ неожиданныхъ несчастїяхъ покраснѣлъ отъ гнѣва, и имъ приказываетъ обогрѣть кровію синѣющуюся сталь ихъ оружіемъ. Громкія трубы раздаются съ шумомъ, и при семъ воины даютъ клятву во мщеніи за ихъ потери. *Гримъ* дыша токмо быстрыми сраженіями, покрывается его драгоцѣнными латами; онъ надѣвъ его воинскій снарядъ кажется еще пригожѣе, и его мечъ распространяетъ наиблестящую молнію. Все его войско нетерпѣливо ко сраженію бросается на *Біармь* пуская камни. Выборные воины *Гирека* съ ихъ стороны поражаютъ и бѣгутъ въ запуски на удары. Раны спѣшатъ открыться подъ остріемъ ихъ мечей. Копья и стрѣлы пускаются съ силою; *Грундъ* пресѣкаетъ дни всему тому, что токмо на встрѣчу попадаетъ: *Гримъ* воспламеняетъ ревностію его людей: король *Карль*, свидѣтель сшибки сихъ ироевъ, чрезъ долгое время равномѣрно ударялъ его мечемъ щиты и шлемы, и заплатилъ смерти многочисленныя дани. Все упадаетъ съ великимъ шумомъ подъ его страшными ударами; его блестящійся мечъ проникаетъ даже до сердца. Такимъ образомъ воины упали толпою въ семъ сраженіи; коршуны собирались для пожранія ихъ добычъ, молодые орлы пускали великіе крики, алчные звѣри ожидали раненыхъ и мертвыхъ. Ястребы на верху воздуховъ радовались съ великимъ шумомъ видя дымящійся обѣдъ. Многіе волки присутствовали такъ же при семъ сраженіи. Между

жду тѣмъ Грундъ спѣшилъ къ поверженію его непріятелей, и его мечъ былъ мокръ отъ крови. Король Карлъ видитъ его людей низверженныхъ и разсѣченныхъ въ части симъ воиномъ. Они встрѣчаются, и какъ ихъ сердце перзаемо было ужаснымъ гнѣвомъ, и вступаютъ во сраженіе. Отъ ударовъ, которые они себѣ наносятъ, усугубляютъ и другъ друга повергаютъ отъ минувши до минувши, король будучи удрученъ ранами на концѣ падаетъ, и его члены плаваютъ въ его крови. Въ одно мгновеніе блестящія дщери судьбы его приглашаютъ ко вѣществу въ чертоги *Одина*.

Когда Карлъ такимъ образомъ упалъ въ видѣ жадныхъ и радостныхъ волковъ; то *Гримъ* бросаясь съ яростію сквозь толпы непріятелей, спонетъ по средѣ мечей между тѣмъ, какъ *Грундъ* хвалится пріобрѣтенною побѣдою надъ его непріятелями, умертвивъ его мечемъ какъ короля *Карла*, такъ и графа *Ерика*. По томъ увидѣвъ *Грима*: Ты то ли еще остаешься, вскричалъ онъ ему, съ которымъ я долженъ сразиться. Тебѣ то надлежитъ отмстить: становись и станемъ одинъ на одинъ сражаться; время уже и тебѣ испытать остріе меча моего. Вскорѣ увидѣли поднимающіяся ихъ оружія, какъ черное облако. *Гримъ* представляется такимъ, какъ молнія, они одинъ на другаго нападаютъ, они дѣйствуютъ ихъ мечами съ яростію, и оные обгагриваютъ въ ихъ ранахъ. На концѣ *Грундъ* покрытъ ранами, и наводненъ текущими изъ нихъ ручьями крови. *Гримъ* испускаетъ страшный крикъ торжества, и его мечемъ на-

поен-

поеннымъ ядомъ разсѣкаетъ шишакъ его неприятеля, ломаетъ его оружіе, и пробирается даже до его груди. Тогда градъ стрѣлъ пущенъ съ обѣихъ сторонъ, кои все имъ встрѣчающееся пронзаютъ; мечи проходятъ сквозь щѣла и повергаютъ головы воиновъ столь же быстро, какъ бы ими ударяли въ кучу снѣга. У знаменитѣйшихъ срываютъ запястья, которыми они украшены были; синѣющее остріе меча разсѣкаетъ щиты и сбрую всѣхъ. На конецъ побѣжденные Біарміане обращаются къ ихъ кораблямъ, и каждый бѣжитъ столько, сколько силы его то ему дѣлать позволяютъ. Корабли опвязаны и удалены, тѣ корабли, которые должны были привести въ ихъ страну полъ пагубныя извѣстія; но наихрабрѣйшіе токмо медлительно отступаютъ, и казались, что они дѣлая движеніе ихъ плечами хотѣли еще насмѣхаться надъ побѣдителемъ.

Между тѣмъ не видѣли того, чтобы Тарекъ убѣждалъ такъ, какъ другіе, и чтобы сей мужественный Король оборотилъ его спину во время сраженія. И такъ его рачительно искать стали; но его товарищи сами собою пошли съ нимъ къ Гриму и ему сказали: Теперь ты имѣешь въ твоей власти сего неустрашимого ироя, который не взираетъ на то, что онъ удрученъ лѣтами, сражается еще съ жаромъ молодого человѣка: твоя слава будетъ обманчива, если ты лишишь его жизни; ибо онъ такой человѣкъ, которому едва ли можно найти равнаго. Гримъ устремилъ тогда взоръ его на короля, и ненависть казалась

лась еще неутошенною между сими двумя ироями. Сверхъ того о смерти Гялмара сожалѣлъ еще народъ, хотя уже за нея и отпмспили. На конецъ Гримъ принялъ рѣчь, и сказалъ: Король мой тестъ лишился жизни, и твой сынъ знаменитъ былъ его силою: лускай наши взаимныя потери будутъ равными считаться, и лускай смерть Грунда наградитъ смерть графа Ерика. Что касается до тебя, о король! то прими жизнь и миръ. Ты довольно оказалъ себя во сраженіяхъ; соблюдай твои обширныя корабли, и твое королевство Біармю. Великодушное намѣреніе Грима всѣмъ понравилось. Оба ирои учинили между собою пѣснй и вѣрнй союзъ. Король радуясь тому, что ему оставили жизнь, вскорѣ опвелъ его флотъ въ Біармю. Воины положили ихъ оружія, а раненые опведены были къ нимъ и вылѣчены. Для мертвыхъ воздвигли холмы (d). Гримъ управлялъ королевствомъ будучи любимъ и почитаемъ его знаменитѣйшею супругою: онъ былъ пышенъ, красно-рѣчивъ,

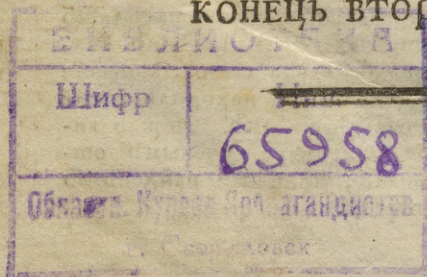
(d) (Для мертвыхъ воздвигли холмы). Сіе изрядно доказывается, что приключенія повѣствуемыя въ семъ стихотвореніи суть весьма древнія. Коля скоро были церкви въ сѣверѣ; то строго запрещено было погребать въ полѣ, какъ то обыкновенно язычники дѣлали. Я уже замѣтилъ, что почти на каждомъ шагѣ такіе погребальныя холмы находятъ въ Скандинавіи, и въ странахъ сѣднихъ къ Балтійскому морю. Норвежцы ввели сіе обыкновеніе съ ними въ Нормандію, гдѣ часто находили такіе холмы во всемъ подобные сѣвернымъ. Можно видѣть особливо описаніе учиненное ученымъ опцемъ Монтфокеномъ о томъ, который найденъ въ 1685 годѣ въ Еврской епархіи.

рѣчивѣ, привѣшливѣ, и всѣ жишели прославляли его похвалы.

Безполезно бы было распространять дальше сіи примѣчанія. Читанное стихотвореніе столь живо начерпываетъ нравы сихъ временъ, что къ тому ничего прибавлять не нужно. Безъ сомнѣнія найдутъ въ ономъ, равно какъ и въ большей части сочиненій составляющихъ сіе собраніе, больше воображенія, нежели какъ бы можно было ожидать отъ сихъ вѣковъ невѣжества и грубости, и отъ сего угрюмага мѣстоположенія. Однако же надлежитъ прибавить, что почти все, что въ томъ имѣетъ пріятства и разума, для насъ потеряно, по тому что мы оное въ прозѣ переведенное читаемъ; что мы рѣдко и съ трудомъ отгадываемъ аллегоріи, коими сочинители ихъ наполнили, и что мы не вступаемъ ни въ систиму ихъ иконословія, ниже во нравы временъ, въ которыхъ они писали.

Что надлежитъ заключить изъ всего сего? Усумнимъ, что въ томъ, чтобы сіи Скандинавы стихотворцы, и иногда стихотворцы парящіеся и оспроумные, не были тѣ же самые свирѣпые Скандинавы, которые сожгли Римъ, разрушили Имперію, опустошили Испанію, Францію и Англію? Сіе бы значило бесполезно обманывать исторію. Лучше признаемся, что жаръ владычествующія страсти могъ разгорячить головы при недостаткѣ солнца, и что воображеніе можетъ быть довольно далеко доведеннымъ у людей за многія столѣтія предъ тѣмъ, нежели ихъ разумъ изъ младенчества выйдетъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Centimetres

Inches

Blue

Cyan

Green

Yellow

Red

Magenta

White

3/Color

Black

Colour Chart #13

DANES
PICTA
COM

и другія

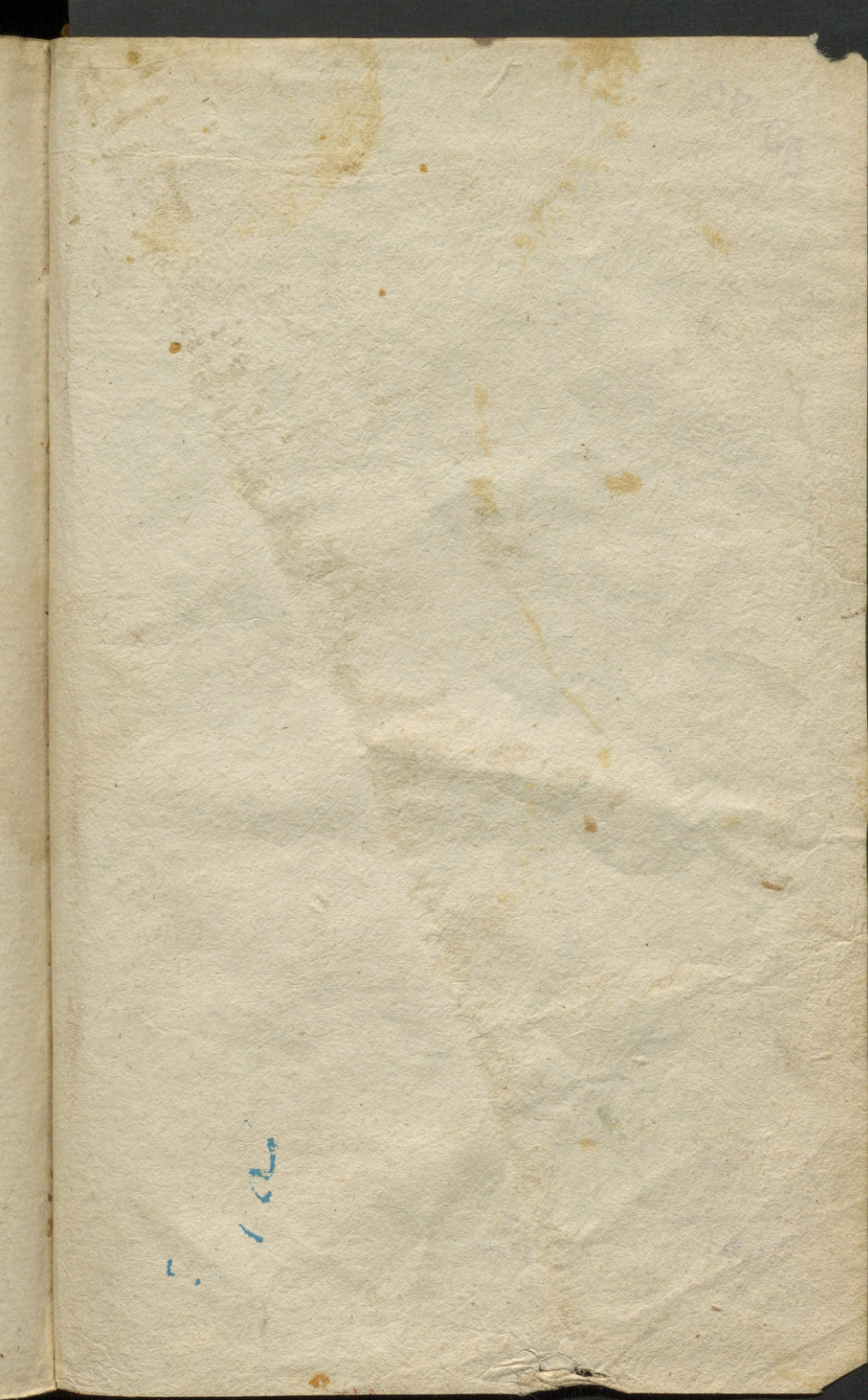
и всѣ жили прослав-

распространять дальше сѣ-
ое стихотвореніе столь живо
сихъ временъ, что къ тому
неужно. Безъ сомнѣія най-
вно какъ и въ большей части
дихъ сѣ собраніе, больше во-
акъ бы можно было ожидать
вѣжества и грубости, и отъ
положенія. Однако же надле-
по почти все, что въ томъ
разума, для насъ потеряно,
ое въ прозѣ переведенное чи-
о и съ трудомъ отгадываемъ
инители ихъ наполнили, и что
въ сисстиму ихъ иконословія,
нѣ, въ которыхъ они писали.

ючипъизо всего сего? Усумнимъ
бы сѣ Скандинавы стихотвор-
творцы парящіяся и остроум-
самые свирѣлые Скандинавы,
нѣ, разрушили Имперію, опу-
ранцію и Англію? Сѣ бы зна-
нывать исторію. Лучше при-
адычествующія спраши могъ
при недостаткѣ солнца, и что
бышь довольно далеко дове-
мноія столѣтія предъ тѣмъ,
изъ младенчества выйдетъ.

горой части.

5/18

00-40.

